

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Михаил ГАР
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЫН
Шухрат СИРОЖИДДИНОВ
Абдухаким ФАЗИЛОВ
Лариса ЮСУПОВА

Главный редактор
Улугбек ХАМДАМ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Саъдулло КУРОНОВ

Редактор
Нургали СЫЗДЫКБАЕВ

Республика Узбекистан
Ташкент

Мухаммад АЛИ

перевод

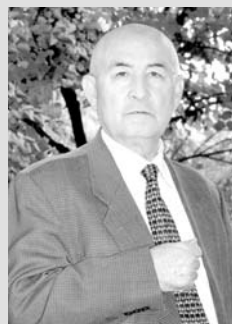
АМИР ТЕМУР ВЕЛИКИЙ

(Роман-эпопея)

Книга первая

ДЖАХАНГИР МИРЗА

Волчица, никому не показывая своих детей, оберегая от посторонних глаз, лелея и пестуя взрастила их. Сыновья Туроглана выросли отважными рослыми богатырями. Слава о них разнеслась на семь планет. Со временем сыновья женились на дочерях Турфана, обзавелись семьями, у них самих родились дети, внуки, правнуки, составившие целое племя. И стали называть они себя «тюрьками», а страну – Тураном.

Виктория ОСАДЧЕНКО

ПОЭЗИЯ

*А земля, как подумать,
везде святая...*

Гибнущее и растущее и -
на жестких ладонях суши...

.....
И все это так бессмертно
и неимоверно хрупко

Наталья КРОФТС

НОВЫЕ ИМЕНА

НОЧНОЕ СВИДАНИЕ

(Рассказ)

На других фотографиях, «на том же месте в тот же час», улыбались – кто залихватски, кто смущенно – десятки разномастных лиц, от табунка хрупких корейцев до раздобривших седых американских пар, от грудастых африканских женщин до тоших альбиносов-северян. И рядом с ними в каждом фото стоял неприметный, как призрак, маленький человек в дешевых сандалиях на босу ногу.

ПЕЖЬ ОТИ ЕЛЕЗ

Я, в ком было любви через край,
наполняюсь армадой теней.
Время рушит мечты моей рай,
тайны гибнут и мне все больней.

ДОКТОР ЯСЕНЕЦКИЙ-ВОЙНО

Он приехал в Ташкент в 1916 году, имея за плечами многолетний опыт работы земским врачом, хирургическую практику на фронте во время русско-японской войны, звания доктора медицины и лауреата очень престижной премии «за лучшее сочинение, пролагающее новые пути в медицине».

Театр "пробивающего ВХОДНОВЕНИЯ"

Театр «Ильхом» замечателен не только необычным своеобразным прочтением драматургии, но и совершенно оригинальным современным сценическим воплощением авторского художественного замысла и созданного автором образа. Здесь по-новому видят и ставят классику, режиссура находит и воплощает то, что скрыто, закодировано в авторе, еще не известно никому, иногда даже ему самому.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЦИСТИКА

Андрей Слоним. Культура – или лжекультура? (Из цикла статей «Быть или казаться?»)5

ПЕРЕВОДЫ

Махуммад Али. Амир Темура Великий. (Роман, перевод с узбекского М.Али и С.Камиловой).....9

Шадман Отабек. Прическа. (Рассказ, перевод с узбекского Ш.Мирзаева)32

Хафиз Ширази. Ты – восходишь зарей, я – стыжусь, как огарок свечи. (Газель, перевод со староузбекского Темура Варки)....34

Фахриддин Низамов (Фахриер). Тень от слез. (Цикл сонетов, перевод с узбекского Г.Власова).....35

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Николай Ильин. Поэзия проникающего взгляда (Лирика М.Богатыревой).40

ПРОЗА

Тимур Гулямов. Райские огурцы или соленая конфета любви. (Рассказ).....47

Александр Махнев. Ташкентские этюды. (Повествование в картинках).....55

Владимир Васильев. Чалма Искандера. (Альтернативная история).....76

Рубен Назарьян. Возвращение Рудаки. (Рассказ).....97

НОВЫЕ ИМЕНА

Наталья Крофтс. Ночное свидание. (Рассказ).....102

Ирина Люлько. Тончайшее природы вдохновенье..105

Анастасия Хаванская. Концетосфера имени Соня (Софья) в русской литературе.....73

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Эльдар Юлдашев. Маэстро эвфонии.....108

Наталья Хашимова. Театр «пробивающего вдохновения»...111

Акбар Хакимов. Память дает знать времени о его бесправии.....130

ПОЭЗИЯ

Виктория Осадченко. А земля, как подумать, везде святая.....113

Марта Ким. Вдохновение.....116

Фархад Юнусов. Краеугольный камень преткновения в душе.....118

ПОЗДРАВЛЯЕМ

Анатолий Ершов. Певец солнечного края.....121

КАРАВАН ИСТОРИИ

Борис Голендер. Доктор Ясенецкий-Войно.133

Таир Эфти. У истоков человеческой цивилизации.....138

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Ольга Хегай. Художественные координаты времени в рассказах З.Прилепина.....142

*На 2-ой, 3-ей, 4-ой страницах обложки картины
Марины Богатыревой.*

Звезда Востока

2013 № 4

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. 0296

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
д.16 А (5 этаж).

Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет
Хуршид Иброхимов

Подписано в печать 09.12.2013.

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 12,60. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 535 экз. Заказ 307-13

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ИПТД «Укитувчи».

г. Ташкент, ул. Навои, 30.

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном
наборе.

Набор текста в любом формате с
приложением дисков и распечаткой.

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.

Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

публицистика

Культура или лжекультура

(Из цикла статей "Быть или казаться")

КУЛЬТУРА – это не только и не просто понятие. Есть в сфере нашего осознания некие категории, которые подобны обширному полю, не знающему границ. Это поле может зеленеть и цвести, как луга в весеннюю пору. Оно может опьянять ароматом трав и цветов, оно может жить своей жизнью под лучами солнца, живительными ветерками, обновляясь под неожиданным дождем.

Но, когда корни недостаточно напитаны влагой, когда зной становится иссушающим, когда не происходит обновления, цветущий луг начинает увядать, блекнуть, засыхать.

Культура... Да, она слишком похожа на этот образ поля, луга, умеющего буйно и красиво расцветать, но знающего и периоды засухи.

Более того, по самому этому полю стоит, право же, двигаться очень осторожно, подобно саперу, чтобы тяжелой стопой не нарушить естества, не прервать чей-то путь к расцветанию и порыву. Как тут не вспомнить бабочку Рэя Бредбери, случайно наступив на которую, герой не только фатально погубил ее, но и изменил весь исторический ход событий.

Лингвистический корень этого слова, несомненно, – КУЛЬТ. Поклонение чему-то необычайно возвышенному, надчеловеческому. В далекие времена суровейших схваток и битв за существование надо было обладать силой и гармонией тела и высотой духовности. В эпоху античности в Греции и Риме, несмотря на жесткость нравов, суровость обычаев тоже царилло глубокое уважение к мужеству, героизму, остроте ума и умению человека воплощать высшие творческие качества, умение восхищаться красотой человеческого духа и воспевать ее в поэмах, гимнах и произведениях для театра. Античный театр выполнял высокую миссию. В комедиях он смешил, иронизируя над слабостями человека, в трагедиях славил величие и скорбел о несовершенстве мира, в котором самый высший дар – человеческая жизнь – подчас преступно утрачивает и смысл, и саму возможность. Каждая такая смерть героя была космическим потрясением основ. Интересно и другое – В АНТИЧНОМ ТЕАТРЕ СМЕРТЬ, УБИЙСТВО, УХОД ИЗ ЖИЗНИ НИКОГДА НЕ ПРОИСХОДИЛИ НА СЦЕНЕ. Об этих печальных событиях повествовали другие герои. Так сознание зрителей театра оберегалось от восприятия самого акта смерти, поскольку по понятиям эпохи она была ДИСГАРМОНИЧНА И ПРОТИВОЕСТЕСТВЕННА...

В не менее суровую, но несколько иную эпоху Средневековья расцветает рыцарский культ прекрасной дамы. Красота почитается как один из высших даров творения. Рыцари-трубадуры поют своим дамам мадригалы, сочиняют в их честь песни, слагают стихи. Культура этикета – общения друг с другом по понятиям чести и достоинства – начинается именно отсюда. Друзей почитают и поддерживают, с врагами полемизируют и во-

**Андрей
СЛОНИМ**

*Режиссер-
постановщик
и сценограф
Государственного
Академического
Большого театра
имени
А. Навои,
Заслуженный
работник культуры
Республики
Узбекистан.*

уют, но... тоже по этикету чести. Законы рыцарского турнира, поединка, берущие свое начало именно оттуда, предполагают уважение к противнику и честную схватку один на один. (Да, все эпохи знавали и перстни с ядом, и предательские кинжалы в спину, и многочисленные костры, и многое другое, но этикет, здание культуры продолжали расти и строиться.). Непрерывающаяся ломка устоев, увлечения, разочарования и новые духовные устремления в сфере искусства и культуры как воплощения Жизни в ее многообразии.

Культура духа, культура взаимоотношений, культура творчества различных видов искусства – все это вырабатывалось веками.

Но сегодня остро стоят проблемы разрыва «связи времен». Сделаем резкий «монтажный переход». В наш родной XXI век. Юный герой одного из многочисленных сериалов настырно изрекает:

«У меня завтра сочинение по литературе по Пушкину! А на кой мне этот Пушкин – ведь я в мореходку собираюсь поступать!». Вот вам, так сказать, «первая станция» движения нашего ультрасовременного поезда!

А вот и второй «кадр» – уже не из сериала, а из злободневного интервью молодого московского режиссера. «Журналист: Как Вы относитесь к тому, что собираются принять закон о недопущении ненормативной лексики?» Ответ молодого деятеля искусств и культуры красноречив и своеобразен: «ЭТО БЫЛО БЫ БОЛЬШОЙ ГЛУПОСТЬЮ И БЕДОЙ, ПРОТИВ ЭТОГО НАДО ПРОТЕСТОВАТЬ! МЫ ПОТЕРЯЕМ ПРАВДИВЫЙ ЯЗЫК ОБЩЕНИЯ СО ЗРИТЕЛЕМ!...»

Пример третий. Выдающаяся оперная певица Елена Образцова беседует с достаточно опытными тележурналистами о своем творчестве и судьбах театра сегодня. И с горечью говорит, что отказалась от некоторых проектов, в которых классическое оперное произведение искажалось в своей сути, опошлялось примитивными решениями (перенесение действия... то в публичный дом, то в психбольницу, то в стриптиз-клуб). И аргументировано заявила о том, что, если это искусственно привнесено в ткань спектакля, то зачем вообще происходит такое снижение высот культуры? Ответ маститых журналистов был поистине ошеломляющим: «Простите, А НА КАКОМ ЖЕ ЯЗЫКЕ ТОГДА БЕСЕДОВАТЬ С МОЛОДЕЖЬЮ И СО ЗРИТЕЛЕМ ВООБЩЕ?»

Эта фраза, многолико изменяющаяся во многих дискуссиях и в обмене суждениями, все более становится необходимым заявлением об уровне современной молодежи.

На каком же языке беседовать сегодня с молодежью? Как сапер по минному полю, попытаюсь продвинуться по пространству этой проблемы. И опять произвольные ассоциации. Вызов противника на дуэль в позапрошлом веке неизменно начинался с обращения: «Милостивый государь!» или хотя бы «Сударь!». Далее в приличной форме следовала мотивация вызова, никогда и ни в чем не нарушавшая норм этикета (даже если накануне один из противников получил от другого пощечину или был оскорблен как-то по-иному!). Как не вспомнить описание вызова на дуэль, который Ленский прислал Онегину:

То был приятный, благородный,
Короткий вызов, иль картель.
Учтиво, с ясностью холодной
Звал друга Ленский на дуэль.

Сегодня конфликтная ситуация выглядит, как правило, по-иному. «Типовой амбал» истошно рычит другому (неважно – следователю, который его разоблачил, своему сопернику по бизнесу, любовнику жены или... или...): «Ты, урод, сгинь, а то я тебя закопаю! Ты еще не знаешь, с кем связался!».

Слово «УРОД» стало расхожим эпитетом, им свободно оперируют буквально все: и гориллоподобные мужички, и ... прекрасные дамы! Во внешне безобидных передачах, связанных с подбором одеяний и туалетов для партнерш и подруг, весьма многие «нежные создания» с большой охотой отпускают в адрес своих ближайших партнерш колкости и даже откровенные грубости в оценках их внешности. В фильмах и передачах о молодежи это обескураживает. Причем, юмором тут даже отдаленно и не пахнет – налицо упоенное самолюбование и стремление... унижить ближнего, удовлетворяя себя и упиваясь собственным совершенством. Но поскольку профессия режиссера сродни профессии психолога, могу откровенно признаться, что все это порождено прежде всего глубокими собственными комплексами неполноценности оскорбляющего...

Весьма актуально и далеко не забавно звучит сегодня известный анекдот о Вовочке: *«Марья Петровна, учительница: «Вова, это правда, что ты употребляешь ненормативную лексику?» Вовочка (потупив глаза): Да, Марья Петровна, иногда...» Марья Петровна: «А какие слова ты употребляешь? Можешь сказать?» Вовочка: «Ну ладно... Милостивая государыня, высокочтимая Марья Петровна! Если Вы соблаговолите своей милостью простить меня за недостойное поведение, то я как честный человек, обязуюсь...» Марья Петровна перебивает: «Постой, постой! А что же тогда нормативная лексика?» Вовочка: «Ну, это все другое...»*

Звучит все это не столь смешно, скорее трагично и еще раз подчеркивает важность поднятой проблемы.

Некая, если так можно выразиться, зомбированность сознания и поступков все чаще вытесняет стремление и умение осмысливать, формировать свое даже, может быть, не схожее с другими суждение о событии, характере. Современные цифровые технологии приучают к заданной холодности формул и алгоритмов. Изучая историю литературы, мы все более уклоняемся от аналитичности, отвечая на убогие вопросы различных тестов типа: «Чем Раскольников убил старуху? Ответы: а) топором, б) молотком, в) бензопилой, г) сама померла от ужаса». Истина постижения глубочайшего, и, кстати, весьма современного произведения «Преступление и наказание» остается где-то за воздвигнутыми нами заборами.

Соединение с культурой и искусством невозможно без эмоции. А эмоция чаще всего сейчас попросту спит, отключается за не востребованностью. Наушники в ушах и постоянный ритмический мотив отрубает от контактов с внешним миром и символизируют, так или иначе, полное пренебрежение к окружающим. Индивидуализм уже не просто наступает – он напирает как танковая колонна, сметая все, что прежде казалось незбылемым и ясным. Причин множество – сказывается непонимание подростка в семьях, где родители увязли в своих проблемах и заботах и не находят времени узнать о том, каков же сейчас их сын или дочь, чего он хочет, к чему стремится? А ведь с чего маленький человек приобщается к культуре? С тихой маминой или бабушкиной сказки на ночь, с первой яркой книжки с картинками, с чувства сострадания к ближним. Но семья как незбылемая крепость со своими устоями, общением с многочисленными родными за большим столом, с беседами как ни прискорбно, все более сдает свои позиции. Как-то понемногу отучаются все обсуждать прочитанное, увиденное, оценивать, обдумывать, выслушивать другие мнения. Отлетая из семьи в самостоятельную жизнь, молодые все чаще оставляют в стороне проблемы и заботы отцов и матерей и этим рвут незримые нити устоев культуры.

Еще в начале XX века выдающийся художник Константин Коровин сформировал понятие «человек за забором». По его мнению, это обыватель, отгороженный от общества высоким забором безразличия и незаинтересованности ни в чем, кроме своих мелких приобретений. «Человек за забором» очень привередлив, для него нет авторитетов, он все пытается развенчать и приземлить, приравнять к своему карликовому росту. В любом имени, символизирующем высоту творчества и культуры, такой «человек за забором» выискивает массу изъянов, типа: «Да, я пью! Но ведь и Есенин пил, и вообще, он больше пил, а стихи так, от нечего делать писал!» «Да, я в карты играю! Но ведь и Некрасов, и Достоевский играли – и проигрывали! Чем я хуже их!». Горько признать факт, что и сериалы о великих людях снимают сейчас на уровне «человека за забором»: не о поэте Есенине, а о человеке одержимом пагубным пристрастием к выпивке и неразборчивым связям. Не о великом композиторе Рахманинове, а о ветреном повесе, прозевавшем из-за мимолетного романа важную встречу с Чайковским. На радость тем «человекам за забором», которые, сидя перед экраном, чувствуют свое «родство» с великими в их слабостях...

Почему дискотеки и ночные клубы стали эталоном и мерилем уровня культурной жизни молодых? Почему тотальная компьютеризация, при всей своей технической полезности, все более активно отнимает у нас язык и общение, грамотность и культуру? Жаргонные «форумы» разных сайтов своим убожеством и примитивизмом подчас ужасают – и это далеко не предел бескультурия. Мало радует откровениями и «традиционная» эстрада.

Есть, правда, некоторые внятные попытки в эстрадном жанре поднять планку творчества до более высокого уровня. В своеобразной передаче «Один в один» многие деятели

эстрады подчас очень ярко и талантливо воплощают образы других выдающихся певцов, пытаясь воспроизвести не только их внешний облик, но и внутренний мир. Эти концерты-спектакли становятся новым жанром, в котором и исполнитель, и зрители нащупывают ступени, которые помогут им подняться на иной уровень культуры.

Наверное, нельзя обойти вниманием и проблему творческой личности. Во все времена художник неустанно работал над развитием не только мастерства, но и уровня собственной духовности, личностных качеств. Обобщая жизненный опыт, он воплощал свои замыслы. Творчество никогда и никому не давалось просто, а зачастую и не давало зримых результатов при жизни даже великого мастера. Общеизвестно, что наследие великого И.С.Баха стало широким достоянием спустя тридцать лет после его кончины, благодаря усилиям людей, нашедших огромное количество его творений на чердаке дома. Многие: Пушкин, Моцарт, Рафаэль – уходили из жизни не достигнув сорокалетия, но успев одарить человечество сокровенным, иные: Леонардо да Винчи, Верди, Толстой – проживали долгие земные дни. Кто-то платил за полноту творческой отдачи здоровьем, равновесием духа. Но никогда и никем искомый результат не был достигнут сразу. Не может не удручать сегодня факт кажущейся простоты «успеха» мимолетных конкурсных званий, множественных наград, искусственности новых понятий – «рейтинг», «хит». Человек, овладевший несложной рифмовкой и простой последовательностью музыкальных аккордов, гордо объявляет себя поэтом и композитором, забывая «самую малость» – и тем, и другим необходимо *родиться*, а не титуловаться.

Стоит ли так подробно говорить на эту тему? Безусловно, потому что, как кажется, еще не поздно в лавине массовой лжекультуры выявить живительные ростки культуры истинной, нащупать в водовороте приблизительностей и невнятных твердую почву настоящего и попытаться встать на нее обеими ногами.

И говорить необходимо не на жаргоне подворотни, желая быть «особо понятным и доступным», а на языке высокой культуры. От великих поэтов и мыслителей земли Узбекистана до всего многообразия творцов мира каждый нес свою образность, свою высоту идей и свой язык, всегда высоко поэтический и таящий много невысказанного, что нужно доосмыслить, до чего можно и должно дорасти. И пространство расступится перед этой пристальной проникновенностью, открывая новые и новые необъятные дали для всех, кто вступил на почву благодатной страны Искусства и Культуры...

переводы

**АМИР ТЕМУР
ВЕЛИКИЙ***Роман-эпопея*

Книга первая

Джахангир Мирза**ГЛАВА ШЕСТАЯ*****I**

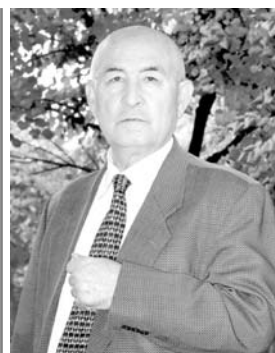
Ахий Джаббар, удостоившись внимания самого Темурбека, чувствовал себя на седьмом небе от счастья и до поздней ночи хлопотал возле шатра. Потом, чтобы не беспокоить лишний раз Джахангира Мирзу, собрался уходить, ведь здесь слуг более чем достаточно. К тому же, он должен был заступить в караул. Вдруг принц подал знак как бы говоря: «Останьтесь здесь», у него не хватало сил вымолвить слово.

Этот бесстрашный воин пришелся по нраву принцу. Он спас принца во время сражения, проявив завидную отвагу на поле брани. Особенно хорошо запомнился один эпизод. Слева к нему приближался, целясь из лука, вражеский наукер. У Ахий Джаббара же кончились стрелы, тогда он, насмехаясь над наукером, крикнул: «Иди! Давай, иди-ка быстрее, подлый трус!», сам был настороже. Это задело наукера и раззадорило его, он стремительно бросился вперед, чтобы наказать наглого шута. Справа в это время другой стрелок тоже целился в Ахий Джаббара, но тот ловко нагнулся, и стрела, шипя, пролетела мимо. Огорченный стрелок схватился за пику, направив коня на противника. Всадники, скакавшие с обеих сторон, не видели друг друга. Ахий Джаббар, заметив это, в последнюю минуту вывернулся! Воины столкнулись, и оба нашли свою смерть. Все произошло за считанные секунды.

Достопочтенный отец и дед Амир Жаку барлас отметили отвагу и мужество этого джигита, принц еще больше заужал его. Еще тогда, во время боя, Джахангир Мирза хотел взять его в свой отряд. Видать, он не ошибся в своем намерении. «Он из отряда Аббаса бахадура, я выпрошу его у него» – решил он тогда.

С такими мыслями Джахангир Мирза заснул. «Слава богу, – подумал Ахий Джаббар, – принц изнемог от боли, теперь он немного отдохнет». Он сел у порога шатра, поджав под себя ноги, и стал всматриваться в темноту. Ему совсем не хотелось спать. Вокруг сновали слуги. Вдали горели костры дозорных.

Глубокой ночью Джахангир Мирза вдруг проснулся. Нога ныла от боли. Беспокойство принца заметил чуть задремавший

Мухаммад АЛИ

Народный писатель Узбекистана. Поэт, прозаик, публицист, переводчик, автор более тридцати произведений.

Председатель Союза писателей Узбекистана. Лауреат Государственной премии.

Родился в 1942 г.

* Продолжение. Начало см. в №3 журнала за 2013 г.

Ахий Джаббар. У Джахангира Мирзы возникло желание побеседовать с ним. Вначале разговор не клеился, говорили о том, о сем, о разных небылицах. Джахангир Мирза понял, что Ахий Джаббар стесняется, оттого и говорит мало.

– Расскажите о ваших приключениях... Не стесняйтесь, – тихо сказал принц. От слабости у него не было сил говорить, ему больше хотелось слушать.

– Рассказать о своих приключениях...

Ахий Джаббар задумался. О чем же рассказать? Заинтересует ли принца его простая скучная событиями жизнь? Стоят ли внимания высокопоставленного принца его приключения? Его рассказ должен быть занимательным, успокаивающим и забавным. Так что же было в его жизни интересного? Самое интересное и достойное внимания... Мытарство, общество ахийцев в Маргилане, Ночное царство в Самарканде, сарбадары, хождения по мукам, скитания... Перебирая в памяти события, Ахий Жаббар вдруг почувствовал, как зашемило сердце, на глаза навернулись слезы. Он вспомнил Жахан биду, прекрасную дочь Абу Бакра Калави, падишаха сарбадаров Самарканда. Жахан... Странно, его любовь к Жахан со временем не ослабевала, наоборот разгоралась еще сильнее... Эта любовь – самое великое богатство души Ахий Жаббара, достояние его жизни... Об этом ли рассказать Джахангиру Мирзе? Ведь история любви, повесть об искренних чувствах радует каждого человека, это исцеление души, бальзам... Понравится ли это моему принцу?..

– Вы кого-нибудь любили?.. – спросил вдруг Джахангир Мирза.

Дрожь пробежала по телу Ахий Жаббара. Какие-то далекие знакомые чувства пробудились в нем.

– Любил я одну девушку, скрытно, тайно горел в пламени любви, мой принц... Не обессудьте... – смущенно начал Ахий Жаббар. – Можно, расскажу?

– Рассказывайте! Рассказывайте! – поддержал Джахангир Мирза.

– ... Эта девушка жила в Самарканде, белолицая, властная, подвижная, энергичная, крепкая, красивая была... Я готов был ради нее пожертвовать собой. Мечтами о ней был жив я на этом свете!..

Ахий Жаббар не ошибся: его рассказ по-настоящему заинтересовал Джахангира Мирзу. Полусонные глаза раскрылись шире, принц наострил уши. По сути дела, приобшить пятнадцатилетнего юношу к истории о любви – то же, что бросить рыбу в воду.

– ... Только любовался я ею издалека. День, когда я ее встречал, считался моей удачей, – продолжал Ахий Жаббар. – Жил единственной мечтой о ней, я обращался к солнцу, выпрашивая о ней, видело ли оно ее. «Она вышла в сад только на мгновение, всего на миг, нежно улыбнулась для тебя...» – отвечало солнце. Легкий ветерок сообщал, что он поглаживал ее волосы, расстраивая меня и возбуждая ревность. Гляжу на луну – ее унылое лицо напоминает мне грустный образ моей возлюбленной... Войду в цветник – цветы дарят мне аромат моей возлюбленной. Все это еще больше пленило безумно влюбленную душу...

Ахий Жаббар говорил, все больше и больше вдохновляясь. Вдруг, произошло неожиданное. Тихо стонущий Ахий Жаббар беззвучно зарыдал! Хотел остановить себя – не удастся, от стыда готов был провалиться сквозь землю. «Ого! Вот тебе и на! Что со мной? Что со мной происходит?...». Ведь он рассказывал, чтобы развлечь принца, а не страдать! Вот дуралей!.. Однако, что делать, когда Ахий Жаббар вспоминает о своей Жахан бике, всегда происходит подобное, мир становится тесным! Такой он мягкосердечный...

Джахангир Мирза изумленно смотрел на него.

– Когда я вспоминаю о ней, мой принц, от бесконечной радости, что имел счастье любить эту единственную жемчужину, плачу... Прошу меня простить, – поспешно вытирая слезы, извинился Ахий Жаббар. При свете свечи можно было заметить его попытку улыбнуться. – Я все выпрашивал у ее братишки. Он хвастал, что сестра поцеловала его в лоб. «Поцеловала? Правда? Поцеловала в лоб, говоришь? Ну-ка, покажи!» – и касался губами места, которого коснулись губы его прелестной сестры. Но эта девушка так никогда и не узнала, что я ее люблю.

– Да, разве?.. Как ее зовут? – спросил принц.

– Имя... Жахан. Да, цена ей – весь мир... – вздохнул истрадавший влюбленный, используя игру слов («жахан» – означает мир).

– А где она сейчас?

– О-о, сейчас... – не знал, что ответить Ахий Жаббар. – Сейчас, сейчас... Очень далеко... Она супруга моего друга... Она замужем. Они...

Ахий Жаббар был не в силах сказать, что их нет в живых.

– А-а... – Принц не ожидал, что повесть о любви закончится таким образом, у него мелькнула мысль помочь влюбленному.

Ахий Жаббар смутился, испытывая неловкость от своего рассказа. Потом, будто в оправдание, сказал:

– Ничего помимо воли Аллаха не бывает. Это было угодно богу, мой принц... Не обессудьте за грустную историю...

II

Воцарилась тишина. За шатром не было слышно ни звука. Только громкий повторяющийся лай собак со стороны одного из перекрестков города нарушал тишину ночи. К нему присоединились другие собаки, и непрерывный лай стоял над городом. Затем постепенно все стихло.

Чтобы отвлечь принца, не только его, но и себя, Ахий Жаббар решил поменять тему разговора, рассказать одну из древних легенд. До рассвета было далеко.

– Когда мне приходилось бывать в Андижане, в местечке Буритепа, я слышал, мой принц, одну интересную легенду...

– Ну-ну-ну! Что за легенда? Расскажите! – заинтересовался Джахангир Мирза.

– Это было так. Наши предки жили на правом берегу Магрибского моря, однако я не знаю, где именно это море, говорят, это очень древняя история... – начал свой рассказ Ахий Жаббар. – Однажды со стороны восхода солнца, из степей и пустынь, появилась вражеская орда. Начались ожесточенные бои, истребившие все живое. Вокруг – ни живой души. Поле боя усыпано телами убитых... Выжил только один двенадцатилетний мальчик по имени Туроглан, тяжело раненный, обессиленный, он не мог двигаться. Тогда откуда-то появилась волчица...

– Волчица? – удивленно переспросил Джахангир Мирза, в детстве он часто слышал сказки о волках, ему были симпатичны эти бесстрашные создания.

– Да, мой принц, откуда-то появилась волчица. Туроглан испугался, но у него не было сил ни убежать, ни защититься. Волчица рыскала по полю, принюхивалась и вдруг подошла к Туроглану. Беспомощный и обессиленный Туроглан только смотрел на нее. И вдруг волчица заговорила человеческим голосом:

– Я пришла спасти тебя, эй, Человек! Я Онабури – Волчица-мать. Не бойся, я не причиню тебе никакого вреда. И буду оберегать тебя от врагов. Не бойся!»

Туроглан удивился тому, что волчица заговорила по-человечьи, голос был звонкий, как у женщин.

– Хорошо, не буду бояться...

Волчица вынесла Туроглана с поля боя...

С трудом дотащила до густого зеленого леса. В лесу было озеро с чистой прозрачной водой. Они остановились на берегу озера под большим деревом.

Волчица ни с того, ни с сего вдруг сказала Туроглану:

– Исполнок веков так начертано судьбой: я спасла тебя, теперь ты должен жениться на мне. Я выйду за тебя замуж. У нас должны быть дети...

– Жениться? – удивленно спросил Туроглан

– Да!

Что же делать? Значит, это судьба, предначертанная мне – грустно размышлял Туроглан. Откажешься – будет неблагодарностью за доброту волчицы. К тому времени раны Туроглана зажили, он немного поправился, выздоровел, набрался сил.

– Хорошо, я согласен... – задумчиво ответил Туроглан.

Здесь произошло странное событие.

Утомленный Туроглан, наслаждаясь приятным прохладным ветерком с озера, уснул, а волчица, обмахивая его, находилась рядом.

Туроглан, выпавшись, проснулся и видит: у его изголовья сидит луноликая, одетая в царские одежды фея и обмахивает его веером. Волчицы нет, куда-то исчезла.

– Вы не видели здесь волчицу? – спросил Туроглан, обменявшись приветствиями с незнакомой девушкой и оглядываясь.

– Какая волчица? Не видела никакой волчицы!

Туроглан удивился, ожидая, что вот-вот объявится Онабури.

– Кто же вы? Откуда вы, периликая фея?

– Я дочь царя этой страны.

– Как вас зовут, о, лунолика? – спросил Туроглан.

– Меня зовут Онабури – Волчица-мать, – спокойно ответила девушка.

Туроглан не верил своим глазам и ушам:

– Онабури?.. Странно!..

– Да, Онабури. Моя мать так назвала меня.

– Что же происходит, сон это или явь? – недоумевал Туроглан. Парень, удивленный именем девушки, потерял дар речи. Он понял, что здесь есть какая-то тайна, но постичь ее был не в состоянии.

Девушка ни с того, ни с сего вдруг сказала Туроглану:

– Испокон веков так начертано судьбой: вы должны жениться на мне, вашей спасительнице. Я выйду замуж за вас. У нас должны быть дети...

– Жениться?.. – удивился молодой человек.

– Да, должны жениться. Я выйду за вас замуж...

Только после этого Туроглан внимательно всмотрелся в девушку. Смотрит – глазам своим не верит: девушка невиданной красоты, волоокая, белолицая, красивые губы, осиная талия; за такую девушку жизнью можно пожертвовать... Сама своими ногами пришла к Туроглану. Если он женится на ней, вся его жизнь пройдет в полном блаженстве, жена как жена... И положение достойное: зять падишаха.

– Если вы согласны, – сказала девушка, – мой уважаемый отец устроит нашу свадьбу сорок...

Эти слова показались Туроглану очень странными. Но в это время он вновь вспомнил свою Волчицу. Куда же она запропастилась? Ведь Туроглан обещал жениться на волчице! Волчица вырвала его из пасти смерти, притащила сюда, много доброго сделала... Неужели он откажется от нее?..

Туроглан оказался меж двух огней. С одной стороны лунолика фея, с другой – Волчица... Что же предпринять? После долгих раздумий он сказал:

– Гей, досточтимая лунолика фея! Гей, дочь правителя славного царства! Перед вашей бесконечной красотой, благосклонностью, перед вашим великодушием не может не склонить голову любой благородный человек! Вы прелестный цветок коронованной царской семьи... Я же, одинокий бедолага, горемыка, без роду-племени, без родственников. Все они погибли на войне. Меня спасла волчица, странно, но и ее звали Онабури – Волчица-мать. Она спасла меня от верной гибели и притащила сюда... Я не ровня вам, подумайте сами: разве пустынная колючка сравнится с цветком, произрастающим в благоуханном саду? Я не хочу вас огорчить, но я обещал Волчице жениться на ней.

– Вы женитесь на волчице, предпочтя ей меня? – удивилась царевна.

– Что же делать?..

– Как вы посмели отказать царевне?

– Что же делать? – вновь повторил молодой человек.

Тут царевна громко рассмеялась! Туроглан по ее звонкому голосу узнал свою Волчицу! Озеро с чистой прозрачной водой было волшебным. Пока Туроглан спал, волчица окунулась в озерную воду и превратилась в фею. Так Онабури испытала молодого человека.

Счастливый и довольный Туроглан женился на прекрасной царевне. На берегу таинственного озера на свадьбе Туроглана и Онабури, все было как в сказке: волк стал поваром, лиса – стражником, ворона – тараторкой, воробей – ябедником... На свадьбу приспели лев со львицей, тигр с тигрицей, медведь с медведицей, барс со своей парой, заяц с зайчихой, утка с селезнем, баран с овцой, козел с козой! Постелью жениху с невестой послужила земля, небо – покрывалом! Туроглан с Онабури жили припеваючи, наслаждаясь радостями молодости, в счастье и согласии...

Вставали утренние зори много-много раз с тех пор, спокойно каждый день закатывалась луна, безмятежные дни текли один за другим...

Но через два года на их страну напали враги. Молодой человек бесстрашно истребил врагов. Слева подойдет – собьет с ног, справа подойдет – саблей рубанет, подойдет спереди – пикой угостит...

Долго шло сражение, и Туроглан погиб на поле брани...

– Почему он погибает? – застонал вдруг Джахангир Мирза. – Он был такой молодой еще... Ах!

Джахангир Мирза сердечно сочувствовал и сожалел, что Туроглан погиб, не дожив до двадцати лет. Он надеялся услышать много повестей о подвигах Туроглана, о его долгой, славной и счастливой жизни.

– Да, Туроглан погиб на поле боя, – продолжал Ахий Джаббар. – Опечаленная Онабури бросилась в озеро, снова превратилась в волчицу, отправилась в сторону Турфан и там нашла прибежище в укромной пещере. Волчица была беременна от Туроглана. Минуло девять месяцев как девять дней. Когда настал час, родилось семь очаровательных сыновей. Волчица, никому не показывая своих детей, оберегая от посторонних глаз, лелея и пестуя взрастила их. Сыновья Туроглана выросли отважными рослыми богатырями. Слава о них разнеслась на семь планет. Со временем сыновья женились на дочерях Турфана, обзавелись семьями, у них самих родились дети, внуки, правнуки, составившие целое племя. И стали называть они себя «тюрьками», а страну – Тураном.

– Что же стало с Волчицей? – спросил Джахангир Мирза. Было видно, что легенда тронула его душу.

– Прошли годы. Волчица пришла на то место, где сражался с врагами Туроглан, и там скончалась. Поэтому теперь это место называется Буритепа или Волчья гора. Все мы считаемся потомками Туроглана и Волчицы, мой принц...

– Жалко! Туроглан таким молодым ушел из жизни... – заметил Джахангир Мирза задумчиво. – Жаль...

– Да... – подтвердил Ахий Джаббар. – Бог дал короткую жизнь...

Преждевременная гибель Туроглана сильно опечалила принца, его охватило какое-то необъяснимое чувство. Ах, если бы на берегу загадочного озера, когда напал жестокий враг, рядом с Турогланом был Джахангир Мирза, может быть, не умер бы Туроглан... Джахангира Мирзу восхищала преданность и смелость Онабури, этой луноликой красавицы, обладающей загадочной силой. Ах, Волчица!.. Ах! Туроглан!

Услышав рассказы, принц еще больше привязался к Ахий Джаббару. Оказывается Ахий Джаббар – добродушный, мягкосердечный, грезивший о любви, мечтатель. Рассказывая, он даже прослезился! Плач – доказательство искренности чувств. Принцу нравились такие люди, ибо он и сам по природе был таким. Именно это впоследствии сделало их самыми близкими закадычными друзьями.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Ранним утром, как обычно, амиры собрались в резиденции Темурбека. У Амира Сахибкирана накопилось много вопросов, которые необходимо было обсудить с амирами и военачальниками: о наступлении на крепость Хиндуван, о тактике и стратегии ведения боя, о порядке в войсках и многое другое. Крепость сегодня должна быть взята.

Прибывшее в полночь из Ташкента войско Бахрама жалайира удостоилось бить челом счастливейшему порогу. Темурбек с открытыми объятиями встретил Бахрама жалайира, ни словом не напомнив о некоторых прежних неприятных событиях, происшедших между ними. Хотя уместно было бы кое-что напомнить... Бахрам жалайир при встрече с Темурбеком всегда говорил о верности и согласии. Именно с помощью Сахибкирана он прибрал к рукам всю область Ташкента и теперь живет в свое удовольствие. Но, когда Темурбеку внезапно пришлось посетить Ташкент, Бахрам жалайир даже не вспомнил о своем обещании бороться против Амира Хусейна. Прежних обещаний и клятв не было и в помине. Темурбек ждал, ждал, но напрасно. Хозяин хвалился своим единственным сыном Адилшахом, а о цели приезда гостя не спрашивал. Кроме того, он присвоил часть территории Темурбека и, якобы для общей казны, облагал народ тяжелыми налогами...

– Я обращался с тобой как с близким человеком. Когда ты, утопая, хватался за соломинку, я спас тебя и дал тебе большую власть... – упрекал Бахрама жалайира обиженный Темурбек. – Сейчас встал на ноги, да? Теперь я пришел к тебе за поддержкой, а ты словно в рот воды набрал, помалкиваешь... Ты что, совсем потерял человеческий облик? С пеной у рта говорил о поддержке, дружбе, взаимопомощи! Где же твоя верность слову?.. Теперь я надеюсь только на бога, а ты еще придешь ко мне бить челом!..

Вот Бахрам жалайир и прибыл, и сын Адилшах рядом с ним. Темурбек внутренне обрадовался.

Духовный наставник Мир Сайид Барака с Абульмаоли Термези, пользуясь удобным случаем, после утренней молитвы отправились посетить могилу святейшего Ходжи Укши, сподвижника пророка Мухаммада.

Собрались все амиры, нет только Джахангира Мирзы и Хусайна барласа, раненных во вчерашнем бою. Все сели, готовясь к машварату.

В это время один из слуг обратился к Хинду Каркаре кипчаку, главе стражников, стоящему у дверей верховной ставки:

– Господин, пришел один человек, говорит, что у него есть важная новость для Темурбека.

– Начался машварат... – спокойно сказал Хинду Каркара кипчак, поглаживая свое черное, как казан, лицо.

– Говорит, что надо срочно сообщить, иначе будет поздно...

– Маш-ва-а-рат!.. – повысил голос страж.

Через какое-то время вновь объявился слуга, уже слегка встревоженный, и тихо шепнул:

– Говорит, что он посол Амира Хусейна... что у него очень важное сообщение. Нужно срочно сообщить Сахибкирану эту весть.

Хинду Каркара кипчак волей-неволей разрешил слуге. Машварат еще не начался.

– Разрешается! Пусть войдет! – велел Темурбек, подумав: «Что же еще Амир Хусейн выдумал, дай-ка, узнаем!» Не прошло и мгновения, как на пороге Хумаюн урды появился, сухошавый человек с козлиной бородой в синей чалме. Он вошел, поприветствовал присутствующих и то ли от помпезности царского шатра, то ли от величия Сахибкирана, восседавшего на почетном месте, то ли от важности собравшихся государственных мужей замялся, не зная, с чего начать. Оглядел сидящих амиров и опустил на колени перед Темурбеком.

– Милостиво прошу простить меня, Ваше величество, Сахибкиран! Я не посол Амира Хусейна... Меня не пускали, поэтому пришлось сказать неправду. Но мои слова очень важны... – отрывисто начал взволнованный человек в синей чалме.

Все изумленно смотрели на него.

– Скажи, что за важные новости? – спросил Темурбек спокойно.

– Я не посол Амира Хусейна... но я пришел сейчас от него... – Человек в синей чалме, достав из-за пазухи горсть жемчужин, высыпал их перед Темурбеком. – Они не мои... Мне их дал Амир Хусейн. Заставил поклясться, что я не скажу о том, где он... Но не могу я утаить этого! Пришел сообщить, Ваше сиятельство!

Все удивленно переглянулись. Воцарилась тишина.

– Так где же Амир Хусейн? – изумился Темурбек. – Он ведь собирался хадж совершить?

– В минарете Соборной мечети... Я бедный человек... В поисках потерянной лошади поднялся на минарет, чтобы оттуда осмотреть окрестности. Там я его и увидел. В минарете.

– В минарете?! – недоумевали амиры.

Неожиданная новость имела прямое отношение к машварату, с ней были связаны многие нити сегодняшней ситуации. Нужно схватить Амира Хусейна... Он, как было решено, не вышел из города по добру – по здорову, а прячется здесь, в этом есть какой-то тайный умысел. Значит, у него недобрые намерения. Амиры выразили единодушное желание быстрее схватить Амира Хусейна. Все говорили только об этом... Темурбек размышлял, как поступить, Амир Жаку барлас обратился к нему:

– Амир Сахибкиран! Грехи наши с нами... Но с вашего позволения, перенесем машварат на другое время, а сейчас давайте отправимся в Соборную мечеть и схватим Амира Хусейна.

Темурбек посмотрел на сидящих. Глаза каждого выражали твердую решимость. Он не стал возражать им. Амиры и воины на лошадях и пешком из Хумаюн урды направились в сторону Соборной мечети.

II

Амир Хусейн был уверен, что горсть жемчуга сыграет нужную роль и ничуть не сомневался, что с наступлением темноты благополучно выедет из города. Он изнемог от того, что всю ночь в тревоге скакал на лошади, что встретил человека в синей чалме, устал от

беспокойств и волнений. Ему необходимо было поспать, ибо дорога дальняя, кто знает, может, придется ехать ночами, без отдыха. Амир Хусейн нашел два кирпича, выбитые из стен минарета, подложил под голову и посмотрел на потолок. На него снизошел удивительный душевный покой, никогда он не чувствовал себя так уверенно. Расположившись поудобнее, он тут же уснул.

Во сне до него донесся какой-то шум, ржание коней, неясные голоса. Амир Хусейн проснулся и в тревоге посмотрел в окошко минарета... Множество всадников и пеших шли по улице к минарету, временами слышалось: «Он здесь!», «В минарете», «Поднимись на минарет!» Растерянный Амир Хусейн вдруг понял весь ужас происходящего и задрожал! Да-а, это дело рук человека в синей чалме, клятвопреступник! Взял горсть жемчуга и, нарушив клятву, донес Темурбеку обо мне! Теперь они тут, чтобы схватить меня! Ох, этот бранный мир! Не знаешь, кому верить! Выросли бы крылья – полетел бы прочь от минарета! Амир Хусейн был в замешательстве не зная, что предпринять. Ясно, его схватят. Конец, всему конец! Надо что-то придумать, но что?..

Все ближе и ближе шум и крики с улицы.

Имам Соборной мечети, лет пятидесяти, маленького роста, как всегда, после утренней молитвы читал Коран, лежащий на узорчатом столике. Услышав голоса, он вышел во двор, чтобы узнать в чем дело, и направился к воротам. О боже! Откуда столько народу? Неужто все идут молиться? Что же за необходимость, что случилось? – удивленно вопрошал он себя.

Амир Жаку барлас, шедший во главе толпы, не обращая внимания на приветствие, резко сказал имаму мечети:

– Кого же господин имам прячут в минарете?

Имам, для которого одного слова мало, два – много, смутившись от резкой грубости, не знал, что ответить.

– О боже! О чем же вы соблаговолите говорить? Кого же я могу прятать?

– Кого, говорите? Амир Хусейн сидит в вашем минарете!

Имам ухватился от удивления за свой воротник:

– Ло хавла вала кувата! Боже, упаси! Осведомлен, что я смертен, но не ведаю о том, что вы говорите, господин амир! Он ни разу не посещал нашу Соборную мечеть! Какой мне резон его прятать?

– Амир Муайяд! Амир Кайхусрав! Поднимитесь на минарет! – приказал Амир Жаку барлас, не обращая внимания на слова имама. – Осторожно! Будьте бдительны!

Два амира поспешно поднялись на минарет. У ворот мечети было полным-полно воинов. Имам, ни на шаг не отставая от Амира Жаку барласа, который давал распоряжение воинам и амирам, что-то хотел ему объяснить, но амир не обращал на него никакого внимания.

Вскоре Амир Муайяд арлат и Амир Кайхусрав, расстроенные, спустились с минарета.

– Где Амир Хусейн?! – воскликнул Амир Жаку барлас. Все надеялись увидеть, наконец, связанным по рукам и ногам властителя Турана, прославившегося своей жестокостью.

– Не нашли Амира Хусейна... В минарете его нет! Подлец, успел убежать! – с горечью сказал Амир Муайяд арлат. – Как он, проклятый, мог убежать?

Амир Кайхусрав был в отчаянии:

– Нас обманул тот человек, сказав, что Амир Хусейн в минарете, он обманул нас! – возмутился он. Высокий, с большими круглыми глазами, этот амир говорил с надрывом, любил однажды сказанное повторять дважды. Изо рта у него неприятно пахло, поэтому он старался присесть с краю дастархана, а при разговоре обращался не прямо к собеседнику, а отвернувшись слегка в сторону. – Где тот человек? Где он?

Вдруг он увидел человека в синей чалме, пытавшегося затеряться в толпе:

– Эй, ты, синяя чалма! – крикнул он. – Куда убегаешь? Иди сюда!

Человек в синей чалме боязливо приблизился. Амир Кайхусрав, схватив его за воротник, начал трясти:

– Где Амир Хусейн, о котором ты говорил? Где Амир Хусейн, о котором ты говорил? Я вырву твой лживый язык, паршивец!

– Смотри, чтоб ты сдох, мерзавец... – вступил в разговор Амир Муайяд арлат.

– Где, я говорю?

¹ Слова молитвы.

– Бог свидетель, я не обманывал! Видел своими глазами. Амир Хусейн был в минарете! – лепетал человек в синей чалме. – Честное слово, бог свидетель! К чему мне лгать?..

Немного успокоившись, Амир Кайхусрав отпустил воротник человека в синей чалме. Разглаживая освобожденное горло, тот бормотал: «О, упаси боже! Что творится? Потерял лошадь, теперь вот еще беда!..»

Амир Жаку барлас, прислушиваясь к его бормотанию, проникся доверием к человеку в синей чалме. Но где же Амир Хусейн?.. Или, как говорит Амир Муайяд, успел сбежать? Тогда он еще где-то рядом, можно напасть на след! Может, в мечети? Но не-ет, что ему там делать? Вряд ли он здесь задержится: он точно убежал! Так, следовательно, нужно догнать его!..

Имам сильно расстроился от того, что такая святая обитель как мечеть, стала местом таких неприятных событий. То, что Амир Хусейн скрывался в минарете, тоже, конечно, не делает чести мечети, но, слава богу, его там не оказалось. Чтобы не допустить никаких сомнений в святости мечети и раз и навсегда избавиться от разных кривотолков, он обратился к Амиру Жаку барласу:

– Господин амир! Как видите, Амира Хусейна нет в минарете. Однако, чтобы предупредить появление слухов о нашей мечети, повелите своим войнам проверить каждую келью, чтобы в сердце Темурбека не оставалось места даже малейшему сомнению!

– Понятно, господин... Честь мечети не будет запятнана, будьте уверены. Нам нужно быстрее напасть на след, нельзя терять времени... – сказал Амир Жаку барлас.

– Нет, господин амир! Просим учесть нашу просьбу, пусть не поленятся ваши воины и проверят Соборную мечеть! У нас и так немало хлопот, мы свой груз еле тащим... Говорят, влажной земле и вода в тягость...

Разумные слова имама понравились Амиру Жаку барласу. Конечно, уходить ни с чем, не найдя Амира Хусейна в минарете, тоже не дело. Возможно, он спустился вниз, может быть, спрятался где-нибудь. Необходимо внимательно, все проверить...

Амир Жаку барлас ничего не сказал имаму мечети, но дал распоряжение военачальникам:

– Аббас бахадур! Ты со своими людьми сторожи кабульскую дорогу! Эльчи бахадур! Ты со своими джигитами установи наблюдение за андхойской дорогой. Будьте внимательны! Не упустите Амира Хусейна! Чтобы и муха не смогла пролететь!

Имам еще что-то хотел сказать, но Амир Жаку барлас отрезал:

– Вы, оказывается, очень суматошный человек, не знаю, ваша мама в спешке что ли вас рожала...

Потом обратился к Амиру Муайяду арлату:

– Тщательно осмотреть мечеть! Только быстро! Амир Кайхусрав, вы тоже присоединяйтесь!

Амиры и воины теперь вошли в мечеть. Радостный имам решил быть сопровождающим. Удаляясь, любезно поклонился Амиру Жаку барласу в знак благодарности. На вид достаточно внушительная Соборная мечеть была в длину шестьдесят аршин, а в ширину сорок. И двор соответственно был широким, благоустроенным, радовал душу всякого вошедшего. Амир Жаку барлас, прохаживаясь по двору, изредка останавливался, поглаживая сплюснутый от удара саблей нос, смотрел на минарет и снова продолжал ходить.

Через некоторое время воины покинули мечеть. Амир Муайяд арлат, проверяющий террасу мечети, спрашивал каждого: не видели ли Амира Хусейна, получив отрицательный ответ, все повторял: «Где же подлец? Куда же запропастился, проклятый?..».

Около мехраба – ниши во внутренней стене мечети, указывающей направление к Мекке – внимание двух воинов привлек заново возводившийся на небольшом возвышении минбар, с которого обычно имам произносит свои проповеди.

– Что там такое? – указал один, слегка подтолкнув другого.

– О чем ты говоришь?

– Видишь, вон то черное? Пробоина что ли? Дыра? Или какая-то вещь?

– Не знаю. Странно... – отвечал второй.

Смотрят – рядом с минбаром, в дыре размером с горловину тандыра¹, торчит конец черного стеганного чапана...

– Чапан что ли? Халат?... Странно!.. – Удивился первый воин. Он пикой легонько ткнул

¹Тандыр – небольшая глиняная печь для выпечки лепешек.

в черное, послышался тихий стон. Другой воин обнажил саблю.

– Что-о? Застонал кто-то?..

Откуда-то у минбара молниеносно появился Амир Кайхусрав. У него уши на макушке:

– Что, джигиты? Кто застонал? Кто застонал?.. А?.. – подошел он к воинам. – Послышался чей-то голос, да? Послышался, да?..

– Мой амир! Кажется, здесь кто-то есть... – указал первый воин на дыру. – Я ткнул пикой, он застонал...

Огромные круглые глаза Амира Кайхусрава еще более округлились и почти вылезли из орбит:

– Так ли?.. Да-а... Ну-ка! Ну-ка! Держи! Держи! Да!..

... Амир Хусейн, растерянный, поспешно спустился с минарета, оглянулся по сторонам, убедившись, что никого во дворе нет, быстро вошел в мечеть. У него не было другого выхода. Бегающими глазами он искал, куда бы спрятаться, не зная, что предпринять... Имам в то время вышел из мечети во двор, где произошел уже знакомый нам его разговор с Амиром Жаку барласом. В замешательстве Амир Хусейн подошел к минбару около мехраба и поспешно влез в ту дыру! Но, в спешке, забыл подобрать полы чапана...

– Вытащить его, подлеца!!! – приказал Амир Кайхусрав воинам.

Двое тут же ухватились за полы чапана, начали тянуть и... в руках оказался лишь чапан.

Правитель Хутталана теперь убедился, что человек в минбаре – это его злейший враг Амир Хусейн. Он был счастлив, что настало время высказать в лицо такому врагу как властитель Турана то, что он хотел. У него особые счеты с ним. В этом преходящем мире сказанное тобой к тебе же вернется, сделал кому-то зло – сделал себе, а не другому.

– Эй, выходи, негодяй! – кричал Амир Кайхусрав с пеной у рта. – Сейчас ткну пикой!.. Сейчас ткну пикой!

Амир Хусейн будто прилип к минбару, хотя осознавал, что все его усилия спастись тщетны. К тому же рядом с минбаром стоит Амир Кайхусрав, младший брат которого был убит Хусейном. Все ворчит и ворчит беспрестанно, никто не понимает, что он говорит. Почему не повелел убить их всех тогда вместе с его братишкой? Почему?.. Как жаль!..

Соппротивление продолжалось. Стало очевидным, что нет смысла в окриках. Амир Кайхусрав рассердился, грязно выругался и приказал воинам:

– Ломать! Ломать минбар! Ломать минбар! Ломай, вали! Пусть рухнет, развалится минбар Амира Хусейна! Пусть развалится!

– Эй, люди добрые, что вы делаете? Эй, вы, мусульмане! – воскликнул, прибежавший имам, не ведавший в чем дело. – Зачем вы ломаете минбар? Только был построен! Мы его еле закончили! Остановитесь!

– Не слушай! Не слушай! – пригрозил Амир Кайхусрав воинам. – Ломай, говорю! Ломай! Быстрее!

Несмотря на крики имама, воины одним ударом свалили минбар из гувалака¹. Среди катышков, свернувшись, кто-то лежал. Поднявшись, он пытался убежать, но воины схватили его, скрутили обе руки и связали за спиной.

Во двор вышли молча... Все будто онемели. Узкие глаза жалкого и ничтожного Амира Хусейна еще больше сузились, обросшее жирное лицо дрожало мелкой дрожью.

Имам мечети, разинув рот, ошарашенно глядел то на развалины минбара, то на удаляющихся воинов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

Все амиры были бесконечно довольны. Потому что пленение военачальника или хана, возглавляющего стан противника, всегда воспринимается как конечный результат войны и полная победа. Теперь все, войне конец, прекратятся бои, кровопролитие. Теперь воинам и амирам предстоит дележ трофеев, награды, встреча с родными.

Когда толчками в Хумаюн урду доставили Амира Хусейна со связанными руками, в шатре, беседуя, сидели Темурбек, Суюргатмишхан, духовный отец Мир Сайид Барака и Абульмаоли Термези. Шейхи рассказывали о посещении могилы Ходжи Укоши. Ходжа Укоша – один из сподвижников пророка Мухаммада, погибший на войне в Балхе во имя

¹ Гувалак – глиняные катышки круглой или овальной формы, высушенные на солнце.

распространения ислама в мире невежества. Загородное кладбище в стороне восхода солнца после его погребения стало называться его именем. Темурбек выразил намерение посетить это кладбище, а после победы советовал посетить его всем амирам и воинам.

Потом разговор коснулся вопросов управления салтанатом, необходимости создания государственного государства, основанного на устоях религии.

– Амир Сахибкиран! Великолепное здание вашего салтаната будет основываться на справедливости и святом исламе, – сказал духовный наставник Мир Сайид Барака. – Следуя праведному пути посланника Аллаха, руководителя всего сущего, украсьте свою власть шариатом, светом правды! Сие есть истина, для этого необходимо уложение, закон... В нем отведите должное место религии! Больше общайтесь с уламо¹, цените простодушных, чистосердечных людей! Пусть вашими друзьями будут отважные, бесстрашные люди, ибо Аллах любит смелость и отвагу. Хвала Аллаху, Господу миров!

Здесь вступил в разговор Абульмаоли Термези, который сидел перебирая разноцветные четки, качая головой и приговаривая слова «Бале!», «Бале!», выражающие одобрение и восхищение:

– Пригрейте дервишей, нищих, бедных, лишенных поддержки, Амир Сахибкиран! Почитающий слабых почитается Аллахом!

– Не следует допускать к государственным делам и советоваться со смутьянами, склочниками, доносчиками и невежами, – добавил Суюргатмишхан.

Высказанные пожелания были сделаны из самых чистых побуждений и полностью совпадали с мыслями и желаниями Темурбека. Его охватило чувство глубокой благодарности и удовлетворения.

– Слова ваши, мои дорогие, искренне запали в мою душу! – обратился Темурбек к сидящим. – Уложения, дворцовая жизнь падишахов, которые царствовали со времен Адама до нынешних властителей, интересны и заслуживают особого внимания. Огузхан, Алп Эр Тонга, то бишь Афрасияб, Александр Двурогий, Атилла, Бумин хакан, Султан Санджар, Махмуд Газневи, Чингизхан, Джалилидин Мангуберди... Какие были правители! С великим удовольствием перелистываю страницы их жизни, их наставления, добрые деяния и добрые нравы очень поучительны. Такие книги, как трактаты аль-Фараби о добродетельном городе, «Сиеятнама», книга о политике, безусловно, способствуют совершенствованию человеческого разума. Они стали неразлучными друзьями вашего покорного слуги. Из них я многое узнаю, часто справляюсь о причинах упадка бывших государств, вникаю в подробности и вижу, что там, где власть не опирается на жесткие незыблемые законы, там неминуемы упадок и многочисленные бедствия. Такой салтанат подобен голому человеку: кто посмотрит на него, проклянет: «Пропали он пропадом!», «Чтоб мне не видеть его!» – и отвернется... Он будет похож на бесхозный дом без крыши, без дверей, ставший прибежищем для всякого сброда и шантрапы. Итак, там, где власть не будет основываться на законе, там не будет величия, могущества, всемогущего порядка...

Сидящие чувствовали в словах Темурбека скрытую правду жизни и одобряли их. Особенно духовный наставник Мир Сайид Барака. Признавая блестящий ум и здравость суждений Темурбека, он все больше убеждался в том, что всемогущим Аллахом уготована сему любимому рабу его счастливая судьба.

Слуга сообщил, что воины Амира Жаку барласа возвращаются с Соборной мечети, что они схватили Амира Хусейна, скрывавшегося в минарете. Через некоторое время у порога показалась тень Амира Жаку барласа. В Хумаюн урду стали собираться все амиры, не было Аббаса бахадура и Эльчи бахадура, которые ушли проверять дороги в Кабул и Андой. Вот-вот должен был начаться машварат. Амир Муайяд арлат, Амир Кайхусрав, Амир Улжайту, Зиндачашм опарди и Шайх Мухаммад Баен сулдуз ввели в Хумаюн урду Амира Хусейна со связанными руками и остановились у порога. Амир Кайхусрав беспардонно ткнул в плечо невольника:

– На колени! На колени! Ты находишься в Хумаюн урде! Надо соображать, растяпа!

Амир Хусейн через плечо сердито посмотрел на Амира Кайхусрава, вытаращившего на него свои круглые глаза и, опустив голову, встал на колени. По лицам амиров можно было судить, что они явно довольны... Никто не смел нарушить тишину, все углубилось в свои мысли. Сердце Темурбека затрепетало, когда он увидел стоящего на коленях недавнего правителя страны Амира Хусейна. На несколько секунд он представил его бывшее

¹ Уламо – представители мусульманского духовенства.

величие. Вот так, говорят, кто содеял зло против тебя, отдай того воле судьбы, судьба сама отомстит за тебя, как верный слуга. Именно судьба привела к порогу Темурбека этого человека, не избежавшего возмездия!

На лице Темурбека, как всегда, не было никаких эмоций. Амиры ждали, как наказать прикажет Сахибкиран своего хитрого и коварного врага. Духовный наставник Мир Сайид Барака первый нарушил тишину:

– Наши мудрые предки сказывали: «Голова, отвернувшаяся от тебя, будет отсечена, словно кудри, душа, непослушная тебе, будет черна, как пятно родимое...». Сие есть истина...

Никто ничего не добавил. Снова воцарилась тишина.

Неожиданно заговорил Амир Хусейн:

– Надеялся искупить муками грех, пострадать во имя Аллаха... Хотел отправиться в святую Мекку... Просил не покушаться на мою жизнь. Темурбеком был дан указ вашему покорному слуге спокойно покинуть Хиндуван. Так, в чем причина нарушения указа, ослушания ваших слуг, что пригнали нас сюда, как собаку?..

Хриплый голос Амира Хусейна прозвучал как всегда внушительно. Амир Жаку барлас, рассвирепев, отметил про себя: «Наглец Хусейн поймал Темурбека на слове, напомнил ему его обещание и загнал в тупик...» Амиры пришли в замешательство.

Темурбек почувствовал в словах Амира Хусейна злорадство, едкую насмешку, но оставался спокойным, будто ничего не понял. «Амир Хусейн доказал поговорку: тот, кто боится, первым поднимает кулак, тот, кто неправ, первым лезет в драку...» – подумал про себя Сахибкиран и спокойно ответил:

– Хоть и имею право и основание наказать, но я вычеркнул мысль об отмщении вам. Я прошу вас!

– Господин... Господин Амир Жаку!

– Покорнейше жду ваших приказаний, Амир Сахибкиран! – сказал Амир Жаку барлас.

– Отпустите Хусейнбека на все четыре стороны! Отпустите! Пусть отправляется, куда хочет! Скатертью дорога!

Амиры остолбенели. Улжайту, один из старших по возрасту амиров, сожалел, что Амир Хусейн освобожден, ибо был уверен, что от него никогда не дождешься добра.

Особенно не понравилось это Амиру Кайхусраву. От досады его большие круглые глаза еще больше расширились, сердце забило сильнее: как можно так легко выпустить из рук злейшего врага?! Амир Муайяд арлат тоже затаил на него злобу. Амир Хусейн подвергал его гонениям, поставил соглядатая за ним, послал к нему гонца с требованием отправить законную жену Ширинбику к нему в Балх... Что же это такое? Конечно, Темурбек не допустил, чтобы Ширинбику отправили в Балх. Все это тяжелым камнем лежало на сердце Амира Муайяда арлата.

Амир Довуд дуглат и Зиндачашм опарди начали выводить Амира Хусейна. Амиры огорченно уступали дорогу. Амир Кайхусрав, выпучив еще больше глаза, невольно ринулся за ними, но, одумавшись, возвратился назад:

– Примите мою просьбу, Великий Амир!.. – сказал он, наконец, Темурбеку, желая излить свою душу. – Прошу справедливости! Я хочу отомстить Амиру Хусейну! У меня кровная месть! Он убил моего родного брата Кайкубада! Родного брата! Это никогда не забудется! Позвольте мне, предоставьте мне его! Я должен кровью смыть зло! Я должен отомстить за брата! За моего брата! Этот грех на мне! Позвольте, Амир Сахибкиран! Пусть он будет наказан по шариату! Казнь моего невинного братишки до сих пор терзает мою душу!

– Уважаемый амир! – успокоил Темурбек выходящего из себя Амира Кайхусрава. – Возьми себя в руки! Выкинь из головы эту мысль! Запомни, и без того кровь твоего братишки не даст Амиру Хусейну покоя... Видишь, бог его и так наказал!..

Говоря это, Темурбек вспомнил старые добрые времена... Какими они были закадычными друзьями Амир Темур и Амир Хусейн! Совместная жизнь с Улжай Туркан ока, спокойная, мирная, беззаботная и благодатная жизнь... О-го-го!.. То ли годы были столь быстрыми, преходящими, то ли человек, которому верил, в конце концов, на глазах превратился в такого прискорбно жалкого человечешку... Темурбек почувствовал горечь и досаду. Хоть по старой привычке он и не жалел о прошлом, на сей раз не мог совладать с собой. Как говорят в народе, когда сердце горит, плачут глаза, так и Темурбек: глаза его наполнились слезами...

Духовный наставник Мир Сайид Барака, наблюдавший за состоянием Амира Сахибкирана, расстроено взглянул на Абульмаоли Термези, который тоже был в полном замешательстве. Суюргатмишхан и Амир Сайфиддин некуз переглянулись. Обменялись встревоженными взглядами Амир Жаку барлас и Амир Улжайту. Все амиры высоко чтити Амира Улжайту, испытывавшего все горечи жизни и умеющего отличить зло от добра. Хоть и было ему около шестидесяти, он до сих пор не покидал поля брани и вел себя как молодой боец. Он понял смысл взгляда Амира Жаку барласа: «Мы высказали то, что хотели, вы тоже скажите что-нибудь. Чего же вы ждете?..»

«Оно верно, Амир Сахибкиран сейчас очень расстроен, – подумал про себя Амир Улжайту. – Нельзя медлить. Так проклятый Амир Хусейн может выйти сухим из воды... Если в руке держишь камень, а на камне лежит змея, то змею следует разбить этим камнем, иначе она отравит тебя своим ядом... Сомнения не уместны...».

Амир Улжайту понимал, что нужна решительность. Дорога каждая минута. Он взглядом стал искать Амира Кайхусрава и Амира Муайяд арлата. Оба амиры оказались в затруднительном положении, на душе у них кошки скребли, чувствовали себя как на иголках. Амир Улжайту многозначительно подмигнул Амиру Кайхусраву и, показывая на Амира Муайяд арлата, дал знак немедленно кинуться вслед за Амиром Хусейном. Амиры, поняв намек, воодушевились, глаза загорелись, будто именно этого и ждали, и тихо покинув Хумаюн урду, сели на лошадей. Разок ударили коней плетью, второй – не успели: встретились лицом к лицу с несколькими воинами во главе с Амиром Довудом дуглатом.

– Где Амир Хусейн?

– После благоволения в Хумаюн урде он скрылся... Где сейчас – мы не ведаем... – Спокойно ответил Амир Довуд дуглат.

– По какому пути... куда он скрылся?.. – воскликнул расдасованный спокойствием свояка Амир Муайяд арлат.

– Говорил, что собирается в Кабул... А в чем дело?.. – удивился Амир Довуд дуглат.

– Ничего... Ни в чем...

Амир Кайхусрав и Амир Муайяд арлат больше ничего не сказали и, не теряя времени, в сопровождении четверых воинов поскакали в сторону кабульской дороги.

II

Амир Хусейн сам себе все еще не верил, что вышел сухим из воды, вырвался невредимым из рук Амира Кайхусрава.

Поблагодарив Аллаха, он сел на лошадь и поспешил к перекрестку. Вчера ночью именно на этом перекрестке он решал, куда лучше путь держать. Сегодня он опять на этом перекрестке и должен выбрать такую дорогу, чтобы не сожалеть потом. Каждый в жизни когда-то оказывается на таком перекрестке. Как выбрать правильный путь? Он бывал на полях сражений, участвовал в войнах, устрасал своих противников, наслаждался эйфорией побед, управлял величественным чагатайским улусом... Но! – сам в этом признается – это очевидный факт, что не всегда на своих жизненных перекрестках выбирал единственно правильный путь. Два друга оказались по разные стороны перекрестка власти. Темурбек выбрал дорогу направо, Амир Хусейн – налево... В результате настали его черные дни. Вот и вчера он допустил ошибку: повернул бы на перекрестке направо – добрался до большого старого платана, что на самой окраине города, встретил бы двух верных слуг и, кто знает, сейчас мог бы сидеть за обильным угощением в Андхое. Он же повернул налево. И вот результат: мечеть, минарет... Теперь нельзя ошибиться.

Амир Хусейн решительно повернул направо, но вдруг вспомнил человека в синей чалме. Тот, нарушив клятву, гнусно предал его. В душе шевельнулся гнев и желание отомстить. Многие повидал Амир Хусейн в жизни, но такого коварства не встречал... Сколько жемчуга отдал! Целую страну можно выкупить! Перед тем, как выехать из Балха, непременно найду этого нечестивца, сведу с ним счеты, успокаиваясь, подумал он. Но как его найти? Что? Опять налево свернуть? Может быть, встретится на пути или около соборной мечети. Несомненно, он найдет его, обязательно найдет. А найдя, снимет и выбросит вон синюю чалму... кишки же накрутит на его голове чалмой!

Узкие глаза властителя Турана заискрились гневом, правая сторона жирного лица задергалась. Невольно свернув влево и прищипывая лошадь, Амир Хусейн доехал до Чорсу. На миг задержался на перекрестке. Но человека в синей чалме нигде не было. «Не убежишь от меня! Не успокоюсь, пока не найду» – сжал он кулаки, помня, однако,

о необходимости скорее покинуть город. Тогда он даже не спросил его имени. Что же делать? С одной стороны, необходимо торопиться, а мечь оставить на «потом». С другой стороны, внутренний голос требует: нет, сперва найди его, отомсти, сделай то, что задумал, потом отправляйся... Желание мести, злоба взяли верх. Он решил заехать на рынок Чорсу. Как только он повернул лошадь, в шагах ста пятидесяти от него оказалось несколько всадников. Молниеносно в голове пронеслась жуткая мысль: поймают! Да, это его ищут! Но он успокоил себя: ведь ему разрешено убираться на все четыре стороны – и беспечно продолжил свой путь.

– Эй, ты, мерзавец! Стой! Стой, говорю! – крикнул кто-то сзади.

– Стой, распутник! Хусейн, хочешь остаться в живых? Стой!

Амир Хусейн увидел: его враги Амир Кайхусрав и Амир Муайяд арлат с группой воинов скачут в его сторону. Душа его замерла, тело будто покрылось льдом! Амиры и воины мигом окружили Амира Хусейна посреди площади Чорсу.

– Темурбек сами разрешили мне убираться на все четыре стороны. Они простили меня... Что же вам нужно? Вы что главнее Амира Темура что ли? Оставьте в покое человека, который решил искупить грехи во имя Аллаха! Или вы не боитесь греха? – уверенно и грозно начал Амир Хусейн, скрывая страх. Он думал, что его снова отведут в Хумаюн урду. – Ну, хватит, теперь я не пойду! Чего вы хотите?..

Амир Муайяд арлат и Амир Кайхусрав значительно переглянулись.

– Не бойся, не пойдешь... Не пойдешь! – сквозь зубы процедил Амир Кайхусрав, едва сдерживая ярость. Сейчас он от души был рад, что, наконец-то, схватил Амира Хусейна, и теперь никто не помешает ему совершить возмездие. Амира Хусейна чуть не вывернуло от дурного запаха изо рта Амира Кайхусрава. – Я тебя, подлого сводника, накажу по закону шариата! Потребую возмездия! Возмездия потребую! Кровь моего брата Кайкубада на тебе! И ты дорого заплатишь за невинную кровь!

– Я тебе, грязному распутнику, покажу как пялить глаза на чужих жен! – Яростно взвопил с другой стороны Амир Муайяд арлат, обнажая саблю.

Амир Кайхусрав тоже резко выдернул саблю из ножен!

– Кайхусрав! Я заплачу за кровь брата! – умолял Амир Хусейн. – Дам столько золота, сколько захочешь! Не убивай! Не убивай! Не...

Слова Амира Хусейна застряли в глотке... Оба амира один за другим, рубанули саблями: острая сабля Амира Кайхусрава отсекала голову повелителя Турана, как незрелую дыню. Голова покатила к ногам лошади Амира Муайяда арлата. «Подлый сводник!» – Амир Муайяд от плеча рассек безголовое тело надвое. Тело Амира Хусейна рухнуло с лошади. Земля окрасилась кровью...

Странно, жизнь Амира Хусейна, который все время ошибался в выборе на перекрестках, тоже оборвалась на перекрестке – на самой середине площади Чорсу...

В это время Темурбек распорядился начать наступление на крепость Хиндуван. Крепость была закрыта. Амир Жаку барлас приказал открыть ворота, но никто не открывал. Площадь у ворот и ровов была заполнена воинами, в таких случаях говорят: бросишь иглу – на землю не упадет. Уши глохли от рева карнаев, и грохота барабанов. Воины быстро прикатили катапульту, готовясь штурмовать ворота. Саттаркул-привратник из смотрового окна крикнул: «Не стреляйте! Сейчас открою!». Иначе разлетелись бы в щепки любимые ворота привратника. Не успел он открыть ворота, как толпы воинов ринулись в крепость. Саттаркул-привратник, широко распахнув перепуганные глаза, прилип к стене, иначе бы рисковал остаться под копытами лошадей. Крепость, заполненная наукерами Темурбека, превратилась в суший ад.

Об исчезновении Амира Хусейна из крепости стало известно утром. Навруз Султан, старший сын повелителя, всю ночь просидел над составлением плана защиты крепости и торопился посоветоваться по этому вопросу с достопочтенным отцом. Но Амира Хусейна во дворце не было, и никто не мог сказать, где он. Даже хан Адил Султан ничего не знал. Странно, исчезли и Амир Хиндушах и комендант крепости Амир Халил. Может быть, они с повелителем, но оставить крепость в такой ответственный момент? Уму непостижимо! Навруз Султан объяснил хану Адилу Султану, что нужно срочно что-то предпринять, и вместе с братьями Ханом Саидом, Джаханмульком, Халилом Султаном приступил к защите крепости.

Хану Саиду Навруз Султан приказал сторожить ворота, а Халилу Султану – не отходить от него ни на шаг.

Но без Амира Хусейна стратегия защиты лопнула. Как тело без головы легко свалилось с коня, так и защита без главы расплзлась по швам... Воины, не подчиняясь приказам, стали разбегаться, кто в панике, кто с надеждой на добычу, на случай падения крепости некоторые переползли на сторону врага...

В этой суматохе разнеслась весть о гибели Амира Хусейна. Только этого еще не хватало! Все надежды рухнули. К тому же Навруз Султана и Хана Саида, усердствовавших защищая крепость, настигла смертоносная стрела. Другие сыновья Амира Хусейна – Джаханмулк и Халил Султан – тайком покинули крепость, ринувшись в сторону Хиндустана. Беззащитного хана Адила Султана взял в плен Суюргатмишхан и тут же на месте казнил.

Крепость Хиндуван полностью перешла в руки победителей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

I

Шатер Джахангира Мирзы был большой, здесь могли бы пятьдесят человек свободно сидеть в круг. За шатром, в шалашах прислуги, еще дальше на улицах города Балха, еще дальше на полях, горах и берегах Жайхуна царила тишина. Тишина во всем мире...

Джахангир Мирза лежит глядя в потолок, в одну точку, больше не просит рассказать ни о приключениях, ни о легендах у Ахий Джаббара, сиявшего скрестив ноги чуть ниже его, может быть, он даже не чувствует здесь его присутствия. Легенда о Туроглане и Онабури (волчице) расширила горизонты мыслей Джахангира Мирзы. Его воображение разыгралось, стали оживать события, хранящиеся в скрижалях памяти. Они спешно сменяли друг друга. В каждом сердце хранятся свои легенды. И у Джахангира Мирзы тоже есть свои сказки, легенды, приключения...

Он вглядывался в купол шатра. Через круглое отверстие сверху в шатер незаметно проникал свет. Лучи свечи, что стоит в углу, стали меркнуть. Воображение Джахангира Мирзы ударилось об купол шатра, пробило его и вырвалось высоко-высоко в небо, как вольная птица. Принц, закрыв глаза, дал волю своим мыслям...

Джахангир Мирза по природе был мягкосердечным, добродушным и мечтательным. В грезах и мечтах уносился из одного мира в иной. Хотя ему пошел только пятнадцатый год, его манера держаться, вести себя отличалась сдержанностью, как у взрослых джигитов. Конечно, этому способствовали его крепкое телосложение и высокий рост. Поэтому говорят: бог даст – в пятнадцать будет главой, не даст – и в двадцать пять останется ребенком. Это будто сказано о пятнадцатилетнем Джахангире Мирзе. Поэтому, когда Темурбек собирается в поход, он поручает урук именно Джахангиру Мирзе, он должен заботиться о царском обозе с членами царской семьи, а также караване с продовольствием и житейским скарбом.

Четыре года тому назад над Туранским краем нависла угроза. Амир Хусейн начал войну с ханами Бадахшана. Правитель Герата Малик Хусейн, пользуясь тем, что Балх остался беззащитным, направил туда свои войска. Темурбек отправился на защиту Балха. Тогда управление угруком было поручено Джахангиру Мирзе. Десятилетний принц с угруком стоял в местности Мохан при влиятельном амире Муборакшахе Санджари, и вернулся в Кеш только тогда, когда Темурбек прислал своего гонца.

Два года назад его дедушка Амир Жаку барлас ездил в Герат послом к Малику Хусейну. Правитель Герата встретил его со всеми почестями, устроил достойное угощение. Провожая, он вручил послу письмо такого содержания: «Ваш покорнейший слуга едет в Сарахс, если Его величество Темурбек соизволят посетить нас, то нити дружбы и согласия стали бы еще более прочными...» Темурбек, прочитав послание, усмехнулся. Джахангир Мирза следил за всем этим.

– «Если соизволят посетить нас...» В Хоросане нас недолюбливают. Наш дядя Ходжа барлас именно там переселился в мир иной... По этой причине не стоит нам ехать в Сарахс. Что скажет великий из амиров? – обратился Темурбек к Амиру Жаку барласу.

– Ваше опасение совершенно уместно, Темурбек! – подтвердил Амир Жаку барлас. – Доверять не стоит. На каждом шагу подстерегает измена...

– На каждом шагу измена, предательство... В каждое мгновение могут заплатить злом за добро... – сожалел Темурбек. – В тех краях в разные времена неоднократно случались различные нежелательные события. Обо всем мы знаем...

– Какие нежелательные события, мой достопочтенный отец? – заинтересованно спросил Джахангир Мирза.

– Да, вам надлежало бы знать эти истории, мой принц! – сказал Темурбек, глядя на сына. – Вам будет бесполезно. Настоящий хакиим Хорасана Амир Навруз Аргун оглы освободил из темницы Малика Фахриддина, дядю нынешнего правителя Малика Хусейна. А в темницу тот был брошен отцом Шамсиддином куртом...

– Сын брошен родным отцом? – удивился Амир Жаку барлас.

– Да, родным отцом, – продолжил свой рассказ Темурбек. – Тогда Амир Навруз освободил Малика Фахриддина из темницы, женил его на дочери одного из своих приближенных, назначил хакиимом Герата. Миновали годы, Амир Навруз пострадал в результате заговора, попал в немилость к хулагуиду Газанхану. В Азербайджане были казнены все его родственники. Амир Навруз, прося защиты, нашел убежище под крылышком Малика Фахриддина, которому в былые времена неоднократно протягивал руку щедрости. Хакиим Герата проявил верность, во имя святой религии оказывал всякую милость. Но когда люди Газанхана вошли в Герат, этот нечестивец отдал Амира Навруза в их руки. Амира Навруза повесили. После этого Малик Фахриддин еще около сорока лет правил государством...

– Какой подлый и мерзкий человек! – сказал Амир Жаку барлас.

– Склонность к изменам и предательствам, наверное, передается по наследству, это в крови. Удивляюсь... Малик Гиесиддин, отец Малика Хусейна, тоже был таким коварным человеком. Он был младшим братом Малика Фахриддина. Один у другого берет пример. Амир Чулпан сулдуз, военачальник илханиев¹, просил поддержки у Малика Гиесиддина. Малик Гиесиддин обещал: «Я не забуду вашу доброту. Будьте уверены. Пожертвую своей жизнью, но выпрошу вас у Султана...». Но забыл свое обещание и, удлив момент, обезглавил Амира Чулпана сулдуза и его сына Джилавхана и головы отправил Султану Абу Саиду! Амир Чулпан сулдуз всегда упрекал Амира Навруза, говоря, что «он постоянно ищет прибежище у изменника и предателя...». В конце концов и его жизнь пришла к такому же концу. Таков характер правителей Герата...

– Измена, неверность... Они этим страдают с пеленок, это их беда от рождения, – выразил свое отношение Амир Жаку барлас. – Потому и говорю, что не стоит ехать. Я сам видел, глаза у Малика Хусейна так и бегают, видно, что он задумал что-то недоброе. Кто знает, что таится в грязных душах потомков этих нечестивцев...

Джахангир Мирза онемел от удивления.

Темурбек задумался.

– Но мы должны обратить внимание вот на что: если кто-то так, между прочим, изъявит желание подружиться с нами, говорит добрые слова, выражает доброжелательное отношение и хочет встретиться, я не буду против. Это я считаю недостойным. Для государства это вещь непростительная. Мы принимаем предложение Малика Хусейна и посетим его. Только не я, а поедет мой любимейший сын, цветок сада салтаната, опора надежды нашей, сам принц Джахангир Мирза, а Муборакшох Санжари будет сопровождать его. Нашему принцу необходимо изучать государственные дела, придворный этикет... Ведь в священном Коране сказано: «Кто придет к вам с приветом, тому надлежит и отвечать приветом»...

Темурбек велел личному писарю написать послание:

«У нас нет никаких сомнений в порядочности и мудрости Его Высочества Малика Хусейна, – говорилось в послании. – По этой причине я направляю к вам свет моих очей, любимого сына принца Джахангира Мирзу. Наш угрук и наши женщины останутся в вашем государстве. Великодушие и щедрость Вашего высокопревосходительства позволят обеспечить их защиту и покой. Да будет угодно Аллаху! Не надлежало от великих ничего кроме великого и ждать...»

Тогда Темурбек взвалил на плечи Джахангира Мирзы то, что он сам должен был нести, и Джахангир Мирза великолепно справился с поручением – встретился в Сараксе с Маликом Хусейном.

Ахий Джаббар, глянув на закрытые глаза Джахангира Мирзы, подумал: «Мой принц уже спит. Пусть немного отдохнет...». Причину этого умиротворения он видел в легенде о Туроглане и Онабури и в душе был этому рад. Чтобы не разбудить его, осторожно встал с места и на цыпочках вышел из шатра. Он беспокоился, чтобы слуги громкими разговорами не нарушили покой принца.

¹ Илханий – чингизиды.

А принц был занят своими мыслями...

Детство... Детство было полно удивительных событий. Он воспитывался у бабушки Текина Хатун. Дедушка Амир Тарагай носил его на плечах. Он очень любил своего внука. Темурбек был любимым сыном, а любимец любимчика бывает очень сладким. Куда бы ни ходил дедушка, он всюду брал внука с собой. Текина Хатун, да будет милость Аллаха, была мастерицей рассказывать удивительные истории и сказки. Богатыри, одержавшие победу над дэвами, принц, отрубивший головы трехглавого дракона, освободивший возлюбленную из пасти дракона и женившийся на ней, богатырь убивший дьявола, джигит, искусно победивший хитроумную бабу-ягу, добрый молодец, победивший на состязании женихов и женившийся на принцессе, Алпамыш и Барчин, Тахир и Зухра, Лейли и Меджнун... Он слушал внимательно, переживал, радовался и страдал вместе героями сказок. Текине Хатун нравилось, когда ее внук соперничает, она радовалась, когда он волнуется, искренне переживает, с воодушевлением продолжала рассказывать сказки, загадки, небывлицы, разные истории. Джахангир Мирза долго оставался под впечатлением услышанного, в снах встречался с героями сказок, сражался вместе и рядом с ними.

Джахангиру Мирзе очень нравилась одна удивительная сказка. Он помнит, как просил бабушку по несколько раз повторять ее...

Один добрый джигит из Хорезма, побыв в далекой стране, освободил свою возлюбленную из рук страшного Палахман дэва, и вдвоем они отправились в обратный путь, домой. Дэв стал их преследовать...

Когда богатырь ехал на встречу с Палахман дэвом, по дороге явился к нему святой Хизр, легендарный пророк, который всегда помогает терпящим бедствие и, будто бы, приносит счастье тому, кто с ним встретится. Так вот, он дал молодцу волосинки трех лошадей и посоветовал: «Не теряй их! Окажешься в беде, зажги один волосок – прилетит один крылатый конь». Молодец зажег волосок – тут же появился крылатый конь Дулдул и человеческим языком сказал: «Садитесь на меня!». Молодые сели на коня, который был готов взвиться в поднебесье. Палахман дэв тоже не уступал, того и гляди вот-вот настигнет. Тогда конь сказал молодцу: «Посмотри на левую сторону моей гривы – увидишь большую кость, возьми ее и брось к ногам дэва!» Парень взял кость и бросил к ногам Палахмана. Волею бога кость превратилась в высокую гору! Дэв остался по ту сторону горы. Молодые люди, радостные, продолжили свой путь. Дэв, карабкаясь, поранил руки-ноги, намучившись, теряя силы, все же одолел гору и продолжил преследовать джигита с девушкой. Посмотрел опять парень назад и видит, что дэв уже настигает их, тянет руку, чтобы схватить. Тогда конь сказал: «Посмотри на правую сторону моей гривы – увидишь расческу, возьми и брось к ногам дэва!» Палахман дэв оказался в густом непроходимом лесу и, не найдя дороги, заблудился. Джигит и девушка обрадовались, со словами: «Слава Аллаху, спаслись от дэва!» погнали коня. До Хорезма оставалось немного. Дэв острыми зубами вырывал, пилил, ломал деревья, пробивая себе дорогу. Он был невероятно пленен красотой девушки. Молодые, увидев дэва, вновь взмолились крылатому коню: «Помоги нам, опять дэв настигает нас! Поторопись, а то вот-вот схватит он нас как бедных сирот!» Крылатый конь вновь заговорил: «Смотри на мою грудь! Там повешено зеркало. Сними и брось на пути дэва!» Джигит так и сделал. Вдруг образовалось прозрачное безбрежное море! И дэв утонул в его глубокой пучине...

Добрый джигит и его возлюбленная живыми-здоровыми прибыли в свою страну, Хорезм, и, наконец, достигли желаемого.

Джахангир Мирза, слушая рассказ Текины Хатун, мысленно представлял себя на месте героя сказки. Вот он спас девушку, сели они на крылатого коня, берцовая кость, расческа, зеркало... По одному предмету бросает он под ноги дэва... Интересно, что же сказала счастливая девушка отважному спасителю после освобождения, после того, как добрый молодец вырвал ее из рук дэва? Сказала ли она тогда: «Всю жизнь буду вам предана, смету пыль с вашей дороги косами своими, занозу на ваших пальцах вытащу ресницами, жизнью пожертвую ради вас!?!» Джахангир Мирза завидует этому джигиту.

Юное сердце принца жаждет такой любви, таких приключений. Поэтому он тоже подобно тому парню должен побывать в дальних краях в поисках возлюбленной, уничтожить врагов, преодолеть все препятствия, проявляя волю и мужество. Должен привезти возлюбленную на своем крылатом коне.

Но... Но где такая возлюбленная, где такой край?..

Такая возлюбленная есть, есть и такой край! Принц опьянен желанием любви, такой

любимой, молва о которой разошлась бы по всему свету! Джахангир Мирза хранит это в скрижалях сердца, таит секрет, пока этого он никому не открыл. Кому же скажет? С братишкой Умаршайхом на эту тему секретничать не будешь, достопочтенному отцу не сможет сказать... Остается только один человек – бабушка Кутлуг Туркан ока! Джахангир Мирза привык назвать Кутлуг Туркан ока «эна» – бабушка. Она спрашивает у него обо всем, искренне, открыто. Эна такая она... В Самарканде обязательно найдет время и поговорит с бабушкой. Потихонечку, о том-о сем... Разговор незаметно сам коснется этой темы. Тогда он скажет прямо, начистоту. А бабушка этот разговор может спокойно передать Сахибкирану!..

Воображение принца вырвалось из-под купола шатра, достигло небес и устремилось в сторону Хорезма...

Да, терзает его милая девушка из далеких краев! Возлюбленная нашего принца – девушка, выросшая на земле Хорезма! Это цветок, готовящийся распуścić лепестки в саду величественных хорезмшахов, бутон, своей прелестью и красой способный покорить весь мир... Ее зовут Севин бика, то есть «радуйся, принцесса»! Но называют ее Ханзада ханум... Молва о Ханзаде ханум через края и земли достигла Джахангира Мирзы. Поговаривают, что в семействе хорезмшахов есть одна девушка, достойная называться принцессой ангелов. Пока земли не касалась нога обладательницы такой красоты. Язык не поворачивается назвать ее дитятею человека. Выйдет на прогулку в город, наденет на лицо семислойную вуаль, люди хоть разок хотят взглянуть на нее. Ее краса улицы освещает, так становится светло, что могут работать аж тридцать два ремесленника ночью без освещения. Едут сваты со всех концов света. Джахангир Мирза своими ушами услышал, что даже Амир Хусейн посылал сватов. Сама ее достопочтенная мать, оказывается, удивлена красотой дочери и не может на нее наглядеться...»

Принц стал днем и ночью грезить о сказочной возлюбленной. Какой путь выбрать? Как можно увидеть возлюбленную хоть издалека? Отправиться ли в Хорезм с верными друзьями? Но его возлюбленная не в плену у дэва, а живет спокойно во дворце хорезмшахов в родительском доме. Послать ли сватов? Но как об этом сказать достопочтенному отцу? Если уж сказать... кто скажет? Когда скажет?..

Джахангир Мирза, открыв глаза, огляделся вокруг. Яркие лучи солнца переливаясь играли на куполе шатра. Внутри светлым-светло, Ахий Джаббара нет, наверно, он за шатром. Принц почувствовал тяжесть в голове. Бессонная ночь, и виденья были явью во сне. Стремительный полет воображения, легенды, воспоминания – все вперемешку утомило принца. Его глаза стали смыкаться, и через некоторое время послышалось легкое посапывание Джахангира Мирзы.

II

Известие о смерти повелителя Турана Амира Хусейна застало Темурбека в Хумаюн урде. «Видно, от судьбы не уйдешь... Я хотел ему помочь, удовлетворил его просьбу, пошел на уступки... – думал он. – Но расплата, как и говорится в шариате, не заставила долго ждать. Да, раб божий бессилен перед карой Всевышнего». Теперь исход войны очевиден. Результат десятилетнего противостояния известен. Темурбек предчувствовал, что этот день рано или поздно настанет.

Сахибкиран не спеша вышел из шатра и устремил взгляд в сторону крепости Хиндуван. В бастионе, окутанном плотной завесой пыли, все еще продолжался бой. Медленно поглаживая свои густые брови и не сводя глаз с крепости, он кликнул придворного слугу:

– Мамат!

Зов Темурбека подхватили другие слуги: «Достопочтенный Мамат! В Хумаюн урду!», «Достопочтенный Мамат! В Хумаюн урду!», «Достопочтенный Мамат!..»

– Я здесь, слушаюсь, Амир Сахибкиран!

Мамат вышел из шатра, что в десяти шагах от ставки. Его полное имя – Мухаммад Чурага додхах, однако Темурбек привык называть его Маматом. Мухаммад Чурага додхах вырос в семье Амира Тарагая бахадура. Его отец верой и правдой служил Амиру Тарагаю. Мухаммад Чурага додхах и Темурбек росли в одном дворе и всецело доверяли друг другу. Ловкий и расторопный Мухаммад Чурага додхах был моложе Темурбека, да и ростом чуть ниже. Издалека внешне они были очень похожи, только у Темурбека широкий лоб, а у Мухаммада узкий. При людях и на маджлисах они держались чопорно, согласно сану Сахибкирана и положению придворного слуги, не выходя за рамки дозволенного, осо-

бенно Мухаммад Чурага додхах. Но когда оставались одни, граница между ними исчезала: они разговаривали, шутили как ровня, и это было приятно обоим. Мухаммад Чурага додхах рассказывал обо всем увиденном и услышанном, о взаимоотношениях простых людей и дворцовой знати, Сахибкиран внимательно слушал, внимал и делал выводы.

Человек – удивительное создание. У каждого в самых сокровенных уголках сердца есть свои тайны. И если не делиться самым сокровенным, не раскрывать душу, сердцу придется туго... Найти верного наперсника в этом мире – большая удача, и Темурбек знал это. Некоторые люди, как ветер, раскроешься перед ними – и развеют они твою тайну по свету. К тому же предупредят каждого, чтобы держали сей секрет при себе. Другие, как вода, ваша тайна уплывет далеко-далеко и там даст урожай. В этом смысле Мухаммад Чурага додхах не ветер, не вода, а камень, причем камень, лежащий у самого основания горы, который трудно сдвинуть. Все, что он слышал, при любых обстоятельствах оставалось с ним. Темурбек не раз проверял и испытывал его... Словом, как в пословице: «Удар лошади выдержит только лошадь», Темурбек и Мухаммад Чурага додхах стали верными и достойными единомышленниками.

Темурбеку есть что рассказать Мухаммаду Чурага додхаху, но, как всегда, недосуг...

– Отправляйся в крепость к господину Амиру Жаку барласу! – приказал Сахибкиран. – Путь вместе с Амиром Сайфиддином, Амиром Довудом и Амиром Улжайту проведут тщательный обыск и доставят сюда казну, сокровища и гарем Амира Хусейна!..

– Слушаюсь и повинуюсь, Амир Сахибкиран!

Эту фразу Мухаммад Чурага додхах очень любил и произносил особенно отчетливо. Многозначительно посмотрев на повелителя, он поспешил выполнить приказ. В последнее время додхах частенько говаривал: «Говорят, бог – владыка!»

Темурбек, дав распоряжение Мухаммаду Чурага додхаху, отчего-то почувствовал себя неловко. Хотя достопочтенный отец нарек его именем, означающим "железо", он, отнюдь, не был железным. Он тоже, как и все, любил, сгорал в огне любви, горевал, кому-то верил, кем-то был обманут, мечтал, надеялся – словом, ничто человеческое ему не было чуждо. Темурбек помнит, как в пятнадцать лет любовь нежданной гостьей поселилась в его сердце. Нежданно-негаданно...

... Темурбек по заданию достопочтенного отца Амира Тарагая отправился в большую и просторную усадьбу Шайха Шамсиддина Кулала на окраине Шахрисабза. Окрестности усадьбы были живописны и красочны. К дому Шайха вела тропинка между деревьями и цветником, а в самом ее начале, недалеко у двора, протекал небольшой арык. Две узкие дощечки, переброшенные через него, служили мостиком.

Каждый раз, приходя сюда, он зачарованно любовался этим прекрасным садом. Темурбека бессменно встречали стоящие в ряд великолепные деревья, чинно, будто наукары, приветствующие своего полководца, а рядом с ними радушно пестрели цветы, весело переливаясь всеми цветами радуги. В самый разгар лета в саду Шайха зрели фрукты, золотились яблоки, желтые груши кокетливо выглядывали из-под зеленых листьев и радовали глаз, наперебой таинственно маня сладким призывом: «Сорви меня!».

Вот идет по чудесной тропинке с прутиком в руке простодушный и беззаботный здоровяк Темурбек, которому едва исполнилось пятнадцать лет. В голове у него одно: выполнив поручение отца, вместе с друзьями поскорее отправиться на своем скакуне к Ташкургану¹, где можно приятно провести время, полюбоваться крутыми горными тропами, поупражняться в фехтовании на просторной площадке перед легендарной пещерой, поучиться приемам борьбы кураш, посоревноваться в мастерстве скалолазания, в метании копья, поднятии тяжестей, насладиться другими военными играми.

Темурбек, беззаботно поигрывая прутиком, приблизился к арыку. У мостика, светясь, как ангел, в нимбе солнечных лучей, любуясь полноводным течением сидела девочка лет десяти-одиннадцати с мелко заплетенными косичками в синей бархатной тибетейке. Когда девчушка нагбалась к воде, пара – тройка тоненьких косичек, соскальзывали в воду, она старательно откидывала их назад, но, видимо, желая спастись от жары, косички вновь и вновь незаметно ныряли в арык. Большеглазая с нежным румянцем красавица была так милостива, что Темурбек, увидев ее, не мог оторвать от нее глаз. Не то очарованный красотой девочки, не то, чтобы насладиться прохладой воды в жаркий день, юноша остановился на мостике, присев на корточки, опустил руки в воду. Красавица с

¹ Ташкурган – горное селение недалеко от Шахрисабза, названо в честь пещеры из камней "Ташкурган".

сорока косичками, улыбаясь, взглянула на Темурбека, искренняя улыбка так шла ей, что у юноши от восхищения перехватило дыхание. Прекрасные глаза девочки таинственно мерцали невиданным доселе очарованием. Сердце Темурбека встрепенулось, бешено заколотилось, в один миг сладкая дрожь охватила все тело, подобно солнечным бликам на струящейся воде. Желая подшутить над неотразимой красавицей, он брызнул ей в лицо чистой водой: «Ах, ты курносенькая!» Смущенный и обескураженный своим поведением, поспешил к дому Шайха...

В тот день в доме Шайха было многолюдно, пришло множество мюридов¹. Из ичкари² доносились крики, детский смех. Может быть, та девочка в синей бархатной тюбетейке с сорока косичками дочь одного из мюридов, во всяком случае, Темурбек ее раньше здесь не встречал.

Эта мимолетная встреча глубоко засела в памяти Темурбека. Его очаровали большие чудные глаза, открытая улыбка девочки, тонкие изяшные косички, которые так украшали ее. Что же со мной происходит? – спрашивал себя юноша, пугаясь нового чувства. Ему безумно хотелось снова увидеть девочку с сорока косичками, он стал задумчив и молчалив. Но где она... эта девочка? Ни имени не спросил, где ее искать – неизвестно... Хотел сходить в усадьбу Шайха Шамсиддина Кулала. Но у кого спросить, что спросить? Кто она – одному Аллаху известно... Все бесполезно. И все же через какое-то время он еще раз навестил прекрасный сад Шайха, прошелся по усадьбе, помыл руки на мосту, долго смотрел на журчащую воду... В доме Шайха как всегда суетились мюриды. Темурбек тайком всматривался в лица девочек, копошившихся во дворе, но так и не встретил ту симпатичную девчущку...

Страдающего и тоскующего Темурбека озарило! Та девочка – дочь одного из мюридов! Раз так, то он будет искать мюридов и... Но вскоре он понял, что эта мысль – мираж. Мюриды Шайха Шамсиддина Кулала живут повсюду: и в стороне заката солнца от Бухары до Балха, и в стороне восхода солнца – в Андижане и Маргилане, Кашгаре, и дальше – в Хорезме, Самарканде, Ташкенте, Ясси... Так что же, искать мюридов по всем городам, кишлакам и домам?.. И что, спрашивать, где ваша дочка, и не та ли эта милашка, что была в усадьбе Шайха Шамсиддина Кулала? Позору не оберешься!

Словом, промелькнула красавица, как быстрая комета, и исчезла, подобно ангелу. Страдающий юноша, сгорая в пламени любви, так и не нашел след девочки с сорока косичками. Темурбек присматривался к девочкам, ища среди них ту, свою, красавицу и надеясь, что в один прекрасный день он обязательно встретит ее.

Историю о пленительной красавице знает только Мухаммад Чурага додхах, только ему Темурбек доверил тайну своего сердца. Тоскуя о ней, он часто в подробностях рассказывал свою историю Мухаммаду Чурага додхаху, и это помогало притушить огонь пылающего любовью сердца, успокоить душу. Хотя Мухаммад Чурага додхах не видел эту девочку, но по рассказам Темурбека ярко представлял прекрасную чернооую чаровницу...

Судьба непредсказуема... Подумать только! Раз увидеть, влюбиться – и навсегда! Трудно поверить! Много думал Мухаммад Чурага додхах о своем друге и пришел к выводу: Темурбек особенный по своей природе человек. Говорит один раз и не меняет своих решений, настойчив, непоколебим. Слово его, сказанное врагу, точно выстрел, сказанное другу – бальзам... Поведение, образ жизни, знания, нрав, отношение к людям, целеустремленность, смелость, мужество, верность в дружбе, снисходительность к врагам – все вместе, по мнению Мухаммад Чурага додхаха, признаки величия Темурбека. У великих людей велики и душа, и сердце, не все удостоиваются благосклонности такого сердца, но человек, удостоившийся искреннего внимания, становится частью благородного сердца... Миловидная девочка, встретившаяся на берегу арыка в усадьбе Шайха Шамсиддина Кулала, была достойна такой судьбы! Она превратилась в частичку его души, и вот двадцать лет как она его боль и сила...

Темурбек велел-то велел Мухаммаду Чурага додхаху доставить гарем Амира Хусейна и всю его казну, но самому стало как-то не по себе. Это было связано с красавицей – женой Амира Хусейна, дочерью Казан Султанхана по имени Сараймульханум. Когда Темурбеку было лет десять, они с отцом Амиром Тарагаем посетили роскошный дворец Казан Султанхана Занжирсарай. Тогда он и увидел симпатичную пятилетнюю дочку хана. Тогда

¹ Мюриды – последователи, ученики шайха, ишана.

² Ичкари – внутренняя часть, где жили женщины и дети.

и узнал ее имя, сказали, что зовут ее Сараймульханум. Может, назвали ее так потому, что она родилась в сказочном Занжирсарае?..

Случай, который произошел шесть лет назад ночью в Самарканде на площади Чорсу, оживил эти давние воспоминания. В погоне за Иляс Ходжой, ханом Джеты, остановились в Самарканде. По левую сторону престола, временно установленного для повелителя Турана Амира Хусейна, на сури¹ разостланы шелковые матрасы. На них восседала красавица – малика² Сараймульханум. Темурбек, сидевший на сури справа от трона, при свете горящих факелов случайно обменялся с принцессой красноречивым взглядом...

С тех пор Темурбек пытался найти ответы на тысячу вопросов, скрытых во взгляде Сараймульханум, но так и не смог. Хотя, по воле случая они встречались на разных мажлисах и собраниях, но он не обмолвился с ней ни единым словом, по правде говоря, и у нее тоже не было особого желания заговорить...

Об отношении Темурбека к Сараймульханум известно только Мухаммаду Чураге додхаху. Он даже однажды как-то сказал ему, что, если его превосходительство дадут согласие, как говорится, бог-владыка, то он найдет возможность устроить встречу с ней. Темурбек, качая головой, заявил: «Что ты говоришь? Для меня достаточно одного ее взгляда. Это и есть для меня милость Аллаха...»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

I

Со стороны Хиндувана уже не доносилось криков и шума. Мухаммад Чурага додхах торопился туда. Амир Жаку барлас и Амир Улжайту собирали обитателей гарема, Мухаммад Чурага додхах присоединился к ним. Амир Сайфиддин некуз и Амир Довуд дуглат собирали сокровища. Амир Муайяд арлат взял под контроль конюшню, Аббас бахадур кипчак – оружейный склад-арсенал, Амиру Сарибуга жалайиру достались большие зерновые амбары. Зиндачашм опарди был приставлен к заgonу, его обязали уточнить количество овец. Бахрам жалайир добросовестно несколько раз пересчитал коров в хлеву, зная, что Сахибкиран все перепроверит лично.

В самый разгар работы прибыл гонец из Хумаюн урды с высочайшим повелением: весь дворцовый люд, сокровища и имущество доставить из крепости в город. Бахрам жалайир первым погнал несколько тысяч коров. Привратник Саттаркул, скрепя сердце, открыл ворота настежь. Вслед за коровами, наполняя округу бляением, потянулось бесчисленное множество овец, подгоняемых Зиндачашмом опарди. Подопечные Амира Сарибуга жалайира набивали мешки пшеницей, овсом, рисом, ячменем, просом, джугарой из амбаров и грузили на телеги.

В конюшне, пропитанной лошадиным потом, воины Амира Муайяд арлата обнаружили около двухсот лошадей чистой арабской породы. Каждый наукер сел на коня и вел по одному на поводу. Аббас бахадур кипчак погрузил на телеги воинское снаряжение. Вскоре длинный караван с добром побежденного правителя, разрывая тишину окрестностей гнетущим скрипом несмазанных колес, топотом копыт, бляением овец и мычанием коров, скорбно побрел в сторону города.

Когда Амир Сайфиддин некуз и Амир Довуд дуглат, взяв ключи у казначея, вошли в казну, то сразу обратили внимание на явный беспорядок. Все было перевернуто вверх дном: вещи разбросаны, крышки ларца для золота и ценных камней полуоткрыты, хаотично разбросаны одежда, ткани, сафьяновые ичиги, сапоги, калоши.

– Так-с... – сказал, кашлянув, Амир Сайфиддин некуз. – Это, несомненно, дело рук Амира Хусейна. Торопясь, он прихватил с собой все, что ему нужно, и дал деру...

– Удирая, прихватил все, что под руку попало, ублюдок ненасытный!

Амир Довуд дуглат больше ничего не добавил.

В одной стороне комнаты лежали диковинные вещицы: дорогие уздечки, позолоченные седла, сбруи, золоченые ремни, кольчуги, шлемы. В другой – золотые кувшины, разная редкостная посуда, драгоценные камни, алмазы, яхонты, агаты, изумруды, роскошные украшения, пышные царские наряды. Амир Сайфиддин некуз строго-настрого наказал писарю и его помощникам:

– Так-с... тщательно сделайте опись казны! При счете не ошибитесь! Учтите, что Темурбек перепроверит все лично! Количество по записи и в наличии должны совпадать.

¹ Сура – высокий деревянный настил.

² Малика – царевна, одна из жен хана.

За упушения и ошибки будете наказаны! Так-с...

Амир Сайфиддин некуз хорошо знал манеру Темурбека. Сахибкиран не раз говорил, что вся добыча считается имуществом государства и его подданных, а не лично Сахибкирана и отдельных амиров.

– Имейте в виду, Темурбек ненавидит мародеров и воров. Он не считает их людьми. Будьте аккуратны! – предупредил всех Амир Сайфиддин некуз.

Самая ответственная задача была возложена на плечи Амира Жаку барласа, Амира Улжайту и Мухаммада Чурага додхаха. Они должны были доставить гарем Амира Хусейна Сахибкирану. По неписанному, но строжайшему закону все имущество и гарем свергнутого или побежденного хана, амира переходит в руки победителя, и победитель распоряжается всем по своему желанию и усмотрению. Если победитель посчитает нужным, то из гарема побежденного хана выберет себе жену, и это считается его правом. Победитель может подарить отличившимся на войне воинам, амирам женщин из гарема противника.

Когда ужасная весть дошла до женщин гарема, никто не удивился, жены и невольницы Амира Хусейна были готовы к этому. Узнав о гибели правителя, они понимали, что перейдут в другие руки, и успокаивали себя тем, что от судьбы не уйдешь.

Среди жен повелителя Турана наибольшим авторитетом пользовалась Севинч Кутлуг ока, дочь Тармаширинхана. Жестокая и бессердечная, она по пустякам придиралась ко всем женщинам гарема. Больше всего доставалось Сараймульханум. Обе были дочерьми ханов и естественно, что между ними возникло соперничество. Говорят, у косули нет другого порока, кроме красивых глаз. Вот и у Сараймульханум один порок: она молода, здорова и прекрасна. Это было не по нутру стареющей Севинч Кутлуг ока, она исходила злостью и ядом. В первые дни пребывания в гареме Сараймульханум старалась хоть как-то защититься, даже несколько раз пыталась объяснить, но, видя, что все напрасно, решила отмалчиваться.

У дверей гарема показалась принаряженная Севинч Кутлуг ока с двумя игриво ниспадающими до колен косами, в черном парчовом халате и белоснежном кисейном платке на голове.

– Ишь ты, муж только умер, а она вместо траура накинута на голову белый платок! Где это видано! – пришла в негодование Улус ока, дочь Баен сулдуза, одного из влиятельнейших амиров, выщипывая брови перед зеркалом.

– Бойтся остаться без мужа, – едва слышно съехидничала Тогай Туркан ока. – Так тебе и надо! Чтоб ты сдохла, ведьма старая!

– Тс-с-с!.. Госпожа свекровь идет! – насмешливо предупредила всех Адил-Мульк, дочь Кайкубада Хутталони.

Остальные жены и невольницы тихо о чем-то судачили, воркуя как голубки. Только Сараймульханум молча сидела в углу, занятая своими мыслями.

Хотя Севинч Кутлуг ока и услышала шушуканье своих соперниц, но промолчала, сделав вид, что ни о чем не догадывается. Она по привычке снова попыталась уколоть Сараймульханум:

– Ага, о чем это мы задумались?.. – высокомерно подбоченившись ядовито спросила надменная пакостница. – Делаете вид, что скорбите и горюете?.. А в душе от радости места не можете себе найти? Что, не так?..

Сараймульханум удивленно подняла на нее прекрасные глаза:

– Ах... Что вы говорите, сестрица? Почему я должна радоваться? И чему радоваться?

– Почему?.. Ясно, почему! Сказать? Избавилась от Амира Хусейна! Ясно?! Теперь нет никакой преграды... не так ли?

– Я не понимаю вас, сестра! Что вы несете? Какая преграда? О, боже...

Другие женщины, чтобы стать свидетелями разыгрывающегося представления, а может быть, и участницами, шумной гурьбой приблизились к ханским дочерям.

– Теперь они не понимают... – неестественно громко засмеялась Севинч Кутлуг ока. – Не понима-а-а-ешь, это ты-то не понимаешь? Ну... Кто не знает, что Темурбек твой любовник? Ну?.. Что молчишь, дорогуша?!

От неожиданности Сараймульханум расстерялась. Жены Амира Хусейна знали о цинизме и хамстве Севинч Кутлуг ока. Если надо, она не только Сараймульханум, но и всякой из жен и невольниц могла «отыскать» любовника. Поэтому они не придали особого значения ее словам, но Сараймульханум они сильно задели. По привычке, прежде чем сказать что-то серьезное, она погладила свой красивый локон у правого виска.

– Что? Да как ваш язык повернулся сказать такое? Как не совестно ни с того, ни с сего средь бела дня клеветать на чью-то законную жену? Любовница Темурбека... думаете, что говорите? Живу в этих четырех стенах, никого не вижу, ни с кем не разговариваю! ... Вы, такая солидная женщина... Не стыдно вам нести всякую чушь?..

– Я все-е знаю! – Севинч Кутлуг ока подошла еще ближе и пристально посмотрела в глаза Сараймульханум. – И если бы Амир Хусейн был жив, то за такое поведение приказал бы привязать тебя к хвосту лошади и погнать ее в степь... Я бы сама подсказала ему это! Радуешься, что со смертью Амира Хусейна избавилась от всего, ослица!.. Теперь эта кокетка надеется попасть в гарем Темурбека и рада-радешенька.

Чаша терпения переполнилась, Сараймульханум более не могла сдерживаться:

– Да что вы себе позволяете? За какое такое поведение?.. Побойтесь бога! О, боже, что за клевета?! Спаси и сохрани от такой напраслины!.. Пусть то, что вы сказали, вернется вам во сто крат! Аллах накажет вас непременно! – Постепенно приходя в себя, Сараймульханум прямо взглянула в глаза царевны: – Будьте спокойны! Я не возлагаю надежд на гарем Темурбека. Возьмите себе и его гарем, и его самого впридачу! Берите! Мне ничего не нужно! Мне не нужно! Пусть... ничего не нужно...

Не в силах сдержат себя, Сараймульханум расплакалась от обиды. Беднягу окружили Улус ока, Тогай Туркан ока и другие женщины, наперебой пытаясь утешить:

– Ну что вы? Чего вы плачете? Это не стоит ваших слез! – воскликнула красавица Улус ока с блестящими миндалевидными глазами, затем, укоризненно посмотрев на Севинч Кутлуг ока, вытащила белый золототканый платочек и вытерла Сараймульханум слезы. – Перестаньте, не плачьте! Она не стоит ваших слез. На себя бы посмотрела. Какова сама, таковы и слова... Гроша ломанного не стоит!

– У, змея! Истинная гадюка! Не может не ужалить... ух, чтоб ты сдохла от своего же яда! – ужалила старшую царевну девятнадцатилетняя Тогай Туркан ока.

Глядит Севинч Кутлуг ока – остальные женщины тоже готовы вот-вот наброситься на нее. И тогда неожиданно она вылила целый ушат словесной грязи на бедных, несчастных царевен. Годами накопленное зло, досада, раздражение беспрепятственно вырвались наружу:

– Да, я змея! Скорпион! Ну и что?! Очень хорошо! Я скорпион! Поделом вам всем! Ясно?! Я готова погубить каждую из вас! Вот теперь я покажу, на что я способна! Знайте, я дочь Тармаширинхана, любимая жена Амира Хусейна! Женившись на мне, он стал кураганом, да!.. У меня больше прав! Вы же, ничтожество, свалились на мою голову! С вашим приходом я лишилась покоя, забыла, что такое мужская ласка, перестала быть единственной женой!.. Бездельницы, дармоедки! Отняли моего мужа!.. – Севинч Кутлуг ока стала громко причитать. – Отняли моего мужа! Все отняли! Вы, стервы, вырвали из моих рук... Вы-рва-ли-и!.. Добились своего! Доби-ли-и-сь!..

Не владея собой от злости, Севинч Кутлуг ока бросилась на ближайшую постель и заплакала навзрыд.

Жительницы гарема вовсе растерялись: с одной стороны им было жаль старшую царевну, с другой – коробили циничные обвинения. Они недоумевающе качали головами, хватались за свой ворот, сокрушенно приговаривая: «Ах, боже мой!», «Ое-ей!», «Господи, прости!»

В это время послышался звонкий возглас:

– Не шуметь!

Женподобный голос главного евнуха гарема, показавшегося у дверей, заставил женщин насторожиться.

– Собирайтесь, живо! Мы приглашены в Хумаюн урду самим Сахибкираном Амиром Темуром!..

Все, тут же забыв о недавней перебранке, оживленно стали собираться. Женщины беспокойно засуетились: кто-то гляделся в зеркальце, кто-то поправлял волосы...

Сараймульханум тоже стала поспешно утирать слезы, так украшавшие ее очаровательные глаза...

II

Было уже далеко за полдень.

Женщины гарема во главе с Амиром Жаку барласом, Амиром Улжайту и Мухаммадом Чурагой додхак были на подходе к Хумаюн урду. Жены свергнутого повелителя Турана

устроились на роскошных паланкинах, дочь и невольницы – на арбах. В это время Темурбек, сидя на троне, установленном возле Хумаюн урды, осматривал сокровища, драгоценности и наряды. Вокруг, скрестив ноги, расположилось несколько амиров и военачальников. Остальные разошлись по городу в поисках подходящих хранилищ, складов, загонов, коровников, конюшен для трофейного имущества.

Перелистывая тетради учета сокровищ, Темурбек то и дело поглядывал в сторону Хиндувана, с нетерпением ожидая приезда женщин гарема. Когда вдалеке замаячил караван приближающегося гарема, сердце его гулко застучало. Амир Жаку барлас, Амир Улжайту и Мухаммад Чурага додхah успели подойти к нему с докладом. Мухаммад Чурага додхah заметил, как покраснело от волнения смуглое лицо Темурбека...

Наконец, началось знакомство с обитательницами гарема. Право быть представленной первой получила махди уле¹, дочь Тармаширinxана Севинч Кутлуг ока. Когда Мухаммад Чурага додхah назвал происхождение принцессы, Темурбек внимательно присмотрелся к ней... Сахибкиран заочно уважал Тармаширinxана. Перед ним стояла зрелая красавица лет тридцати-тридцати пяти, в черном парчовом халате, придававшем ей нарядный вид... Севинч Кутлуг ока гордо шагнула к Темурбеку, ничуть не сомневаясь, что среди женщин гарема выбор падет обязательно на нее, потому что только тогда Сахибкиран мог получить звание «Кураган». У всех амиров есть одна заветная мечта – добиться чести называться зятем династии чингизидов... Дочь Тармаширinxана это хорошо знала. Когда Темурбек посмотрел на эту привлекательную женщину, у него, как и у всех мужчин при виде красивой женщины, сладостно засосало под ложечкой... Но взгляд махди уле гарема Севинч Кутлуг ока, направленный на Темурбека, обдал ханским высокомерием. Сахибкиран, готовый раскрыть свое сердце, вдруг вздрогнул: у нее слишком жесткий взгляд. Это решило все. «Смушение – основа добродетели» – промелькнуло в голове Темурбека... Каково было удивление Севинч Кутлуг ока и амиров, уверенных, что именно она будет избрана Сахибкираном, когда он неожиданно произнес:

– Наш друг Бахрам жалайир, прибывший к нам из Ташкента, словно легендарный Рустам отважно сражался в Хиндуване, проявив исключительное мужество! Махди уле считаем достойной Бахрама жалайира!

– Считаем достойной! – тут же поддержали амиры и военачальники. – Считаем достойной!

– Бахрам жалайир! – крикнул Мухаммад Чурага додхah.

Такая высокая честь и не снилась Бахраму жалайиру, который только что прибыл в стан, поместив многочисленный скот в огромном коровнике старого города и расставив охрану. У него чуть сердце не лопнуло от счастья. Любимую жену злейшего врага Амира Хусейна ввести в свой гарем... К тому же дочь великого Тармаширinxана...

Бахрам жалайир проворно подбежал, встал на колени и поцеловал руку Темурбека:

– Ваше величество, отныне и во веки веков я ваш слуга!

– Не обижай ее, понял!

– Понял, Ваше величество!

– Благоустрой свой шатер, амир!

Щедрость Темурбека восхитила всех амиров. Бахрам жалайир, поначалу равнодушно относившийся к Темурбеку, проявил себя героически при взятии крепости Хиндуван, возможно, тем самым пытаясь загладить свою нерадивость, но, как бы то ни было, Темурбек заметил его самоотверженность и справедливо оценил по достоинству.

Подбадриваемый лестными возгласами, счастливый Бахрам жалайир повел в свой шатер раздосадованную до слез старшую царевну. Все сидящие на церемонии провожали их восхищенными взглядами, причмокивая от зависти.

Сам же Темурбек находился в сильном смятении: перед ним стояла дочь Казан Султанхана Сараймульханум, которая когда-то одним лишь взглядом вскружила ему голову! Этот взгляд, пронзивший его сердце, до сих пор в памяти Темурбека. Он так и не разглядел ее как следует. По правде говоря, и возможности не было ...

(Продолжение следует)

¹ Махди уле (араб) – титул старшей жены в гареме.

Шодмон ОТАБЕК

Родился в Андижанской области. Окончил Ташкентский государственный университет (ныне НУУз). Автор книг «Мирзакалон Исмоилий», «Япрокдаги нур», «Одамийлик абадийдир», «Ширмонбулок окшомлари», «Дурмон хангомалари», «Мирзакалон Исмоилий сабокларии» и повестей «Яхши кунларда куришайлик», «Биркам дунё».

Прическа

Рассказ

(перевод с узбекского Шарафа Мирзаева*)

Выйдя из школы, Кахрамон направился домой. Тетушка Халтаджи, подметавшая айван, завидев сына, перестала подметать.

– Опять не постригся? Посмотри на себя, на кого ты похож, будешь ты слушаться или нет?

– Буду.

– Так что ж не постригся?

– Парикмахера не было, – пробормотал Кахрамон, глядя в землю, чтобы скрыть ложь от матери.

– И куда же он подевался?

– Да куда, ушел на свадьбу.

– Ах, чтобы подавиться ему на свадьбе! За версту чует, как ишейка, где пахнет вкусным! Ну ладно, вот придет отец, побреет тебе голову бритвой. Покричишь, да и только.

– Мама, мамочка, я сам...

– «Сам-сам»! Понадеешься на тебя, так ты задерешь нос, – мольба сына охладила пыл тетушки Халтаджи. – Учишься в пятом классе, а постричься самостоятельно не можешь. Зайди домой, обед остывает.

Облегченно вздохнув, Кахрамон вошел в дом. Бросив сумку в нишу, стал смотреться в зеркало. Лохматые черные волосы настолько выросли, что покрыли уши и воротник рубашки. Достав из-под сундука деревянный гребень матери, стал с усердием расчесывать волосы. Но как ни старался, волосы отказывались повиноваться гребню. Кахрамон со злости швырнул гребень о дверь. От громкого стука черный кот, дремавший на пороге, дал стрекача и помчался на террасу.

Когда дядя Фазыл вернулся из армии, его блестящие, гладкие волосы вызвали у Кахрамона страшную зависть. С тех пор стоит ему остаться одному, как он заглядывается в зеркало. Он задумал как следует отрастить волосы и сделать прическу в большой районной парикмахерской. Нельзя довериться махаллинскому мастеру Хакиму. Тот, не спрашивая, побреет голову наголо, и будь здоров. Если какой-либо мальчишка и будет настаивать, чтоб ему сделали прическу, то усто Хаким оставит надо лбом крохотный чубчик величиной с крылышко цыпленка. Разумеется, такой чуб никак не устраивал Кахрамона. Он бы, конечно же, съездил в район и сделал бы там настоящую прическу, да вот только побаивался дедушки. Почему-то дед недолюбливал людей, носящих кепки и прически. Мать с отцом прислушивались к его мнению.

Словом, как увидел Кахрамон прическу дяди Фазыла, так и затаил мечту. Он во что бы то ни стало, сходит в районную

* Мирзаев Шараф известный востоковед, индолог, переводчик. Родился в 1947 г. в Самаркандской области, в 1970 г. окончил восточный факультет ТашГУ (ныне НУУз). Живет в Ташкенте.

парикмахерскую. Он уже не маленький, вот уже два года как ходит в «большую школу». Так называли дети четырехэтажную школу-десятилетку, что находилась в верстах двух от их кишлака.

На следующий день после занятий Кахрамон отправился в парикмахерскую с витриной, что находилась рядом с автостанцией. По обыкновению, проходя мимо будки сапожника, Кахрамон потихоньку заглянул вовнутрь. Сквозь занавешенное окно можно было увидеть свое отражение в зеркале. Рассматривая свою внешность в зеркале, мальчик остался доволен собой. Он погладил сначала волосы, затем подбородок.

Кахрамон робко вошел в парикмахерскую. В нос ударил смешанный запах одеколона и мыла. Клиентов было много, вероятно оттого, что работал только один мастер. Кахрамон занял очередь. Лысый парикмахер с бакенбардами до самого рта искоса посмотрел на него. Наблюдая за работой мастера, Кахрамон заскучал. Мальчик невольно сравнил его с человеком, совершающим бег на месте. Странно, не осталось ни одной шетинки, а этот все скоблит да скоблит. А вдруг шекотно тому, кто бреется?

Наконец подошла очередь Кахрамона. Он, боязливо ступая, словно боясь раздавить что-либо, сел в кресло. Парикмахер угрюмо посмотрел на Кахрамона.

– Ну, как будем стричься?

– Сделайте мне, пожалуйста, прическу...

– Какую?

Не зная, что ответить, Кахрамон испуганно посмотрел на мастера.

– Вот так вот, сам не знаешь, чего хочешь. Так какую же тебе сделать прическу – полубокс, бокс или молодежную?

Кахрамон пожалел, что не осведомился о таких важных вещах.

– Как у дяди Фазыла! – невольно вырвалось у него, словно он нашел то, чего искал.

– Какой там еще дядя Фазыл? Мальчик, не морочь мне голову! Если будешь действовать на нервы, выгоню отсюда. Тоже мне нашелся шеголь! Рано еще тебе носить шевелюру до самых плеч!

– Да ладно, сделайте мальчику прическу, – бросил реплику один из клиентов дожидавшихся очереди.

Мастер завязал на шее Кахрамона белую салфетку.

– У меня такой вот мелюзги дома пятеро, сказал парикмахер клиенту, сидевшему в соседнем кресле. – То, что знают они, нам и во сне не приснится. Недавно мы всей семьей смотрели телевизор, так младший говорит старшему: «Отвернись, сейчас эти двое будут целоваться!» Спрашиваю у него: «А ты, озорник, откуда тебе известно, что делают взрослые?» А тот в ответ только смеется. Как он говорил, так оно и вышло!

Зеркало напротив висело высоко, и Кахрамон мучился, не имея возможности видеть себя. Уж очень хотелось ему полюбоваться на свои волосы. Какими они станут? Он, наверное, будет походить на взрослого человека? Будут ли его волосы такими же красивыми, как у дяди Фазыла? Кто знает, может, будут еще красивей? Все будет ему завидовать. А сопливый Гулям просто сгорит от зависти. Кахрамон будет каждый день мыть голову душистым мылом. А что скажет мать? Вначале, конечно, поругает. Но стоит ей увидеть, как идет сыну прическа, так сразу смягчится. Может даже обласкает сына. Ласок-то и не надо, лишь бы не отругала, а то, поди, ночью пострижет ножницами, как это она делала, когда Кахрамон был маленьким.

Парикмахер снял салфетку и, даже не стряхнув волосы, одним уголком материи вытер волоски на шее клиента и дунул. Кахрамон протянул ему монеты, которые он сжимал в левой руке. Парикмахер, почему-то даже не посчитав, бросил деньги в коробку и позвал очередного клиента. Кахрамон поспешно вышел в комнату ожидания и посмотрел в зеркало. Увидев прическу, он ахнул. Что это была за прическа? Не похожа ни на прическу дяди Фазыла и даже ни на ту, которую делал мастер Хаким. Парикмахер в середине головы оставил крохотный «островок», да и тот скособочился в левую сторону. Кахрамон вспомнил, что сидел он склонив голову в левую сторону, и мастер, видать, не заметил этого.

Кахрамон стоял как вкопанный, не зная, что делать. Он плотно сомкнул губы от обиды. Ему было стыдно появляться на людях в таком виде.

Поневолу он опять занял очередь.

Парикмахер очень удивился, увидев опять перед собой Кахрамона.

– Чего тебе еще, мальчик?

– Снимите все, – чуть не плача произнес Кахрамон.

– Что, не спросил разрешения у отца? А я так и подумал, то-то сидел и ерзал без конца. Ладно, убрать волосы – раз плюнуть. Лучший инструмент для волос – бритва! После бритвы голова прямо-таки отдыхает, будто человек заново появился на свет.

Кахрамон уже не слышал слов мастера. По его щекам катились крупные слезы. Он их глотал и выплевывал, а перед его взором все еще маячила прическа дяди Фазыла...

Изображение из копии дивана Хафиза XVIII века (Британский музей).

Хафиз ШИРАЗИ

Родился в 1325 (по некоторым источникам в 1300 году) году в Ширазе. Хафиз с детства наизусть знал Коран, за что получил титул «хафиз». Слагал стихи, был чтецом Корана, вошел в суфийский орден Тарика, знал арабский язык, хорошо разбирался в хадисах, тафсире, фикхе. Автор лирических газелей о любви, вине, красоте природы. Хафиз умер в Ширазе в районе 1390 года.

*Ты – восходишь зарей,
я – стыжусь, как огарок свечи*

(перевод со староузбекского Т.Варки*)

Ты – восходишь зарей, я – стыжусь, как огарок свечи.
Улыбнись, провожая ту жизнь, что тебе я вручил.

Сердце так эти кудри опутали и оплели! –
Расцветут над могилой фиалки. Не спрашивай, чьи.

Створок глаз не сомкнул на пороге, в преддверье твоём.
Уронила ты взгляд, и глаза потерял я в ночи.

Благодарность какую, о мука, Аллаху воздать? –
В одиночестве день он с тобою нас не разлучил.

Я глазам не хозяин. Из черных сердечек зрачков
Капель тысячу я отсчитаю в уплату кручин.

Сокровенный бутон мой цветет у людей на виду.
Но проходят слепцы. И не видят, что я различил.

Если ты над могилой Хафиза пройдешь ветерком,
Саван душный порву. Как ладони твои горячи!

*Темур Варки родился в Душанбе в 1962 году. В 1984 году окончил факультет русского языка и литературы Таджикского госуниверситета. Работал в системе АН Тадж.ССР, в прессе. Во время гражданской войны уехал в Москву, где прожил 19 лет. В 2011 году вернулся на родину. Журналист.

ТЕНЬ ОТ СЛЕЗ

(перевод с узбекского Германа Власова*)

*Никогда не причиняй боли
любимой тобою душе...*

Пролог

По правде сказать, не помню, где я вычитал эту строку. Возможно, она пригрезилась мне в снах, в последнее время таких беспокойных! Но доподлинно известно лишь то, что она существует и проникнута искренним сочувствием к любящему сердцу и горечью несбывшейся мечты.

1

(цикл сонетов)

Ты видел хоть раз в жизни тень от слез?..

Она не похожа на обычную тень.

Она проникает в наши сердца из других, далеких миров...

Харуки Мураками

Тень от слез – много их натекло –
в горьком воздухе будто парит.
Эту тень не разбить, как стекло,
как пятно ее не удалить.

В ночь твою она входит, как вор,
эту тень за плечом ты найдешь.
Будет длиться ее приговор,
даже если ты сам пропадешь.

Не прогнать, будто мух от вина,
тень желаний пустых и обид.
И не светом она рождена,

но мерцает. Она, как звезда,
о далекой любви говорит,
и не гаснет она никогда.

Фахриер

(Фахриддин Низамов)

Поэт, переводчик.

Родился в 1963 г. в Самаркандской области, в 1988 г. окончил Самаркандский государственный университет им. А.Навои.

Автор поэтических книг: «Дарднинг шакли» («Форма боли», 1997), «Аелгу» («Старинная песня», 2000), «Геометрик бахор» («Геометрическая весна», 2004), сборника публицистических статей «Янгиланиш анъанаси» («Традиция обновления», 1998). Живет в Ташкенте.

* Герман Власов родился в 1966 г. в Москве. В 1990 году окончил филологический факультет Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова. Автор нескольких поэтических сборников, переводов с украинской, грузинской, узбекской поэзии. В 1992 году стихи поэта были опубликованы в журнале «Огонек». Участник международных фестивалей, лауреат Волошинской премии, призер четвертого международного фестиваля поэзии Синани Fest.

2) Тень от слез, словно острый кинжал,
режет грудь, я к страданию привык.
Но зачем ветерок пробежал,
утешая меня в этот миг?

Сыпет мне она щедрой рукой
соль на раны от горьких разлук.
Отчего же я полон тобой
после стольких томительных мук?

Ум в разброде и день мой угас –
тьень ночная растет будто ком,
множит дни, разлучившие нас

друг со другом. Стоит пеленой,
закрывает тебя целиком
тьень ночная в разлуку длиной.

3) Я не плачу еще, но мрачна
тьень от слез моих, словно закат.
Излучает страданье она
и наводит на горестной лад.

Я, в ком было любви через край,
наполняюсь армадой теней.
Время рушит мечты моей рай,
тайны гибнут и мне все больней.

Слезы высохнут, тень что беда,
не исчезнет. Она как фантом,
а фантом не умрет никогда.

Что же значит она, что сулит?
Дорогая, что будет потом,
Почему эта тень так болит?!

4) Стала тенью любовь, чувств простор
приживальщиком памяти стал.
Мне небесный один крючоктвор
серым пеплом на лбу начертал.

И надежда из сердца бежит,
вижу зеркало с мутным пятном –
пепел страсти на сердце лежит
или тень. Вижу сон я, и в нем

дребезжит и фальшивит струна,
это голос грядущего: вот
пустоцветы – разлук семена.

Это Митра¹ за время разлук
сделал черным святой небосвод.
Погляди: пустоцветы вокруг.

2

... Отныне слезы стали моим уделом...
Мирза Абдулкадир Бедиль²

Сердцу столько не вынести мук,
слезы – дом ему стали родной.
Жизнь – отныне бессмысленный звук,
оказалась любовь роковой.

Этот рок я лелеял, грешил,
клял любви за поклоном поклон.
Не выюнок на равнинах души –
след змеиный и горестный стон.

Тесно сердцу от мук, но опять
пожинаю я горести плод,
И душа начала увядать.

Слезы лью, мне и жизнь не мила,
эту ночь, это бремя невзгод
тень от слез за собой привела.

3

Ты уходишь, а я остаюсь.
Без тебя всюду горечь и мрак.
Я на части душой изорвусь,
как державы поверженной флаг.

Я лежу, как разбитая рать,
в сердце грезы готов я впустить.
Ни к чему мне теперь воевать:
без тебя моя участь – грустить.

Знать такой уж мне выпал удел –
бесполезно роптать о судьбе.
О тебе мои плач и мольба.

Мне разлука добавит седин.
Тот, кто небом обещан тебе,
мой уносит цветок. Я один.

¹ Митра – В Древней Индо-иранской мифологии Бог солнца.

² Мирза Абдулкадир Бедил (1644-1720 или 1721), персоязычный поэт Индии тюркского происхождения.

4

Как тяжелый шаг, бухнула слеза...
А.Мухтар

Над крестом, где распят был Иисус¹,
Сам Господь слезы горькие лил.
Слезы больше, чем слово из уст,
Бог рабов за дела не винил.
Сердце верно любимой, цветку,
хоть в разлуке не вижу цветов.
Ищут слезы ее красоту.
Шаг слезы – словно топот подков.

Топчут слезы мне сердца ростки,
душу выжгли мне, словно грозой,
берега затопив и мостки.

И не мор здесь прошелся, не глад,
душу мне отравили слезой,
и она, будто сад в листопад.

5

Тень от слез все струится, как шелк –
время, чувство, пространство роднит.
Старый грех, чей укор не умолк,
но прилип к тебе, словно магнит.

Тень от света бежит, через мрак
тьень шагает, и тянется след.
Гаснет свет, но не смолк ее шаг,
с тенью этой грядущего нет.

И ее непрерывность, как нож,
ранит сердце и рана болит.
Ты рассудком ее не поймешь,

крикнешь – но не получишь ответ.
Входит в душу и кровь холодит,
даже капли надежды в ней нет.

ТРИПТИХ

1

Гулки деревья в пустых садах,
Шепот зеленый холмы покрыл.
Осени темной ушла вода,
Прорастает любовь сквозь сердечный ил.

¹ Намек на финальную сцену из фильма Мела Гибсона «Страсти по Иисусу».

Камни сочатся, что леденец
Тают на языке травы.
Вытащит гвозди весна, венеч
Снимет с Распятого головы.

В солнечных брызгах гусиный лук,
Змейкою вьются побеги трав.
Вышел подснежник босым на луг,
Все сбереженья свои раздав.

2

Не существуют – ни сон, ни явь.
Вольность – бескрайних цветов поля,
Руки закованные подняв,
Да процветает страна твоя.

Пусть оговорщик к царю бежит
Речи опасные доносить,
Край твой пускай под пятой чужих –
Вольно блаженным на свете жить.

Счастье не спрячешь, печаль пройдет.
Ересью дразнят любовь? – пускай.
Пусть вместо Фаджра – Йя-син поет
Утром армада стрижиных стай.

3

Только весна неизменна здесь,
В сорок косичек, светла лицом.
Каждая песня, любая весть
Как расставанье с дурным концом.

Разве разлука ее сестра
Или прощанье ее вина?
Ей ни к чему ни твоя хандра,
Ни твое счастье. Она одна

Знай расцветает в своей тиши,
Ни до кого ей заботы нет.
Клейкие листья как хороши!
Ты же ей камни бросаешь вслед...

Служит любому, забыв корысть.
Сны твои лучшие пьет Луна.
Если, к несчастью, они сбылись,
Разве в обиде на то она?

Только весна неизменна здесь...

возвращение к читателю

Николай ИЛЬИН

Родился в 1950 году в г. Златоусте. Поэт, переводчик, филолог, преподаватель-методист. Автор ряда поэтических сборников и литературоведческих статей. Живет в г. Ташкенте.

Поэзия проникающего взгляда

(О стихах Марины Богатыревой)

Марина Богатырева, известный узбекистанский художник и фотохудожник, поэт и культуролог. Родилась в Ташкенте в 1961 г., окончила отделение художественной графики Государственного педагогического института им. Низами. Работала в Государственном музее искусств Узбекистана, участник республиканских и международных выставок. Обладатель Гран-при в фотоконкурсе «Узбекистан» (2004 г.). Живописные произведения и фотоработы М.Богатыревой находятся в частных собраниях, галереях и учреждениях Узбекистана, США, России, Швеции, Ирана, Германии. Она участница нескольких Ташкентских фестивалей поэзии, печаталась в журнале «Звезда Востока». Друг и коллега Марины, ташкентский фотохудожник Виктор Ан, разбирая ее архив, обнаружил новые, не публиковавшиеся ранее стихотворения, которые предлагаются читателям этого номера.

Как в изобразительном искусстве (в живописи и фотографии), так и в литературном творчестве Марина Богатырева не стремилась к внешнему успеху и популярности, она не спешила ни выставлять, ни выставляться (во всех смыслах этого слова). Ей было гораздо важнее добиться чего-то существенного, настоящего в ее собственном мнении и во мнении тех немногих, чьим знанию и вкусу она доверяла. Отсюда редкое участие художника в выставках и конкурсах, а в сфере поэзии – немногочисленные публикации и редкие публичные выступления. Более того, само наличие у Марины новых стихотворений было известно лишь немногим ее друзьям, родственникам и знакомым.

Марина Богатырева чутко ошущала происходящую смену эпох, отсюда ее настойчивая мысль о необходимости поиска нового в искусстве. Собираение этого «нового» по деталькам, крупичкам, по еще достаточно спорным элементам не устраивало художника: «То, что пятница всякий раз сменяет четверг, как вы говорите, это еще не новое», – заявляла она в ответ на мои «успокоительные» суждения и далее письменно продолжала: «Возможно, если я правильно поняла, это (т.е. *новое* – Н.И.) связано с окончательной невозможностью идентичной «новизны», т.е. такого нового, которое открывалось в другие эпохи, и в изобразительном искусстве касалось формы как визуально воплощенной соотношенности с истиной. А теперь, после формы, когда архив вместил в себя все возможные преценденты такого рода, ничего не остается, как только играть с архивом ... Это есть чисто постмодернистская практика, и на большее претендовать не стоит... Ужасно, ибо не оставляет надежды...»¹

Эту близость с постмодернистской обусловленностью «игры с архивом» («погруженность в постмодернистскую практику») отмечают и специалисты по изобразительному искусству, хотя вовсе без таких пессимистических оценок: «Фантазии Марины Богатыревой это, скорее, свободное постмодернистское курсирование по стилям прошлого и интермедийная игра с художественным временем и фактическим временем произведения».

Но для Марины вечная игра с мотивами прошлого, возмож-

¹ Цитируемые здесь и далее высказывания М.Богатыревой взяты из личной переписки с автором статьи.

ность слыть талантливым архивариусом-интерпретатором была мучительна. Оригинальность и неповторимость были не только ее сознательными требованиями к искусству, но и сутью ее натуры, неумной, глубокой и неуютно ощущавшей себя в любой обусловленности, установленности, заданности. Она искала большую современную мысль, значительную идею, призванную обозначить и выразить какой-то совершенно новый этап или тип искусства, иной подход к художественному творчеству. Такой подход должен был не просто включать в себя новые темы и мысли, но, возможно, быть совершенно иным по жанру, форме, материалу, технической стороне исполнения и т.д. Без этого деятельность художника представлялась ей малоценной и недостаточной (не случайно она всерьез подумывала о приостановке своей художественной практики и уходе на преподавательскую или исследовательскую работу). «Художник вел за собой и открывал новые сущности и формы в эпоху модернизма. Сейчас мы живем в другое время, когда открытие завершилось. Я не надеюсь на новые «измы», понимая, что они невозможны. Единственное, что выпадает на долю современного художника – это играть с дискурсами, предложенными культурологической общественностью и рынком. И если есть мозги, то тонко играть, мистифицируя эту общественность. Философия превратилась в софистику, политика в шоу, любовь в секс и сентиментальность без подвигов. Искусство вибрирует в околософистическом пространстве без собственных прорывов».

Размышления об этом находили отражение и в поэтических произведениях Марины, которые в немалой степени посвящены проблемам изобразительного искусства:

Сказали, что живопись умерла,
Но после смерти опять воскресает.
Сказали, что воскресает опять,
Только теперь уже не такая.
А какая? Теперь, после смерти, какая?
Такая, как триста лет спустя?
Или такая же, как вчера,
Что я видела на подоконнике
Моего знакомого (сумасшедшего) –
Такая же навязчивая.

Настоятельный поиск новой идеи обращал к философии и культурологии, к трудам Хайдеггера, Мамардашвили, Бодрийара, Дерриды, Гройса, Делеза, Фуко, теоретическим работам местных авторов (Ахунов, Усеинов и др.), а в личном творчестве – к экспериментированию и изучению опыта прежних новаторов, уже давно ставших классиками (импрессионисты, представители абстрактного и фигурного экспрессионизма, ташизма, Сальвадор Дали и его последователи), к внимательнейшему исследованию опыта и поиска коллег (см. ее доклад «Современная фотография Узбекистана: ташкентский фотоландшафт»). В интервью и обзорах Марина делает попытку формирования собственного взгляда на современное состояние и перспективы художественного творчества, ибо «саморефлексия становится необходимой, когда завершается определенный этап в развитии искусства». Но все это не удовлетворяло, ибо не давало ответа, вернее – давало ответ отрицательный: «На самом деле ничего не нужно сильно и слишком читать, все понятно... Все – свиток уже существующего».

Марина Богатырева хотела нового в условиях, когда привычное старое мировоззрение было разрушено не новой идеологией (в которой можно было бы искать ростки современного искусства), а распалось само. Найти новое заявленного масштаба и в такой период, когда художественное время еще не прояснилось и не сложилось, а творческое сознание на стыке эпох не пересмыслило с открывшихся позиций даже накопленного, и сделать это почти в одиночку едва ли представлялось возможным. Для Марины же именно это было главной жизненной задачей. Отсюда немало печальных и даже скорбных мотивов в ее поэзии, связанных с темой художника (и шире – человека, пытающегося осознать современный мир):

Хочу писать большие картины,
Хочу писать маленькие картины,
Хочу писать средние картины.
Не знаю, какие картины хочу писать,
Смутно их вижу – ведь живопись умерла!

Тут же немало и саркастических выпадов в адрес представителей так называемого «мэйн-стрима» – законодателей трафаретной художественной моды, которым вся ясно и понятно:

Незримые критики смотрят взглядом орла,
Приготовились прыгнуть.
И сразу: «Не то, не вписались в «мэйнстрим»,
И на стену мы вас не повесим».
Но здесь нет мэйнстрима (о чем мы грустим),

Как безвозвратно канул мир на час
 В немую тень густых переплетений.
 И только ветви за окном на нас
 Еще глядят в неведомом волнении.

(«Как веки наши странно тяжелы...»)

Такие мгновения жизни особенно ценны и значимы для художника, ибо они достигаются его сознанием, «распростертым по вселенной глухим аккордом, // Лишь время от времени обретающим гармонию созвучия» («Воздушный шар солнца...»).

Мотивы жизни и смерти, красоты и безобразия, расцвета и умирания, которых нельзя ни избежать, ни исключить из целостной картины жизни, очень характерны для художественных поисков поэтессы. Не случайны почти анафористические начала целого ряда стихотворений: «Смерть деревьев...», «Смерть попугая...».

Желание видеть «иное», еще не проявившееся в бытии или присутствующее за его пределами, но каким-то образом видимое, рождало зрительные картины, близкие по духу к творениям сюрреалистов (см. «Горло птицы кричит...»).

«Красный пепел дождя», нечто сродни вулканическому пеплу, «серый мрак пространства», «бьющийся дождь» – черты жизненной неуютности – дорогой, но естественной платы за проникновение «в мистику ночи».

Ощущение ограниченности жизненного времени становилось естественным препятствием к постижению высших проявлений жизни, соприкосновения с *особенным*. Смерть, уже не просто как контраст с красотой и полной земного существования, но как препятствие к постижению особенного видения (виденья из пределов жизни, а не загробного существования!), становилась мучительным барьером для лирической героини. Отсюда тема неумоимости и беспощадности времени, которое не просто ограничивает и пресекает жизнь, но не дает дотянуться до заветного, искомого:

Коврик и кухня
 Вареву жизни
 Слепое время
 Трется о ноги
 Старая кошка
 Мягкими лапами
 Забирает время
 Тапочки бантики
 Теплая кухня
 Мягкие лапки
 Вареву жизни
 И после после
 Мягкими лапками
 Время

При всей узнаваемости авторской руки, характерного индивидуального почерка, некоторые стихотворения М. Богатыревой словно написаны в разные поэтические эпохи в русле разных литературных стилей и направлений: «Собака Павлова», «Горло птицы кричит...», «Коврик и кухня...», «Как веки наши странно тяжелы», «Какой-то средней руки поэт...» и др. В них чувствуется персонафицированная трансформация тех самых «измов», которые Марина знала великолепно.

Последние стихотворения Марины, написанные буквально за несколько недель до ее ухода, говорят о том, что до последних пределов своего земного бытия Марина искала новое и настоящее, ее наблюдения над собственным состоянием были опять-таки своеобразным экспериментированием художника на себе самом.

Глаза слипаются, сейчас увижу сон,
 Где белый слон, где красный слон,
 Где синий слон.
 Про изумрудного слона увижу сон.
 В глазах его купаются чинары
 И пальмы всюду с острой листвой.

Во сне все это не надоедает,
 Но мне пора, пора, пора, пора!

Этим продиктованы и трогательные строки уходящего сознания:

И я пишу постскрипtum
 В надежде что-то важное сказать.

(«Жизнь так была тиха...»)

Возможно в стихотворениях Марины Богатыревой есть отдельные неточности, некоторая небрежность, нет «набитой руки», но в предлагаемой статье анализируются неопубликованные произведения, которые, возможно, и не предполагались к печати. Очевидно однако, что поэтессе нельзя отказать в таланте и своеобразии, а экспериментальная направленность ее поэтического дара не может не вызывать интереса.

СЕГОДНЯ Я ПРОСТО СМОТРЮ

ИНСТАЛЛЯЦИЯ

Немного желтой бумаги со шрифтом Брайля,
 Четыре одинаковые фотографии мужского лица
 Одного формата, глянцевые, размытые дождем,
 Усиженные застывшими муравьями.
 Кусок ограды из парка, где ничего не произошло,
 Нога женщины в правом углу листа,
 В левом – ее улыбка, что недавно остыла к желаниям,
 К глухому ропоту сердца. Теперь
 Женщина всегда будет лежать за занавеской.
 Все это сложить немymi слоями,
 Но не комкать, не бросать на пол (дурной вкус),
 Просто перевязать лентой,
 Чтобы можно было смотреть
 С безучастностью, никого не шадящей!

* * *

Горло птицы кричит,
 Стеклами бьется дождь.
 Я не могу разглядеть в сером мраке
 пространства
 Ни одного изображения –

Только красный пепел дождя.
 Еще одно усилие – и дверь
 откроется
 В мистику ночи...

* * *

Как тяжело в городе неслышном
 Идти по мягкой мостовой:
 Подушки-камни чутко дышат,
 А лица мазаны смолой,
 У них нет рта, глаза зашиты,
 А вместо пламенных речей –

Лоскут, и крестиками вышит
 На нем безмолвный муравей.
 Я в этом городе одна,
 Я в этом городе – трава,
 Я дым, я сор, и я не знаю,
 Жива я или не жива...

* * *

Смерть попугая стихийна, тиха, незаметна, –
 Маленькое ослабление маленького тела.
 Трогательная поза: лапки вверх.
 Я уже не могу страдать, но страдать нужно.
 Если не страдать, не очищаться,
 Только бегать по утрам, не есть мучного, мяса – фу! –
 Цивилизованная мастурбация,
 Некуда идти...
 А куда идти? – кругом ограды, искусственные насаждения,
 Насаждения наваждений,
 Наваждения насаждений...
 Поворачивай голову или нет, –
 ничего не случится, не произойдет,
 Все окончательно определено: границы, возможности...
 Вчера я узнала, что так везде.
 Завтра буду пытаться понять все заново.
 Сегодня я просто смотрю.
 Потом этим захочу поделиться,
 Но меня не слушают.

* * *

Воздушный шар солнца горячо дышал посреди дня.
 Я думала, его мысли о хлебе и о вине,
 О тонком злом устье любви, скрывающей свои истоки
 Где-то в извилах припухшей плоти Земли;
 О саднящей ранке сомнения...
 О многом, до чего не дотянулась еще моя мысль,
 Сознание, распростертое по вселенной глухим аккордом,
 Лишь время от времени обретающим гармонию созвучия.

* * *

Стоп кадр: мокрый блеск асфальта, листья,	Сгушается в движенье знаком, длится,
Отмежевавшиеся симулякры страсти,	Слетевшая,
Прилипшие бессильно, нежно	чернеет, покрывает
К его холодной плоти.	Дремучим шорохом пера вот это
Птица,	Осеннее развоплощение чувств.
В своем восторге сонно пребывая,	

* * *

Я видела мальчика с розовым ухом:
 В постели лежал и болел простудой.
 Белела повязка на тоненькой шее,
 И трепетно тени дрожали на стенах,
 Где жили миры в обоях цветочных,
 И взгляд уводили в чертоги странствий.
 А тихий голос хрипел и кашлял,
 Читая томик стихов Петрарки.

* * *

Так медленно струился день,
 Лозою виноградной прорастая.
 Стелился у порога, в двери, окна
 Вползая мягким шелком,
 Мешая с пылью тени и слова.
 Он заполнял собой густую вязь пустот.
 Закрыта дверь, но складки дня вползали

В пустую комнату, где не было меня.
 Где чувства жили сами по себе –
 Любили, ненавидели, боялись,
 Летали птицей,
 жалостным сурком
 По норкам прятались, скрывались...
 И путались клубком воспоминаний.

* * *

Жизнь так была тиха...
 Так шепот листопада
 В немую гладь дороги переходит.
 Так взгляд прохожего из забытья
 уводит
 В густую сеть переплетений зла.
 Так тень твоя вчера еще жила,
 А проходящий день вздыхал и таял,

И пес промокший на какого-то
 лаял,
 Кто проходил неведомо куда.
 Дождь причитал напрасные
 молитвы,
 Водой к воде воды не увидеть.
 Жизнь так была слепа...
 И я пишу постскриптум
 В надежде что-то важное сказать.

* * *

Моя любовь выпрыгнула кошкой
 И теперь трется о чужие ноги.
 Ее то не замечают, то отгоняют,
 А она живая, прыгучая,

Много раз еще прибежит
 То к вам,
 То к вам...

проза

Райские огурцы или соленая конфета любви

Рассказ

*И кто бы мог сказать,
Что жить им так недолго.
Немолчный звон цикад...
Басё, XVII век*

Тимур ГУЛЯМОВ

Родился в г. Ташкенте. Окончил МГИМО. Специалист по международным отношениям. Автор повести «Роднее крови, струящейся в жилах...», опубликованной на страницах журнала «Звезда Востока».

Что ты ищешь? – спрашивает косоглазый Карлос. Слышно, как слепни, облепившие грязную репицу мула, прокусывают толстую кожу. Утреннее мексиканское солнце заливает все вокруг безмолвным спящим светом.

– Пейотерос, – отвечаю я, забираюсь в бричку и усаживаюсь рядом с Карлосом.

Индеец изумленно тарашится, косоглазие медленно стекает из горизонтальной плоскости в вертикальную.

Немного подумав, он выдает мулу пинок, и мы трогаемся в путь.

Вожжей нет. Мул – сын осла – трусит по пустыне сам по себе и тащит бричку в одном ему известном направлении. Через некоторое время к слепням присоединяются шершни и оводы, и кажется, что только их укусы вдохновляют животное, игнорируя безысходность судьбы. Неровные колеса колымаги обуты в облезлые автомобильные шины, но даже сквозь них каждый степной камушек отчетливо информирует о себе мой копчик.

– У меня есть травка, – сообщает Карлос и протягивает мне литровую бутылку с мутной жижей, плещущейся на дне.

Трясаясь в бричке, держу за горлышко нагретую на солнце-пеке бутылку и смотрю, как Карлос шарит у себя в штанах. Эта помесь кальсон и шаровар бурого, местами коричневого цвета наводит на мысль о том, что индеец иногда испражняется не только не покидая брички, но и не снимая своих штанов.

Наконец, откуда-то из-под ширинки, Карлос извлекает маленький зеленый лимон. В заскорузлых ручищах индейца лимон выглядит словно прекрасное насекомое, притаившееся перед смертью.

Карлос отбирает у меня бутылку и, запрокинув ее, с шумом высасывает почти всю жидкость. Затем, рокочуще отрыгнув, он двумя пальцами давит лимон, мажет соком коричневую от грязи тыльную сторону ладони и смачно ее облизывает.

Наверное, это была текила... – лениво думаю про себя.

Полуденное марево и однообразный пустынный ландшафт вокруг вздрагивающей телеги навевают непреодолимую дремоту. Я почти засыпаю, когда бричка вдруг останавливается.

– Это там... – Карлос машет рукой по направлению к куче хлама, виднеющейся в полукилометре от остановившейся телеги. На мой вопросительный взгляд он отвечает: «Туда не поеду; у них ножи и пистолеты». Чтобы придать мне решимости остаться, наконец, телегу добавляет: «Приеду завтра».

Выпрыгиваю из телеги и, не оборачиваясь, шагаю прочь. Слышно, как мул, получив очередное указание в форме пинка, тащит бричку дальше.

Груда мусора по мере моего приближения превращается в скопище развалюх, покосившиеся стенки которых кое-как сшиты фанерой.

Подойдя к некоему подобию двери бидонвиля, я прислушиваюсь. Из-за двери доносится невнятное бормотание.

Подумав немного, толкаю дверь и, зажмурившись, вбегаю в темноту с криком: «Не стреляйте! Я доктор из Москвы!».

Проходит две секунды, выстрелов нет, и я открываю глаза.

На полу этого хлева... нет, скорее курятника, в полумраке валяются человеческие тени.

Постояв молча еще минуту и попривыкнув к темени, вижу дохлую крысу, лежащую на земляном полу лапами вверх. У мертвого зверя неестественной длины хвост. Рядом валяется глиняная плошка, наподобие собачьей, в землю упирается острием исполинский мачете, прислоненный к фанерной стенке. Смерть и жизнь замирают, изучая меня.

Одна из теней становится на карачки и, вытянув трубочкой губы в мою сторону, начинает свистеть.

Передо мной стоит миниатюрный постаревший и ослабленный кентавр, молящий о пощаде, ... или это мужчина?.. космы грязных, спутанных волос... облачен в какие-то рубиша, прилипшие к телу, разодранные по швам.

Но, присмотревшись, я начинаю различать: то вовсе не лоскуты ткани, а струнья слезшей с тела кожи.

Резко отпрянув от него, я почти кричу: «Пейотль!»

Взъерошенная тень, как мне кажется, ошарашено замолкает, делает подобие книксена и переходит на дрянной испанский язык.

Тут я начинаю понимать: то вовсе не свист, а, скорее всего, диалект местных индейцев. «Вряд ли, – мелькает у меня мысль, – этот говор известен даже самым маститым из филологов Мексики».

«Por dinero... por dinero...» – вершит облезлое существо, и я протягиваю ему купюру достоинством в пятьдесят песет. Жадно схватив банкноту и удостоверившись в том, что это действительно деньги, урод новыми глазами взглядывает на меня, начинает часто тыкать пальцем себе в пах и даже выпускает наружу, сколько мне видно, свой детородный член. При этом он, обращаясь ко мне, непрерывно что-то бубнит себе под нос.

Я долго вслушиваюсь в испаноязычную тарабаршину этой вдруг ожившей твари и скорее догадываюсь, нежели понимаю, что мне для обретения вожделенного пейотля следует для начала выйти в дверь, в которую я, давеча, столь стремительно ворвался. Далее обогнуть угол *la casa* (бедный индеец называет свою халупу «*la casa*») и поискать в огороде. Или в саду. «Huerto» – по-испански означает огород, но индеец также говорит что-то о «*tabernculos*», – а это уже райские сады...

Выхожу в дверь, огибаю *el tugurio de nombre la casa* и оказываюсь на свалке дерьма.

Это именно свалка говна: экскременты разных животных кучкуются вперемежку с людским калом. Обширные застывшие озерца почти слоновьих по размеру коровьих лепешек; россыпи нута – бараньих катышей; отдельно высятся ряды аккуратных, художественно выполненных, собачьих горок. Судя по цвету и неоформленности людского кала, кишечный тракт и желудки его производителей не вполне здоровы.

В самой середине «сада» из земли растет пейотль. Он стелется среди навоза, похожий на морской огурец.

Да, все как мне рассказывали в Тарахумаре: род кактуса – голого, без колючек, весьма странного вида, чем-то напоминает огурцы. Растение походит на бахчевой овощ, стоящий на попа прямо на земле, в моем случае на фекалиях. Соединено с собратьями длинной плодоножкой. Поперечные полосы фишашкового цвета на боках сменяются светло-фиолетовыми разводами. Противоположная черенку головка каждого из «огурцов» увенчана нежнейшим цветком о двух лепестках светло-желтого оттенка. Если отвлечься от цветка, пейотль и впрямь можно, я это теперь понимаю, уподобить пенису индейца. «Так вот почему доходяга торкал себя в пах» – думаю я о давешнем информаторе, все же указавшем мне месторождение пейотля.

Высоко поднимая ноги и стараясь не проваливаться очень глубоко, двигаюсь к цели моих метаний по долине Чихуахуа. Согнувшись над кактусом, я уже готов сорвать его, как вдруг явственный толчок интуиции в зрительный нерв обращает мой взор к другому огурчику, скромно распластавшемуся поодаль от основной бахчи.

Огурчик выглядывает из-под, судя по объему, верблюжьей пирамиды и увенчан не желтым, а ярко пунцовым цветком...

Совершив два хлюпающих шага, я срываю огурец и несу его в la casa.

Когда вновь, теперь уже спокойно отогнув кусок фанеры, я вхожу внутрь лачуги, в ее интерьере обнаруживаются некоторые перемены.

Мертвая крыса, правда, все также валяется лапами вверх, но человекообразные тени на полу, род занятий которых мне теперь, по крайней мере, известен, переместились, это видно, ближе к косматому индейцу – недавнему моему собеседнику, – который, в свою очередь, ныне восседает посреди халупы в позе лотоса, не касаясь, однако, пола своей задницей. Мачете теперь лежит плашмя на полу подле индейца. Показавшаяся мне ранее глиняная миска, будучи оббита от грязи, налипшей на нее, оказывается деревянной. Теперь площадка находится между раздвинутых ног индейца, прямо под мотней его драных штанов. Кажется, индеец произвел над собой некий туалет: скорее всего, провел разок ладонью по вихрам своей головы.

Я протягиваю ему пейотль, он принимает огурец и чистым, очень звучным голосом возвещает: «Меня зовут Мендоза». Никакого акцента нет и в помине. Лежачие тени шевелятся и еще ближе подползают к главарю пейотерос, как бы приноживаясь к чему-то...

То, что происходит дальше, очень смазано запечатлелось в моей памяти. Наверное, сказываются нервное напряжение последних дней, сумбурные поначалу поиски пейотля, опросы множества людей и нелюдей, выведшие меня, в конце концов, к косому Карлосу; продолжающаяся неизвестность результатов этих усилий... я вдруг чувствую, что обливаюсь холодным потом так, что капельки скатываются с кончиков пальцев рук; ноги вмиг становятся ватными, темнеет в глазах и звенит в ушах. Невольно присев на пол, я приклоняюсь к чему-то у себя за спиной и впадаю в забытие...

Прихожу в себя оттого, что некто пытается засунуть мне что-то в рот.

Открыв глаза, вижу индейца, присевшего передо мной, назвавшегося – помню это вкупе с его звучным голосом – Мендозой. Не раздумывая, отталкиваю его руку и только потом вижу, что он держит перед моим носом деревянную тарелку с какими-то кругляшками.

Немного отдышавшись, прошу у Мендозы воды.

Густые сумерки указывают на то, что давно наступил вечер. Возле главаря индейцев стоит площадка, а в ней горит лучина. Не свеча, не фитиль, питаемый маслом, а именно, судя по потрескиванию и исторгаемому чаду, настоящая сухая лучина. Один из призраков, которому Мендоза что-то просвистел, довольно проворно ползет в нашу сторону и, не вставая с карачек, подает мне... граненый стакан. Двухдневная жажда заставляет меня залпом проглотить мутную солоноватую жидкость, не вникая, была ли то вода.

Повертев в руке столь известный мне по жизни на другой планете предмет, поднимаю глаза на Мендозу. Приосанившийся индеец сидит передо мной на мусульманский манер, сложив под собой ноги с деревянной тарелочкой на чреслах.

«Эти кругляки в тарелке, – думаю я, – и есть нарезанный и приготовленный пейотль. Наконец-то. In peyote veritas?»

Протягиваю руку к тарелочке, беру одно из колесиков и кладу себе в рот. Со стороны, наверное, кажется, что я, запустив руку в штаны Мендозы, выуживаю оттуда что-то для себя.

«Жевать или не жевать?» – размышляю я.

Прожевав шайбообразное тельце пейотля, горькое, как и все мексиканское, глотаю мезгу.

После второй шайбочки дар зрения перемещается в рот. Не тщательно разжеванный кругляшек огурца превращается в глаз. Вижу постепенно смешивающиеся вверх гладкие стенки пищевода. Желудок оказывается совершенно необъятным по размеру местом, поэтому, очутившись в кишках, «глаз» ошущает себя много комфортнее. Путешествуя по собственным кишкам, вижу так называемые «карманы», заполненные затвердевшими массами. «Так вот зачем нужна колонотерапия!» – осеняет меня. Вновь открывшееся, благодаря пейотлю, интроспективное зрение импонирует мне еще и возможностями ранней диагностики: в самом конце прямой кишки, в преддверии ануса, я вижу красноватые прожилки и узелки – предвестники будущего геморроя.

Выпав из ануса, «глаз» обнаруживает вокруг себя яркий солнечный день, и я вновь становлюсь самим собой, но уже без тела. Вернее моя телесная ипостась теперь состоит из песчинок. Голова, шея, руки, грудь, туловище – все состоит из песка. Между песчинками имеется микроскопическое, но строго фиксированное расстояние. Сила, держа-

действию, поспособствовавшему моему знакомству с пейотлем.

Как ни странно, но по мере нашего продвижения вперед, стенки грота расширяются, дышать становится легче, а слабый свет заметный еще при входе в пещеру усиливается. Наконец мы вываливаемся в обширную яму прямоугольной формы.

Едва оказавшись в яме, Карлос, ссутулившись, ковыляет в дальний от входа угол, встает на четвереньки и исчезает в оказавшемся там небольшом лазу.

Подивившись такой проворности индейца, осматриваюсь вокруг.

Большая сторона прямоугольника составляет метров восемь. В яме можно выпрямиться во весь рост, и тогда в двух-трех сантиметрах над головой обнаруживаются жердочки и ветви, крестообразно наброшенные на рытвину. По импровизированному черному потолку небрежно, там и сям, разбросаны большие листья лопухов, приобретшие от времени оттенок табачного цвета. В яме, как и в обиталище Мендозы и Ко, царит полумрак. Дневному свету, чтобы проникнуть сюда, следует найти зазор между листьями.

Осмотревшись еще раз, понимаю, что нахожусь в настоящей кумирне пейотистов. На земляном полу валяется вся атрибутика адептов этого верования: погремушки из тыквы-горлянки, веера из птичьих перьев, свистульки, сделанные, как утверждают, из костей орла. В дальнем от входа углу ямы разведен ритуальный костер из кедровых благовоний в форме прямого угла.

О том, что пейотисты придают большое значение воскурению благовоний, я знаю из литературы. Но различать ароматы, равно как и зловоние, не могу. Обоняние полностью атрофировано допейотльским периодом моей жизни.

В довершение интерьера ямы в противоположном к костру углу лежит водяной барабан, возле которого и находится лаз, куда скрылся Карлос.

В ожидании Карлоса приседаю на корточки, не отходя от входа в яму и не спуская глаз с лаза, где исчез индеец.

Через некоторое время из лаза, пятясь задом, на четвереньках, выползает некая фигура.

Фигура выпрямляется, поворачивается ко мне, и, несмотря на скудное освещение, вижу, что это мужчина средних лет, низкого роста, правильного телосложения. У него неожиданно кудрявая голова, но взгляд неприятен: на вас по рыби холодно, не мигая, визируют глаза навывкате, ввернутые в как бы медное лицо.

Затем в дыре показываются подошвы ног, и в яму, пятясь задом, выползает Карлос. За собой он выволакивает из лаза, как мне тогда показалось, большую коробку из-под туфель.

На коробке навзничь, свесив ноги и голову, лежит до неприличия раскормленный ребенок. Приподнявшись с земли и зачем-то отряхнувшись, Карлос бросает на меня быстрый взгляд и начинает пересвистываться о чем-то со своим, как я понимаю, кумпадре. При этом оба исподлобья бросают на меня хмурые взгляды.

«Надо будет, – думаю я, – спросить позже у Карлоса, какое такое племя говорит, ... вернее свистит на этом языке».

Я гляжу на посвистывающего Карлоса и ясно вижу, что в нем, как и в Мендозе, проявляются черты изможденного, измотанного жизненными невзгодами кентавра. Только это косоглазый кентавр...

Оба индейца поворачиваются ко мне. Я подхожу к ним и замечаю, что мужчины морщатся. Наверное, из-за смрада, которым должно быть полна яма.

– Мальчик не может стоять, говорить, ходить... – морщась и указывая на ребенка пальцем, обращается ко мне Карлос. – Только лежать.

Родственники расступаются.

Совершенно голый мальчик трехлетнего возраста лежит, свесив ноги и запрокинув голову, в маленькой колыбельке, которую я сначала принял за коробку из-под туфель. Ребенок вовсе не раскормлен, он болезненно распух.

Из бессвязного рассказа Карлоса, который, не заботясь о доступности изложения, перемежает испанские слова с пересвистом скорее всего следует, что сразу после рождения мальчик был водворен в пресловутую люльку, рос в ней, перерос ее, редко открывал глаза, не выражал никаких эмоций и ни разу не пошевелился. Почему-то Карлос считает нужным отметить, что теперь за ребенком убирает некая Алена. Так, по крайней мере, он произносит ее имя. Может быть, он говорит о мужчине?

Присев перед мальчиком на корточки, я беру его за руку. Пульс не прощупывается. Даже нитевидный. Но ребенок несомненно жив – рука теплая. Про себя диагностирую водянку.

Из-под полы шляпы вытягиваю шесть длинных полых иголок для акупунктуры, которые повсюду ношу с собой.

Две иголки ввожу ребенку в пах. Еще две – в подмышки обеих рук. Предпоследнюю, из двух оставшихся иголок, я втыкаю под кончик носа мальчика, прямо между ноздрями. И, наконец, последняя иголка глубоко вкалывается под нижнюю губу несовершеннолетнего пациента, чуть выше ямочки на его подбородке.

К иглокалыванию мальчик остается совершенно безучастным, как если бы манипуляции производились не с ним, а с тряпочной куклой, лежащей рядом.

С трудом распрямив мгновенно затекшие ноги, не глядя на индейцев, произношу в их сторону: «*Quince minutos de paciencia, por favor*».

Затем подхожу к ближайшему краю ямы, раздвигаю жердочки у себя над головой, провоцируя при этом дождь из пыли и засохших листьев лопуха, подпрыгиваю, подтягиваюсь и оказываюсь на поверхности земли.

Оказывается рытвина примыкает к небольшой ложинке, невидимой из-за холмика с той стороны, откуда мы прибыли с Карлосом, и где остался стоять нераспряженный мул.

Осмотревшись, отмечаю про себя, что в ложине относительное, видно, из-за близко подошедших к поверхности грунтовых вод, изобилие травы и пустынной растительности.

Блаженно растягиваюсь в тени оказавшегося рядом огромного куста американского алоэ. Мясистые листья растения надо мной как будто полны влаги. Хочется сорвать их, размять в руке, наполнить ими рот, разжевать...

«Если листья не очень горькие...» – додумать мысль до конца не позволяет шум, доносившийся со стороны ямы.

Все ветви и жердочки, уложенные друг на друга и составляющие несущую конструкцию для листьев крыши над рытвиной, в мгновение ока обваливаются вниз вместе со всеми лопухами. Над краем ямы появляются последовательно макушка с прилизанным чубчиком, косые глаза, а затем и рот Карлоса, растянутый в широченную, от уха до уха, улыбку.

С ловкостью обезьяны индеец выскакивает из ямы, подбегает ко мне и начинает исполнять замысловатый танец со множеством восклицаний, неприличных жестов и междометий. Счастливый видя, узревший исцеление любимого племянника!

«Если мальчик не бегаёт по дну ямы, – думаю я, – он уж точно не лежит, а, по крайней мере, сидит в своей люльке».

Я встаю с земли, намереваясь уйти, так как считаю оконченной свою миссию эскулапа. Разумеется, я не собираюсь посвящать Карлоса в то, что для полного излечения больного необходим хотя бы двенадцатидневный курс иглокалывания.

Увидев, что я встаю, Карлос тотчас перестает кривляться, приближается ко мне и укоряющим, чтобы не сказать угрожающим, тоном начинает быстро выговаривать одно только слово: «*Fiesta! Fiesta! Fiesta! Fiesta!*».

«Да какая фиеста?!» – восклицаю я по-русски. Будто поняв меня, Карлос улыбается, разводит руки в стороны, очерчивает ими в воздухе два полукружья и затем, как бы в исходе закрыв глаза, утыкается носом в самый центр воображаемой фигуры.

Полукружья, очерченные в воздухе, коль скоро автором выступает косоглазый Карлос, несомненно, символизируют аппетитную, по мнению художника, сдобу женских ягод. Должно быть, индеец по-своему желает отблагодарить меня за чудесное, как он думает, исцеление племянника.

«Фиеста, так фиеста» – думаю я и начинаю искать под кустом алоэ, желая набрать охапку листьев мулу на пропитание.

Карлос тянет меня за рукав по направлению к яме, но я жестами показываю ему, что намерен пройти до холмика поверху, не спускаясь в пещеру. Слишком хорошо знаю, сколько мочи отходит от больного водянойкой в начале лечения.

Некоторое время индеец тупо смотрит себе под ноги. Насупившись и отводя взгляд, он демонстрирует свое непонимание и неодобрение моего нежелания спускаться с ним в яму. С таким же успехом он мог бы глядеть мне прямо в глаза – обращенный к собеседнику косой взгляд всегда бывает исполнен осуждения; нелегко читать мысли человека, отмеченного косоглазием.

Спустя минуту, будто вспомнив что-то, быстро жестикулируя (взаимно не удовлетворенные нашим знанием испанского языка, мы незаметно для самих себя переходим к использованию первой сигнальной системы общения, выработанной человечеством), он дает понять, что будет ждать меня около мула. С тем и прыгивает в яму.

Желание обеспечить мула провиантом быстро испаряется. Листья алоэ, скорее всего, будут горчить, да и ведомо ли мулу чувство благодарности? Почему мула Карлоса должен кормить я? Может быть, на фиесте перепадет еды и нам, и мулу? Словом, в очередной раз

мне удастся подавить в себе неведомо откуда берущиеся импульсы к сотворению того, что принято величать «добрыми поступками».

Кстати, отсутствие у меня лично чувства голода и чувства обоняния, сопровождающие меня в моих скитаниях по американскому континенту, воспринимается мною как благо: многими заботами меньше...

Когда я подхожу к мулу, Карлос, нетерпеливо ерзая, уже сидит в телеге.

Вскочив в бричку и усевшись на узкую скамеечку, я ожидаю вновь увидеть штурманский пинок Карлоса. Вместо этого, мгновенно успокоившийся индеец с нежностью, как мне кажется, похлопывает своего мула ладонью по грязному крупу, поднимая при этом облако пыли и распугивая каких-то насекомых. Явно не привыкший к такому обращению мул, пускается в путь, прядая в задумчивости ушами и как-то церемонно забирая ногами влево... Видно, нам предстоит не совсем обычный маршрут.

Теперь уже без спроса я хватаю давешнюю бутылку Карлоса, пьяно катающуюся по дощатому дну брички, откупориваю и опрокидываю в себя не менее трехсот граммов маслянистой горячей, словно кипяток, жидкости терпкого сивушного (разумеется, предположительно) духа. Если это текила, то, конечно, самого низкопробного сорта.

Следящий за мной боковым зрением Карлос сует руку себе в ширинку и ловким движением фокусника подает мне на закуску лимончик зеленого цвета.

«Однако – думаю я, – ширинка этого парня полна лимончиков...»

Проходит немного времени. Мул, а за ним и бричка с Карлосом и мною, не спеша пробирается среди чахлой растительности, и вот, посреди раскаленной мексиканской пустыни подобно тому, как это не раз бывало в Москве, на снежных просторах России, в Чимгане, отрогах Тянь-Шаня, в Крыму, – везде, где я искал смысл жизни и, не находя его, откупоривал бутылку вина или водки, по жилам разливается блаженное чувство опьянения...

«Прав Шекспир, – думается мне, когда я вновь прикладываюсь к бутылке Карлоса, – ... мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться...»

Лежу на дне маленькой брички, водрузив сложенные ноги на беспокойно двигающийся круп мула. Совсем близко спиной ко мне сидит Карлос, свесив ноги с облучки. Время от времени мы попеременно то плачем, то смеемся, потому что недавно доукурли самокрутку из травки, упомянутой на первой странице этой правдивой повести...

Чтобы не разбить голову о дико дергающиеся бока брички, иной подставки для головы в бричке нет, подкладываю шляпу.

Лежу трясясь и ожидая момента, описанного Набоковым в «Лолите», когда алкоголь, сдобренный понюшкой *sannabis vulgaris*, надежно разворочит центр удовольствия в мозгах, и реальность этого мира будет благополучно отменена.

Это ли не цель, о которой одно время рассуждал Гамлет? Желанная? Улететь? Забыться?

Какая разница, что делать в этом мире? Читать ли книгу, целовать девушку, пить водку, смотреть в микроскоп, смотреть в телескоп, рожать, принимать роды, летать, плавать или спать? Какая разница, с кем спать? С мужчиной или женщиной? Какая разница? Если итог известен заранее... Если экзистенциалисты и Сирин уверенно предрекают: из тьмы будущего с каждым сердцебиением ближе нам становится только о д и н предмет, в самодовольной косности своей схожий с колыбелью, – гроб.

Зачем я здесь? Ищу кактус? Пейотль? Прибыл для общения с Мендозой?

Я любви ишу....

А что есть любовь? Где ее источник? В сердце моем? Там пусто, это всегдашнее мое ощущение...

Любовью одаривает Бог? Тогда причем здесь я? Я готов нести по жизни равно и дар, и проклятие. Но где они? Не обоняю...

По своему обыкновению неожиданно останавливается бричка Карлоса. Я тотчас пользуюсь этим и ныряю в забытье.

Кошмарное удушливое забытье.... По пустыне текут реки крови, я лежу на резиновом плотике на берегу кровавой пузырящейся реки, повсюду прыгают рогатые жабы, бухается о землю и высоко вверх подлетает, словно мяч, больной водянойкой мальчик, подкрававшийся Карлос вытаскивает у меня из шляпы пятьдесят песет, девушка с клоунской шапчонкой на голове весело говорит о том, что ее зовут Наташей, я пытаюсь спустить воду в унитазе, но сколько ни дергаю за цепочку, воды нет, от иссиня-черных, цвета вороньего крыла, волос девушки исходит запах прогорклого кислого молока ...

И тут кто-то сует мне в рот кусок стекла.

Мгновенно очнувшись от забытья, но не открывая глаз я языком выталкиваю стекло изо рта...

Осторожно открыв глаза вижу, что сверху на меня, улыбаясь, с добрым выражением лица смотрит Наташа – девушка моего сна. Она, подогнув ноги, сидит у моего изголовья, я же лежу навзничь прямо на земле.

Почмокав губами, несколько раз открыв и закрыв глаза, провожу рукой по шее. Сильно болит голова, мучительно хочется пить, – во рту почему-то сладкий мятный привкус. С трудом подтягиваю ноги в перепачканных пылью и жухлой травой джинсах и кряхтя, опираясь на руку, усаживаюсь на земле напротив девушки.

Оглядываюсь. Стоят светлые сумерки. На девушке выдавшее виды пончо, на голове маленькая нефункциональная шляпка из тех, что носят жительницы боливийских высокогорий. Она все время улыбается.

Ищу глазами Карлоса.

Метрах в двадцати от места, где я сижу на земле с девушкой, на небольшом пригорке на фоне вечернего светлого неба отчетливо виден мул с понуро опущенной головой, упирающийся расставленными ногами в землю всякий раз при напоре сзади. Ввалившись бока скотины жадно обхватывает своими оглоблями прильнувшая к мулу бречка, о которую еще недавно нещадно колотилась моя голова, за нее теперь держится руками полусогнутая девушка. Карлос пристроился к ней сзади...

Я медленно откидываюсь назад, отворачиваюсь, как бы выискивая что-то позади себя, и вдруг резко, подавшись всем корпусом вперед, изо всех сил бью Наташу кулаком в лицо. Она молча, не отводя от меня взгляда, валится на землю. Будто в замедленном фильме вижу, как меркнет улыбка на ее лице, взор становится грустным и удивленным.

Тогда, вскочив на ноги, я своими острыми техасскими сапогами начинаю пинать ее по этим удивленным и одновременно скорбным глазам, стараясь объяснить ей, избыть из нее это ожидание любви и ласки от окружающих людей, от первого встречного... «Только мать! – задыхаюсь я, работая ногами, – только мать любит своего сына бескорыстно, понимаешь?»

Задыхаясь, останавливаюсь перевести дух. Лицо девушки теперь представляет собой месиво из грязи, крови и слез. Она не рыдает, только всхлипывает, отирая слезы детскими кулачками и перекладывая что-то из руки в руку.

Полагая, что она украла из моей шляпы пятьдесят песет, я, стоя на коленях, хватаю ее за руку и вырываю из ее пальцев ... голубой леденец с налипшими на него волосками.

«Так вот что девочка протолкнула мне в рот, пока я спал. – Думаю я, рассматривая леденец. – Леденец. Хотела, чтобы мне было сладко...»

Встаю. Поворачиваюсь спиной к девочке, к мулу, к Карлосу, к Мексике, к планете Земля. Не оборачиваясь, будто выполняя условия сказки, ухожу от них. Разумеется, в никуда. Какая разница? Ведь рождению человека предшествует такая же черная вечность, как и та, что пребудет после его смерти. Отчего же первой черноты мы страшимся меньше, нежели второй?

Иду по пустыне. Желая сладкого, сую в рот леденец, отобранный у девочки. Конфета оказывается соленой. Наверное, из-за девичьей крови и девичьих слез. «Вот он истинный вкус любви!» – думаю я, и в тот же миг лопаются зубы и кости. Грандиозный, ни с чем не сравнимый стонущий скрежет ниспадает с зияющих космических высот, обнимает меня, Наташу, Карлоса, мула, всю Вселенную.

То – рык и хохот шикад, превратившихся в Железную Саранчу.

ТАШКЕНТСКИЕ ЭТЮДЫ

(Повествование в картинках)

Пролог

Есть города, чей колорит, чье очарование настолько необычны, настолько ярки и особенны, что знакомы даже тем, кто никогда в них не бывал.

Таков Париж – потому что Эйфелева башня, Монмартр, импрессионисты, шансон, не тот который имени Шафутинского, а настоящий, французский...

Рим – потому что Колизей, римский папа и вообще Вечный город...

Санкт-Петербург – Медный всадник, Эрмитаж, мосты и белые ночи...

Нью-Йорк с его небоскребами и предпринимательской мощью...

Одесса с Привозом, Дерибасовской и анекдотами...

В конце каждого ряда многозначие, потому что ряды эти можно (и должно!) продолжать и продолжать. Причем для этого, совсем необязательно быть лично-непосредственно знакомым с названными городами.

Ташкент, город, в котором я живу, тоже имеет свои устойчивые ассоциации. Самая известная: «Ташкент – город хлебный». Жара, пожалуй, в значительной степени «ташкентское» понятие. Но он ведь много разнообразней! Он не похож ни на что другое. И мне кажется, что люди творческие, которые собственно и формируют образы городов, в долгу перед ним.

Надеюсь, что этот сборник коротких историй и зарисовок, нечто вроде повести в картинках, расширит представление о МОЕМ городе у тех, кто в нем никогда не был.

А тем, кто здесь побывал, может быть, послужит поводом для размышлений и воспоминаний.

Глава первая.

Город

Рано. На блеклом небе справа еще видна луна, а слева уже солнце. И то и другое четкое до деталей. Нигде я больше такого не видел. И чимганские горы, словно в сотне метров.

«Ожидается солнечная погода, легкая облачность без осадков...»

Я иду по городу, слушаю его, вдыхаю его запахи и пробую его на ощупь.

Из рации ГАИшника, стоящего на обочине, доносится что-то вроде:

**Александр
МАХНЕВ**

Родился в 1964 г. на Дальнем Востоке.

Пишет с начала девяностых годов.

Публиковался в журналах и литературных сборниках Узбекистана, Украины, Греции, Германии, России, Казахстана, Израиля. Автор более трехсот миниатюр, двадцати рассказов... Живет в Ташкенте.

– Первый, первый я второй, отъем!

Истерический визг внезапно затормозившей легковушки. Маленький золотисто-коричневый автомобиль «Тико» похож на цыпленка табака. Из него выбирается весьма объемный водитель и говорит инспектору: Салам аллеюкум, ака (*здравствуйте*). Рукопожатие. Кечирасиз, ака (*извините*)...

Ворчливо дребезжат трамваи. Уже полно народу, и он все прибывает, заполняя улицы. Солнечные зайчики рассыпались по фасадам, витринам темного стекла, зеленым муравейникам кустов и деревьев, телам людей и машин. Заглянули на задние дворики, побежали по серебряным куполам мечетей, золотым крестам православной церкви, огненной меди католического костела. Легкие перистые облака ободрали перышки о шпиль телебашни.

А внизу колготится народ. В кафешках ошпазы (*специалисты по приготовлению плова*) раскошегаривают огонь под тяжелыми черными казанами. Торговцы «в разнос», вращаясь, на манер муэдзинов, зазывающих на молитву, выводят: Ка-а-р-р-ртошья, люк, марковья бо-о-ор! Малина, ябляка есть Кисьлий – свежий маляко, каймок!».

Кто-то терпеливо ждет общественного транспорта, кто-то небрежно ловит такси...

Город вступает в новый день.

Базары шумят и суетятся. На тряпочном вам все расскажут о товарах. Польстят: разбираетесь в качестве. Сообщат, что скупой платит дважды и просит не гоняться за дешевой.

А на продуктовом! Дунганская редиска, чиназская рыба, сурхандарьинские яблоки, паркентская картошка. Плюс мандарины из Грузии, бананы из Эквадора и прочее, прочее...

– Почему ваши персики?

– Шесть.

– Дорого – говорит покупатель и делает попытку уйти.

Продавец, хватая за рукав:

– Пять, брат!

Покупатель уходит.

– Эй брат четыре, дешевле даю! – и уже вслед удаляющемуся кричит – майли ака (*ладно*), две с половиной будет!

Тут же поесть. Армянский чалагач, корейский суп кук-си, русские пельмени... А как вам понравится грузинский ресторан в узбекском городе с названием написанным латинскими буквами в русской транскрипции? С ошибками конечно. Поесть здесь любят, и готовить умеют.

Да здесь и названия географические под стать всем этим съедобностям. Такие же пряные и ароматные – Сагбан и Лабзак, Чорсу и Бодомзор, Домробад и Дархан...

Вот ряд коммерческих заведений. Адвокатская контора с несколько двусмысленным названием «Галеры». Нечто медицинское с жизнерадостной надписью над входом «Безболезненное лечение. Рвем зубы, протыкаем уши, режем, долбим, зашиваем».

Барахолки. Конечно, лукавы и изобретательны. Такое можно встретить! Горн конницы товарища Буденного, потерявший голос на фронтах гражданской войны, баранья челюсть слегка подработанная напильником и выдаваемая за акулю. Шеренга медных подстаканников, успешно пережившая своих более хрупких партнеров.

Обломки чих-то жизни, остатки чих-то увлечений.

– Что ты мне говоришь четыреста, когда я сказал окончательную, нормальную цену тысячу двести и меньше чем за шестьсот не отдам, потому что мне нет смысла.

Где-то вдали ухающая сирена пожарной машины. Рядом: Закрыт сомса бо-о-о-р! Сбоку: Девушка с севера.... Круто ты попал на Тиви ты звезда... Келинь, ака, мархамат (*заходи брат, пожалуйста*), дешевле даю...

Попытка познакомиться на улице.

– Девушка!

– Отвали.

– Вы меня неправильно поняли я не с целью ... отношений, вы мне как человек понравились.

– Тем более отвали.

Мерный стук ударного инструмента и скрежет металла об асфальт. Это кувалда и лопата. Кто-то строится. В таблице предпочтений строительство стоит сразу после еды и торговли.

А пахнет-то как! Свежей зеленью с едва уловимым, больше воображаемым горькова-

тым привкусом арчи, азиатского можжевельника. Амбре цветущего урюка. Одурающие ароматы горячего хлеба и шашлыков настигнут вас всюду, не оставив никаких шансов равнодушию. И еще дымный дух сухой травы «исрык» (говорят от сглаза).

Дело к вечеру. По серому еще не пыльному асфальту, по мягким травяным коврам с желтыми кляксами одуванчиков, по недавно появившейся брусчатке цокают элегантные туфельки на каблучках, уверенно ступают ботинки, не спеша шаркают калоши. Разбредаются по своим надобностям городской люд.

Вот уже и смеркается. На фиолетовом теперь небе алое солнце с ореолом цвета краплак. Но город не замирает, он только перемешается в чайханы, кафе, зеленые дворики, пивные и закусовые, что бы остыть от дневной жары. Благоухание шашлыков делается еще интенсивнее. Хотя, казалось бы, куда еще? И новый запах прибавляется – запах прохлады.

Нет, конечно, мне не все нравится в этом городе, но все любопытно. Любопытны люди, которые здесь живут. Даже те, от которых мне что-нибудь нужно.

Все что здесь хорошо – наше, и все, что здесь нехорошо – наше, и нам никуда от этого не деться.

Несколько почти лирических приложений к главе первой.

№ 1. Торговля как искусство.

В некоторых городах, я слышал, торговаться на базаре дурной тон. В Ташкенте напротив, торговля – необходимая и даже обязательная прелюдия к акту покупки. Больше того: продавцы на ташкентских базарах покупателей не торгующихся, конечно, любят, дело понятное, но все-таки немного не уважают.

Чтобы выбрать хороший арбуз, его надо приложить к уху и постучать. У спелого звук глубокий и звонкий. Мой товариш музыкант, и потому прослушивает арбузы особенно. И стучит как-то необыкновенно элегантно. Его длинные пальцы барабанят по полосато-зеленым бокам как по черно-белым клавишам «Стейнвея». А лицо внимательное, сосредоточенное, как у опытного настройщика.

Продавец, седобородый шоколаднолицый бабай¹, некоторое время косится на привередливого покупателя, но в итоге не выдерживает: Какой ноту ищешь?

– Си-бемоль мажор, отец – шутит мой друг, не отрываясь от своего занятия.

Дед кряхтя тянется за арбузом и, подавая, говорит:

– Мана ака, вот хороший сибамо. Сладкий как сахар.

Миша, так зовут моего товарища, принимает блестящего красавца, прикладывает к уху, простукивает:

– Хороший. Три тысячи пятьсот будет?

– Зачем три пятьсот, – кипит дед – слушай звук какой, пять!

– Майли ака, – примирительно завершает Миша – четыре, больше не дам. И тут же добавляет: Сам послушай, на пять не звучит.

– Эээ... бери, – соглашается продавец и оба довольные друг другом расстаются.

№ 2. Драматургия.

За спиной одного из торгующих на барахолке огромная груда металлическогохлама. Хозяин оттуда периодически что-то выуживает и, придав ржавой железке с помощью абразивной шкурки и керосина некое подобие презентабельности, укладывает ее перед собой – «на витрину». А там уже лежат... в том числе и книги. Тоже изрядно потрепанные, будто вытянутые из той же железной кучи.

Между прочих фадеевский «Разгром».

№ 3. Заботы.

Элитные дома в городе обычно плотно, со всех сторон, облеплены многочисленными адвокатскими и нотариальными конторами, где предлагается и такая загадочная для меня услуга как «легализация», центрами обучения иностранным языкам и оформления выездов за рубеж. Разумеется супермаркеты, бутики и (вот это уж безо всяких исключений) аптеки.

Господи, как много им, обеспеченным гражданам, надо. И оформить и защититься и легализоваться и выехать. Да плюс на стол чего-то деликатесно-недоступного и на себя остроумно – недешевого. Заботы, заботы... Ну как тут не заболеть?

¹ Бабай – дед.

Глава вторая.

Чилля

Жара – это когда небо выгорает, меняя свой привычный ярко-голубой цвет на беле-сый, выцветший. Жара – это когда воздух останавливается, а плавящееся дорожное покрытие приходит в движение, колышется и шевелится под ногами, как живое. Мозги же, плавящиеся параллельно с асфальтом напротив, вымирают. Это когда водку можно пить исключительно не отходя от холодильника, а пиво заливаешь внутрь не ради алкоголя, а лишь для остужения имеющихся там органов. Это когда свет в помещениях включают только в крайнем случае. Потому лампочки они ж накаливания, а накаливать дальше некуда. Это когда прикосновение другого человека, независимо от пола, раздражает. Жара – это когда ты с состраданием смотришь на старенький «фрээр» у «комка» при остановке. Тот бедолага, обливаясь слезами так и не успевшего сформироваться льда, молотит как ненормальный. Но, увы, все, что в его слабых силах – не дать прохладительным напиткам закипеть. Жара – это когда даже мухам неохота шевелиться, и они лениво сидят рядом, оставив свои, казалось бы, неистощимые попытки атаковать. Перемирие, Великая Сушь, мы с тобой одной крови. Ни хрена себе, и с ней, с мухой, что ли тоже?!

Жара – это когда, чтобы перенести ее, необходимо абстрагироваться от неприятных ощущений липкого пота медленно стекающего по спине – иначе не вынести.

В своей нынешней квартире я живу чуть больше десяти лет, на самом излете СССР получил. На стене – комнатный термометр. Тридцать семь градусов выше нуля критическая отметка на нем. Каждое последующее повышение температуры хоть на четверть градуса воспринимается уже как проклятье, а понижение наоборот как божья благодать. А как вам СОРОК ДВА?

Вот что такое жара: середина лета – «чилля». Она достигла апогея.

Лежишь пластом на полу (хорошо еще, когда есть такая возможность – лежать), потихоньку растекаясь и безуспешно стараясь затечь подо что-нибудь.

НУ НЕТ!!! Да я этнический русский в конце-концов-то или где?! Гей, славяне! Нас так просто не возьмешь.

Пред жарой то при таких раскладах отступать негоже! Клин клином вышибают.

Врубаем газ! В смысле конфорку. На нее чугунную сковороду и, пока она калится, замешиваем блинную болтанку. Народное блюдо. Р-р-русское народное. ЭЭЭХ! РАЗ-ЗУДИСЬ ПЛЕЧО! Огонь горит, сковорода шипит и брызжет раскаленным маслом, а повар весь в поту, поварешкой, словно шашкой. ВРРРЕШЬ НЕ ВОЗЬМЕШЬ! С пылу, с жару блины пошли. В дыму, в пару, в горячке. Поглядим еще кто кого допечет: светило меня или я его.

«Врагу не сдается наш гордый «Варяг»...

Ш-ш-ш-ш... ах... ш-ш-ш-сссорок два градуса на термометре и по всему видать вверх поползло.

Напек бл... блинов в смысле напек. Неее. Есть я их не буду. Тут ежели сырым внутрь отправишь дак и то, пока до желудка дойдет, пригорит. А лучше я на свет божий, на уличку. Там уж дело к вечеру, вроде как похолодало. Ну после моих кулинарных опытов точно, только что не морозно.

Перегрелся чутка. Малеха лишка абстрагировался. Ну дык жара, Азия, всякое бывает. Из знойной Ташкента с пламенным приветом!

Приложения к главе второй.

№ 1. Склероз.

Иду по улице, вдруг слышу: «Здрассте!» Поднимаю голову – прямо передо мной молодая симпатичная девчонка. Это она со мной, значит, здороваается. Я хмурюсь и через паузу отвечаю. И все. Разошлись, как встречные трамваи. Как она не знаю, а я весь день напряженно соображал: «Кто? Откуда знакомы?» Единственным результатом моей мыслительной деятельности стала фраза: «Склероз его не забывал».

Интересно, если мужчина перестает запоминать молодых симпатичных девушек, это мудрость избирательной памяти, или начало маразма?

№ 2. Магазин «Детский мир».

Вертявый пацан лет пяти скачет вокруг мамы, высокой, строгой, молодой женщины и канючит:

– Мам, ну купи игрушку, ну купи, мам, вон ту.

*Мама с выражением крайнего презрения на лице, оценив выбор сына, отвечает:
Ну зачем тебе эта НЕФУНКЦИОНАЛЬНАЯ БЕЛИБЕРДА?*

Глава третья.**Называйте меня промоутер**

Воскресенье. Жена с утра мечется по квартире. Уборка, готовка, стирка...

Я в это время сижу за компьютером. Работаю. Недурная работенка да?

Как там у Жванецкого: Чего он там еще напишет неизвестно, а пока сидит, обдумывает.

И своей невозмутимой неподвижностью я, наконец, ее «достаю».

Любимая внезапно вырастает передо мной немым укором, немота, впрочем, длится недолго:

– Да в конце-то концов, я у вас для чего в доме!?

Не спеша, отрываюсь от экрана монитора, потягиваюсь, с целью размяться, и мечтательно изрекаю: Ты у нас мамочка... для красоты.

– В-о-о-т! – протяжно и торжествующе восклицает она.

Немного помедлив, добавляю:

– Вот и походи на кухню, наведи там красоту.

И тут же втыкаюсь в клавиатуру, торопясь записать этот любопытный диалог.

Жена вздыхает и, уходя, презрительно и обреченно бурчит себе под нос:

– Писс-сатель!

Моя супруга вообще довольно остроумная женщина. Другой со мной и не ужиться. Причем ее остроумие произвольное и непосредственное.

Разгадывает как-то кроссворд. «Мужское шейное украшение». (пауза)

Молчу. Не дай бог ввязаться в этот процесс, весь вечер к чертям.

«Мужское шейное украшение»? (долгая, вопросительная пауза)

– «Жена» что ли? – восклицает удивленно, так и не дождавшись помощи извне.

И уж только мой смех дает ей понять, что родилась острота.

Другой раз раздобрилась и аж два вечера подряд приносила мне по бутылочке пивка. Первое называлось «Козел», второе «Гусь». Ну и как я должен к таким гостинцам относиться?

Однако смех смехом, а мое шейное украшение типа ожерелье, семья то бишь, за последнее время сильно пообносилось. Папа их, то есть я, ударился в литературу. Подзаработать бы что-то надо.

В результате сих нехитрых рассуждений и оказалась в моих руках газета с объявлениями.

Для начала сделал я несколько неожиданное открытие. Ташкент буквально наводнен престарелыми девушками на выданье. Потому 70% объявлений связаны: либо с торговлей омолаживающей косметикой, либо со сдачей напрокат свадебных платьев.

А не поторговать ли мне косметикой?

Звоню, договариваюсь. Еще по телефону посулили мне какую-то фантастическую по ташкентским меркам зарплату.

– Распространение косметики? – уточняю.

– Ну вы же взрослый человек – поправляют меня строго – должны понимать, «распространение» – это про венерические болезни, а у нас промоутеринг. Будете промоутером. Вам это слово о чем-то говорит?

Интонация не оставляет мне никаких вариантов для ответа, кроме ожидаемого:

– Нет, – говорю, – не в курсе.

– Ну вот, видите, – торжествует телефонная трубка – приезжайте, поговорим. Еду. Говорим.

Краткая фраза: «А нельзя ли поконкретней», вставленная в паузе понадобившейся моей визави для вдоха и прервавшая ее многословную сагу об истории и сегодняшней моши красноречивого гиганта химико-парфюмерной промышленности, с которым мне выпала честь (это уж не подвергалось сомнению) сотрудничать, дама решительно

обрубила возмущенным выкриком:

– Да вы не даете мне слова сказать!

Далее она красочно описала мои перспективы (Остап Бендер с его Нью-Васюками отдыхает). Комната, в которой произносилась пламенная речь, наполнилась бриллиантовым дымом. Стало тяжело дышать, и я попросился на воздух.

Вообще-то я периодически подрабатываю «маляркой». Но зима не самый удобный для этого дела период. Байка такая есть: Лето. Маляр, маляр, хлебушка хочешь? Да шел бы ты! Булками закидаю. Зима. Маляр, маляр, хлебушка хочешь? Положи на камушек, а то обманешь.

Но-таки нашел я работодателя...

Устроился в строительную организацию. Работа в другом городе. Командировка на цементный завод. Прораб кореец по имени Артур весьма важный, но при этом собственно в строительстве тупой как пробка. Впрочем, по нынешним временам профессионализм не в почете, самое востребованное – умение считать деньги. В этом деле Артур, по-видимому, собаку съел.

Наше дело – исправить ранее запоротое. Любопытно: на цемзаводе существует два вида штукатурки – или с минимальным, на грани отсутствия, содержанием цемента, или, напротив, с такой концентрацией основного продукта, что штукатурный слой по своим характеристикам напоминает стекло. Твердый и хрупкий. Норма почему-то не получается никак.

По дороге к объекту познакомился со своими напарниками. Первый, Степан – добрый малый (кинул меня потом), недавно вернувшийся из Москвы. Дельный маляр, правда, несколько неразвитый, я имею в виду в общеобразовательном смысле, и немного заторможенный, причем, последнее обстоятельство весьма органично подчеркивается его легким заиканием.

Другой мой коллега – дядя Леня. Взрослый мужик лет пятидесяти с «хвостиком», чрезвычайно напоминающий Шарикова из «Собачьего сердца». Особенно после принятой сотни грамм, когда он начинает энергично рубить воздух ребром ладони правой руки и убежденно нести всякий вздор.

Прибыл, между прочим, для производства плотницких работ. Из инструмента прихватил отвертку, выдавший виды шпатель и устрашающих размеров зубило, сработанное из 48-ой арматуры. Мастер широкого профиля. Из серии: «все могу, ни хрена не умею». Инфантильный до неприличия. Так я и не понял, зачем его понесло в командировку, и на что он собственно рассчитывал.

Во все командировочное время он был нашим верным оруженосцем и сыном полка.

Бытовые условия командировки ужасающие. Ели как свиньи, спали как собаки, работали как лошади. Вода пополам со щелочью, очень жесткая (башку после работы помоешь, волосы как проволока), воздух пополам с цементом. Если прибавить сюда, что территория завода усиленно охраняется, то все это можно охарактеризовать как строительный объект тюремно-лагерного режима с ослабленным питанием.

По возвращении работодатель сообщил нам, что «деньги он, безусловно, заплатит», но потом. А пока можно начать другой объект. Тут он, работодатель, неплохой в общем мужик, по-отечески добавил: Не люблю, когда мои люди без работы сидят. Вам ведь нужна работа?

В своей ответной речи я пояснил, что мне нужна не работа, а заработок. А с целью достижения максимального эффекта сформулировал свою мысль в ненормативных выражениях.

Работодатель не оценил моих стилистических изысков, и мы разошлись, оставшись «при своих».

В итоге, врезав, я рассудил трезво...

Алкоголизм, как известно, не порок, а болезнь. Я ею страдаю в достаточной степени или даже больше. Попался мне как-то на глаза, в глянцево-м журнале тест «Много ли вы пьете?». Дык у них уже шкала давно кончилась, а я все продолжал набирать баллы.

Если добавить сюда графоманию, коей я, несомненно, подвержен, имеем безнадежно больного человека, нуждающегося в срочной государственной помощи.

Приложения к главе третьей.

№ 1. Чувство юмора.

Кампания NESCAFE в своей рекламной кампании использовала нехитрый трюк. Купивший определенное количество банок кофе получает в подарок фирменную кружку NESCAFE. Александр Михайлович Березовский, мой «куратор» в изредка публикуемом меня журнале, для своей юмористической странички сделал симпатичную пародию. Под фотографией этой самой кружки написал:

Хотя удобны для руки
И выглядят довольно мило,
Они для водки велики
И – видит Бог! – малы для пива...
Но не кори посуду, брат
Она практична – вот те слово! –
Так как подходит в аккурат
К похмельным порциям рассола!

Был жуткий скандал. Местный представитель NESCAFE прислал протест в редакцию. Дискредитация торговой марки. А.М. лишили премии и обязали написать опровержение.

Что делать с идиотами? Может дихлофосом... Хотя... граждане с полным отсутствием чувства юмора уже сами по себе довольно забавны.

№ 2. Сарацины.

Ползем. Продираемся сквозь колючие заросли. Я, мой напарник и козел. «Козел» деревянный, ему «по барабану», а мы как раз настоящие, и наша живая плоть, разодранная шипами, ноет от боли.

Красим фасад дома арабского посла. Заказанный цвет фасада, по-видимому, типично аравийский – песочный. Весь участок вокруг дома щедро усажен всевозможной растительностью. Преимущественно колючей почему-то. Ну отчего же розы, черт возьми?! Почему не гладиолусы, пионы? Ромашки, наконец! Что за странное пристрастие к шипастому и колючему?

Впрочем... может они напоминают детям пустынь верблюжьую колючку и соответственно животных давших название этому растению? Дом, наверно, напоминают. Тот, другой, который на родине.

№ 3. Целомудрие.

Малярная бригада занималась ремонтом некоего административного здания. Пожилой малярше тете Гале досталась перетирка мужского туалета. К обеду вся бригада собралась вместе. Тетя Галя появилась в легком возбуждении и с порога протараторила: Ой ребятки, а в мужском туалете такие хорошенькие рукомойнички, а у нас (в смысле в женских туалетах) почему-то таких нету.

После паузы вся бригада взорвалась лошадиным ржанием. Дошло, что Галина Лаврентьевна назвала «рукомойничками» писсуары!

Вот какое было поколение: простое и целомудренное.

Глава четвертая.

Выходной

Суббота вечером. Дача. Пыльный город позади. Заботы, обязанности, обещания...

– Ну, наконец-то, прибыли. Сеточки, сверточочки, бутылочки. Машину чуть слай. Водичку в бассейн пусти. Сейчас все откроем. Ну что ты маячишь? Иди, переоденься.

– Наливать?

– Погоди. Картошки почистим. Лучок, огурчики, помидорчики. Культура питания – закуска плюс неторопливость.

– Я понимаю, наливать?

– Не суетись. Дров поруби, шепочек. Вот. Хорошо горит. Казанок где? Картошечку вчетверо, лучок кольцами, баранинку на ребрышки разбери.

- Наливать?
 – Что ж ты гонишь-то?! Сейчас жирочек вытопим. И не хрусти, пожалуйста, огурцом.
 Нервирует.
 – Да, может наливать?
 – Потерпи. Все в казанок уложим аккуратненько и ...
 – Наливать?
 – А ты че е-мое не налил еще?
 (выпили, помолчали.)
 – Еще по грамулечке?
 – Токо по грамулечке.
 (выпили, помолчали.)
 – Воздух какой а? Соловьи поют!
 – Кошки орут.
 – Комары жрут, суки!
 – Обезболимся?
 – Не без этого (выпили.). Ну, теперь купаться.
 – Неее...
 – Да, давай сполоснемся.
 – Не, не, не, не. Холодно.
 – Наливать?
 (выпили, помолчали.)
 – Теплее, кажись.
 Терпкий дымок мангалки, смешиваясь с парами приготовляемой баранины, обволакивал их снаружи, алкоголь мягко проникал изнутри. Беседа делалась все более искренней и от того менее внятной.
 – Скупнемся?
 – Обязательно!
 Бултых, всплески, сдавленные возгласы, фыркание и тот, кто вынырнул первым: "Водки мало взяли".
 Другой промолчал в знак согласия и чуть погодя: "Наливать?"
 – Чисто согреться.
 – Там кипит. Вроде готово.
 Сняли казан. Аромат, сбивающий с ног. Легкий ажиотаж. Особый. Азиатский. Спеша, но не торопясь. И вот оно на лягане. Картошка вся в луке, маслом брызжет. А сверху, ой шас закричу, баранина, обливающаяся соком от предвкушения удовольствия быть нами съеденной.
 – Ну, это ж, так нельзя... Под горячее?
 – Что ты все время спрашиваешь! Наливай уже скорее!

Приложения к главе четвертой.
№ 1. Утро. Похмельный синдром.

- Люди! Люююди!
 – Ну чего тебе?
 – Дайте мне пистолет и два патрона, я застрелюсь.
 – А два то зачем?
 – Молотит меня, боюсь с первого раза не попасть.

№ 2. Напугал.

- Звоню как-то товарищу: Выпить хочешь?*
 – Не, не могу.
 – Чего так?
 – Да я, блин, свой самый рабочий орган застудил.
 – Э??????
 – Да не!!! горло. Глотать не могу. Даже водку, не говоря уже о пиве.

Глава пятая.

Экскурс

Настоящее сочинение автор иногда, будучи в приятном расположении духа, считает явлением литературным. В связи с вышесказанным, небольшой литературный (разумеется, а как же иначе) экскурс может быть и кстати.

Немалое количество великих, больших, хороших и неплохих русских писателей и поэтов упоминали Ташкент в своих произведениях. Любопытно проследить контексты этих упоминаний.

Герой романа Л.Толстого граф Вронский, после неудачной попытки самоубийства «без малейшего колебания согласился...» (*жертва однако*) отправиться в Ташкент в связи с назначением, которое ему ПРИДУМАЛИ. «От греха», так сказать. Толстой характеризует сие назначение как «лестное и опасное». Вспомним, что Туркестан в это время, только-только был присоединен к Российской империи.

Один из героев романа Достоевского «Подросток», князь Сокольский, находясь под следствием и будучи заключенным в тюрьму, говорит «о возможности колонизоваться и выслужиться в Ташкенте». Опять же скрыться от общества и начать новую жизнь.

Герой Солженищинского «Ракового корпуса» тяжело больной ЗеК вовсе приезжает в Ташкент «умирать».

То есть контексты всех трех упоминаний – Ташкент это край дальше некуда.

А вот современник Толстого и Достоевского Всеволод Владимирович Крестовский, тоже писатель, хотя и почти забытый, довольно неожиданным образом отметился в литературной истории Ташкента.

Крестовский автор нашумевшего в свое время романа «Петербургские трушобы. Книга о сытых и голодных» (в конце прошлого века российское телевидение сняло телесериал по этому роману под названием «Петербургские тайны») некоторое время служил в Туркестанском крае «чиновником особых поручений». По прибытии в Ташкент вместе с назначенным туда генерал-губернатором Черняевым Крестовский получил от него поручение осуществить ревизию основанной в 1870 году Туркестанской публичной библиотеки. Результатом был рапорт Крестовского Черняеву, в котором указывался факт преимущественного интереса читателей к неблагонадежным российским произведениям, что, вообще говоря, учитывая поступающий сюда из России контингент и неудивительно.

Указав на ряд недочетов в деятельности библиотеки, Крестовский главнейшее зло усмотрел в том, что «большая доля внимания подписчиков посвящается повременным изданиям, между коими первое по количеству спроса место занимает журнал «Дело», затем «Отечественные записки», «Вестник Европы» и проч... Из русских авторов наибольший спрос на сочинения Шедрина (Салтыкова), Добролюбова, Писарева, Некрасова.

13 декабря 1882 года последовал приказ [№] 302 о закрытии библиотеки с 1 января 1883 года. Были даже планы распродажи с «публичного торгова» значительной части библиотечного фонда. К счастью, они не осуществились. Через год библиотеку открыли. Но уже под названием Книгохранилище при ташкентском музее и под присмотром специально созданного Наблюдательного совета.

А весной 1921 года в одном из залов недозакрытой библиотеки выступал прибывший в Туркестан за восточными впечатлениями Сергей Есенин. Его «Персидские мотивы» во многом берут свое начало отсюда, из Ташкента.

Сам чайханщик с круглыми плечами,
Чтобы славилась пред русским чайхана,
Угощает меня красным чаем
Вместо крепкой водки и вина.

Тут немного вперед забежим. У Солженищина в «Раковом корпусе», так описывается одно из впечатлений от Ташкента выздоравливающего, выкарабкавшегося с «того света» главного героя:

«Шашлык!

Затягивающий был запах – этот смешанный запах дыма и мяса! Мясо на палочках не только не обуглено, но даже не было смугло-коричневым, а в том нежном розово-сером цвете, в котором оно доспевает. Неторопливый ларечник, с кругло-жирным лицом, одни палочки поворачивал, другие передвигал от огня в сторону пепла».

И у Есенина, и у Солженищина продавцы ташкентские округлы. Так и есть.

В двадцать третьем году Александр Скобелев под псевдонимом Неверов написал небольшую повесть «Ташкент – город хлебный». О поволжском мальчишке, отправившемся из голодных своих краев в Ташкент за хлебом. О повести и снятом по ней фильме теперь немногие вспоминают, а название стало крылатой фразой. Между тем о Ташкенте в повести всего-то десяток строк.

«Высунулся Мишка, увидел торговцев с корзинками на головах, услышал нерусские голоса. Из корзинок, из деревянных корыточек глянули яблоки разные и еще что-то, какие-то ягоды с черными и зелеными кистями, широкие белые лепешки. «Вот так живут!» – подумал Мишка, облизывая сухие голодные губы.

В книге Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь» я нашел такой интересный факт: Елизавета Ивановна Дмитриева в молодости, на заре двадцатого века интриговавшая Петербург своими стихами, публиковавшимися под экзотическим псевдонимом Черубина де Габриак, оказывается он соавтор нескольких детских пьес Самуила Маршака. «Козел», «Лентяй» и хорошо известного всякому читающему «Кошкиного дома». Припоминаете?:

Слушай, дурень, перестань
Есть хозяйскую герань!
Ты попробуй. Очень вкусно.
Точно лист жуешь капустный.

Потом, уже при советской власти, Дмитриеву выслали (куда бы вы думали?) в Ташкент, естественно. И имя ее изъяли из заглавий вышеуказанных сочинений. По поводу чего Самуил Яковлевич весьма переживал. Да и теперь соавтор не указывается. Напрасно, я думаю.

А Дмитриева так в Ташкенте и скончалась в 1928 году.

Во Вторую мировую войну в Ташкент было эвакуировано огромное количество предприятий, организаций и просто граждан.

Здесь пережили трудные годы еврейский театр Соломона Михоэлса, киностудии «Мосфильм», «Ленфильм», киевская, одесская. Здесь были сняты фильмы «Два бойца», «Александр Пархоменко».

С Фаиной Георгиевной Раневской, исполнившей в последнем фильме великолепную эпизодическую роль (помните, пианистка в ресторане), в Ташкенте случился любопытный казус. Раневская очень любила мясо бройлерных индеек и слышала, что, вроде, для выращивания их помешают в сетки и в подвешенном состоянии в темном помещении кормят исключительно орехами. Так она и сделала. Подвесила прикупленную пару индюшек в подвале, куда регулярно доставляла орехи. Увы, индюшки не только не поправились но, напротив, похудели до состояния, не позволяющего надеяться на их бройлерное будущее, и были позорно и тайно утилизированы.

Еще вот: в фильме Эльдара Рязанова «Гараж», в том эпизоде, где запертые в музее герои устраиваются на ночлег, за кадром едва слышна фраза: «... я вспоминаю эвакуацию, ташкентский базар...»

Завершая это небольшое «кинематографическое» отступление скажу также, что в Ташкенте родились великолепная актриса, мастер эпизода, Рина Зеленая и звезда шестидесятых Татьяна Конюхова, да и знаменитый «Мюллер» – Леонид Броневой – актерский диплом получил именно здесь.

В Ташкенте в эвакуации жили Анна Ахматова и Алексей Толстой.

Корней Чуковский отпраздновал здесь свое шестидесятилетие. В его дневнике есть запись от 1 апреля 1942 года: «День рождения. Ровно 60 лет. Ташкент. Цветет урюк. Прохладно. Раннее утро. Чирикают птицы. Будет жаркий день. Окна во двор, во дворе около сотни ребят, с утра до ночи кричащих по-южному».

А у Ахматовой о моем городе великолепные строчки:

И вспомню, словно на лету
Ташкент я в огненном цвету,
Весь белым пламенем объят,
Пахуч, горяч, замысловат,
Невероятен!
Вот так написать бы!...

Юный Юрий Трифонов, будущий замечательный писатель, жил в Ташкенте в эвакуации с сестрой и бабушкой.

И еще любопытная история из военных времен.

26 июня 1942 года на борту военного корабля класса «лидер» из Новороссийска в

осажденный Севастополь отправился военный корреспондент Евгений Петров (Катаев). Тот самый, что вместе с Ильфом написал «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Военный корабль имел боевую задачу доставить в Севастополь пополнение и боеприпасы и эвакуировать раненных. Подобные корабли называли блокадопрорывателями. Казалось бы, какое отношение имеет сие событие к теме настоящей главы? Некоторое все-таки имеет. Собственное имя судна, на котором в служебную командировку отправился Евгений Петров, было «Ташкент». Такой вот поворот.

Приложения к главе пятой.

№ 1. Как О'Генри.

Однажды отнес я в редакцию «толстого» литературного журнала свои сочинения. Через некоторое время встречаюсь с главредом насчет моих дальнейших перспектив. – Нормально – говорит – годится, будем печатать. Побеседовали немножко, а уже прощаясь, немного конфузясь главред (милый, интеллигентный человек) спрашивает: А как у Вас с крупными литературными формами? В смысле, есть что пообъемистей? Я застеснялся и отвечаю: нет, пока такая вот только мелочевка. И для солидности, видимо, приврал – мол, есть и большие вещи, но они еще не закончены.

Редактор помолчал, вздохнул сочувственно и, чтобы меня как-то ободрить, говорит: Ничего, О'Генри тоже короткие рассказы писал, а вон какой знаменитый. Нормально – думаю – буду как О'Генри. Не так уж и плохо.

№ 2. Желания и возможности.

Решил я как-то наконец-то освоить Достоевского. Не изучить, но хоть бы прочитать полностью. В связи с этим решением я и обнаружил, что в нашей домашней библиотеке отсутствуют «Бесы» и «Идиот». Ну с «Бесами» понятно, библиотека у нас с советских времен, тогда их издание кроме как в собраниях сочинений не приветствовалось. А с «Идиотом» как же? Замылил видать кто-то. Отправляюсь на книжный «развал». Вижу «Идиота». Надо сказать что книги в Ташкенте теперь дешевы. Совсем недавно видел собрание сочинений Марка Твена за пару долларов. До сих жалею, что поленился тащить такую тучу книг. Да и теперь не так дорого. В среднем книжка (ежели это конечно не что-то остромодное) 500-1000 сумов. А за «Идиота» отчего-то 2000 просят. Чего же так дорого? – спрашиваю. Продащица, пожилая женщина, поясняет:

– А он программный.

Подумав немного, отвечаю: Так ведь тут такое дело уважаемая, для того, кто Достоевского читает, это дорого. А кому это недорого тот его и не читает вовсе.

№ 3. Интерьер.

Пожилая, хорошо одетая женщина, приперла в пункт приема макулатуры целую библиотеку. Прекрасный подбор книг. Все в отличном состоянии. Нулевые, что называется. Хозяева, по всей видимости, так и не нашли времени их почитать. Пока взвешивали, остальные клиенты, тоже люди немолодые, приумолкли. Вспомнили, наверное, недавние времена. Когда для получения абонеента, на который потом уже можно было приобрести книжку, нужно было сдать 20 килограммов макулатуры да еще выстоять длинную очередь. Наиболее предприимчивые граждане, вот вроде этой гражданки как раз, очередь у приемного пункта занимали с вечера, спали на раскладушках, принесенных с собой, чтобы с утра быть в первых рядах. Очень модно было в то время иметь в доме хорошую библиотеку.

Относительно увесистости: Толстой Лев Николаевич не подкачал – бумага плотная, шеститомник, по курсу, почти на сорок центов потянул. Достоевский уже послабее. А Марк Твен совершенно разочаровал, за полное собрание сочинений, двадцать томов, между прочим, даже доллара выручить не удалось. Дама, все-таки чувствуя некоторую неловкость, объяснила происходящее так: дети ИХ не читают, да еще ремонт сделали.

Другие времена, другая мода. Не вписываются книги в современный интерьер.

№ 4. Чего изволите Ваше сиятельство?

Магазин, торгующий сантехническими изделиями, под названием «Лорд»?!

А впрочем... есть в современных унитазах что-то аристократическое, тронное я бы даже сказал.

Глава шестая.

Архаика

Тесная извилистая улочка, сплошь обсаженная старыми деревьями и такими же одноэтажными ветхими строениями. Петляя, то и дело рассыпаясь на переулочки и тупички, она словно заяц уходящий от все сжимающих кольцо облавы охотников: железо-бетонных монстров пылающих электрическими огнями, отделанных ярким «кричащим» пластиком, зеркальным стеклом, обвешанных баннерами и прочими пугающими раздражителями, будто призванными загнать одинокого зверя в угол и там прикончить. Агрессоры наступают уверенно и планомерно, прорубая широкие просеки проспектов и автострад сквозь отживающей свой век архаику. Вряд ли они даже замечают это.

В одном из приговоренных тупичков притулилось заведение дядюшки Карима. Карим ака, милостью божьей цирюльник, вот уже сорок лет держит здесь по-местному сартарошхону. Проще говоря, Карим ака парикмахер. Он благообразен, его лицо испещрено темно-коричневыми морщинами цвета трещин на старой глиняной пиале. Клиентов у него немного, но их постоянству может позавидовать самый модный столичный визажист.

Хотя в арсенале Карим ака всего-то бритве опасной бритвой и три вида стрижки: «под Котовского» или «на голо», под машинку или «ежиком» и «полубокс». Под последнюю категорию подпадают все виды причесок не подпадающие под первые две. Карим ака вдохновенный импровизатор. Ежели, предположим, посетитель не желает радикального сокращения растительности на голове, мастер, оценив черепно-лицевой рельеф клиента и проведя большим и указательным пальцем по своим толстым губам, стрижет «как Аллах на душу положит». Прямо скажем Карим ака не виртуоз, но редко кто уйдет недовольным. А секрет несложен. Карим ака хорошо знаком со вкусами посетителей. Любит их и всячески им потакает. Люди любят, когда им потакают. Один пожилой холостяк обожает сюда заходить: по два раза в месяц стрижется, хоть всех волос – «три волосинки в шесть рядов». Почему? Да потому, что только в парикмахерской он и чувствует, что о нем кто-то заботится. Старый парикмахер знает с кем поговорить о футболе, с кем о дороговизне, о погоде, кому предложить пиалу ароматного зеленого чаю, кому подмигнуть понимающе, мол, недурно вчера посидели. А если вдруг появится незнакомец, так с помощью двух-трех вопросов и богатого жизненного опыта хозяин вмиг нащупает живую тропинку к его сердцу.

Впервые я наткнулся на белый глинобитный домик со старомодной дверью, выкрашенной голубой краской и надписью «Сартарошхона» над ней, совсем случайно. Был в гостях пососедству, а выйдя, увидел вывеску: чего бы, думаю, не подравняться? Спустя несколько месяцев уже, опять оказался в тех краях и, вспомнив про уникальную парикмахерскую и ее очаровательно болтливого мастера, опять зашел.

Карим ака, сильно увлеченный разговором с заглянувшим к нему, видимо, просто трепаться седебородым аксакалом в синем банарасном чапане (это такой шелк ручной выделки), на меня как будто даже не обратил внимания. Я обиделся, все же в прошлый раз мы так разговорились, я все же рассчитывал на особое внимание, а он... Предложил сесть в кресло, глядя в противоположную сторону. Рассеянно вороша мои волосы и продолжая разговор отнюдь не со мной вдруг осекся... И уже обращаясь непосредственно:

– Я Вас уже стриг?

– Да, – говорю, стараясь вложить в короткий ответ все свое недовольство, – к сожалению, уже случилось.

– А я чувствую, волосы знакомые, – задумчиво продолжает он, не обращая на мою иронию ни малейшего внимания. И тут до меня дошло: он клиентов по волосам, на ощупь узнает. Мастер! Такому все можно простить.

Последний раз, когда я проходил мимо цирюльни Карим ака, на ее двери висел замок. А глянув поверх крыши, увидел там подальше над древними карагачами пыльное облако и услышал звук тяжелой строительной техники. Они уже здесь. Прощай архаика!

Приложения к главе шестой.

№ 1. Ошибочка.

– Почем мясо?

– Какое? У нас разное. Грудинка, антрекот, росто, корейка, транш, бон-филе... Колбасы сырокопченые. «Царицынская», фабрики Микоян, салами финская. Буженина, пожалуй-

ста, ветчина, карбонат...

– Все, все, все. Я все понял. Где тут у вас выход?

№ 2. Смешные люди.

Кладбище. Здоровенный памятник из черного мрамора, сама могилка залита добрым слоем бетона. И почему обращает на себя внимание – чрезмерно все как-то.

Видать, родственники усопшего на увековечивание денег не пожалели. Вот поспешили только, просела могилка. И бетон лопнул, а мраморная плита покосилась и треснула. Заросло все это сооружение густым бурьяном не топтанным давно.

Родственники, как памятник справили, так, видать, больше и не появлялись. Посчитали свой долг выполненным.

Смешные люди, и по сей день, наверное, думают, что соорудили монумент покойному. Ан, нет! Себе, ребятки, себе.

Глава седьмая.

Пассажиры

Зима, пасмурно, сыро. Утро. Конечная остановка городского транспорта. Толпа не вполне проснувшихся граждан плотно окружила закрытые двери одного из автобусов. Еще три машины стоят в разных концах остановки. Во всех наглухо закупоренные двери, водителей нет. Тот первый тарыхтит незаглушенным двигателем. Народ, ежась и зевая, жмет к дверям. В надежде первым ворваться внутрь на «сидячее» место. Напряженное ожидание скрашивается тревожным разговором. Мужчина в спортивной куртке и шляпе: «Этот первым поедет, точно вам говорю, вишь и мотор не заглушил». Из задних рядов: «Да им то что, бензин казенный. А этот водила чаек уважает. Пожалуй, что вон тот первый тронется, там шоферюга пошустрей. Женщина в пуховом платке, в левой руке авоська, правая на автобусной двери: «Ну, прям, скажете тоже, тот токо-токо приехал, а наш – теплым взглядом окидывает дверь – уже давно стоит. И не так уверенно, в надежде на поддержку, добавляет: «Должен же у них быть какой-то график». Остальные в общем соглашаются с последним пожеланием, но те, что подалше от двери перемешаются к другому автобусу. В этот момент часть граждан, проявив недюжинную реакцию и раздражительность, семенящим бегом устремляется к третьей машине. Это самые опытные, они следили не за автобусами, а за дверью диспетчерской. И первыми заметив вышедшего оттуда водителя, мгновенно оценив, к какому автобусу он относится, рванули вперед, в доли секунды облепив двери нового фаворита. Долговязый шофер, не спеша, с полным осознанием собственной значимости, шествует к кабине. Важно открывает дверь, долго, будто навечно, устраивается на сиденье, заводит двигатель и, так и не открыв пассажирских дверей, трогает. Народ бежит некоторое время рядом с машиной, но скоро отстает – толпой это делать несподручно.

Водитель, видимо вполне удовлетворенный результатом, останавливает автобус и открывает двери. Часть пассажиров, проигравшая несколько минут назад забег к дверям, неожиданно оказывается ближе к желанной цели, чем отставшие победители, и тут же реализует свой шанс. Посадка в автобус напоминает загрузку плохо тренированного десантного взвода.

В дверях образуются пробки. Женщина с авоськой истошным голосом: «Ой, е, ей! Что же вы мне всю руку оторвали!» Здоровый мужик испуганно отстраняется. Дама лихо использует полученный шанс, прошмыгивает в салон. Прежде чем мужик успевает сообщить, что его надули, в образовавшуюся брешь проскальзывает бабушка с веником и внуком. Наконец, до мужика доходит, и он с криком: «Посторонись!» бросается в дверь вперед головой. В задней двери застревает тетенька угрожающего сложения, и несколько секунд, понадобившихся остальным «заднедверникам» для того, чтобы протолкнуть ее внутрь, решают дело. «Переднедверные» захватывают все сидячие места. Посадка становится более спокойной. Наконец салон набивается «под завязку». Отчаянные крики оставшихся за бортом: «Пройдите в середину, там же совсем пусто!», или «Ну еще на пол человека!» – вызывают лишь придавленные улыбки изнутри. Автобус, с трудом закрыв двери, трогает, кряхтя и тяжело вздыхая, как штангист перед взятием веса.

Остановка. Выходящие судорожно пропихиваются к передней двери, вызывая бурную реакцию остальных. – Ну, куда ж ты прешь! «Ухо отпустите!», «Чего ты свою ногу в мой

карман пихаешь, зараза!! Мужчина вы выходите? Мужчина, здоровяк: «Ну...» – «А впереди выйдут?». «Конечно! – немного подумав, – токо они об этом еще не знают» Впереди шум, крик. Водитель: «Че ты мне суешь козел? Че ты мне суешь?»

Хлипкий мужичок в кепке: «Проездной это». «Да на фиг мне сдался твой проездной! Ты знаешь, что у меня план? Знаешь? Достали уже своими проездными суют и суют. А план кто, я, что ли делать буду?» Наконец автобус возобновляет движение. Водитель: «До метро выходящие есть?» Дружный хор: «Нету, нету!!!» Одинокий, неуверенный голос: «Нет, ну как же? А я? Есть выходящие, я выхожу».

Тяжелый бас: «Заткнись мужик, все до метро едут, а тебе выходить приспичило. Раз решили, значит решили. Большинством. Давай шеф до метро, без остановок».

Приложения к главе седьмой.

№ 1. Условный рефлекс.

Ветхий дедок, поднимаясь в автобус, едва не рассыпался на очень медленном ходу. Но вот углядел свободное место и мимолетное, но мгновенное преображение: мощный рывок, зад, зависший над сиденьем, и ... старичок медленно оплывает вниз. Вот она, субъективная сила условного рефлекса – сильнее даже объективной физической немощи.

Еще одна глава про пассажиров. Привычный маршрут

Маршрутное такси – особенный, отличный от других, вид городского транспорта. Конечно, это, отнюдь, не элитное такси, однако и не общедоступные автобус, трамвай. Здесь вы почти по «автобусной» цене получаете почти «таксовый» сервис. Вас не набивают здесь битком, вам остановят «по требованию», хотя и в пределах определенного маршрута.

Эти нюансы, очевидно, отражаются как на поведении водителей, так и пассажиров.

Пассажиры старательно игнорируют существующую все же разницу между такси «настоящим» и такси маршрутным. В ход идут и грубовато-фамильярные требования остановок, и раздраженные реплики, в случае недостаточно быстрого, по мнению клиентов, реагирования водителей на таковые. В общем, со стороны пассажиров общение происходит под девизом: «Деньги плачены! Гони шеф!»

Водители отвечают словом и делом под девизом «Не «нукай», не запрягал!»

Тут, конечно, и многочисленные «остроумные» и отчасти издевательские таблички-надписи:

«Тише скажешь – дальше будешь», «Место для удара головой», «Заплати за проезд – не будь зайцем», «Кричи громче – водитель глухой», «Не хлопайте дверь – будьте людьми», или «Хлопайте дверь осторожно, как дверь своего холодильника».

Дверь вообще служит водителю поводом напомнить зарвавшимся «седокам» кто тут на самом деле хозяин. Если дверь закрывается легко, а вы ею громыхнули «с душой», так и получите что-то вроде: «дома так дверь хлопай!» А если дверь с трудом закрывается, а вы, помня о прошлых замечаниях, опасливо ее притворяете, так услышите: «ну ты чего каши мало ел?»

Так до вас пытаются ненавязчиво донести мысль о том, что вы здесь все-таки в гостях. Этаким плебей, попавший во что-то аристократическое совершенно случайно и соответственно обязанный вести себя с максимально возможной скромностью.

Довольно любопытны женские взаимоотношения с дверями маршрутных такси. Надо сказать, что внутренняя компоновка большей части маршруток сделана крайне неудобно для пассажиров. Такое чувство, что это делается намеренно. Может тоже произвольное напоминание: не баре, мол, и так доедете. А женщины, они ж всегда обращены «внутрь». Они всегда озабочены больше не действием, а тем, насколько эффектно удаётся выгладеть при его совершении. И вот, значит, она открывает дверь, не особенно вникая в конструктивные особенности замка, потому открывать неловко, и поза, как пить, выходит при этих усилиях малоэффективная. И дверь, собака, не открывается, и легкая паника охватывает подавляющее большинство представительниц слабого и прекрасного... Зрелище, заслуживающее сочувственной улыбки.

Посадка в маршрутное такси (в час пик особенно) – это отдельная большая история. Или много-много маленьких.

Сам я обыкновенно в эти дразги не вступаю. Отнюдь не по причине своей твердой жизненной в этом вопросе позиции. Скорее в связи с отсутствием таковой. Она есть, но

чрезвычайно неустойчива. С одной стороны, активные ежедневные бытовые битвы не по мне. Но и быть философичным созерцателем тоже далеко не всегда удается. Зато такая «болтающаяся» исходная «сочувствующего болельщика» представляет возможность стороннего, хоть и заинтересованного, наблюдения и оценок, соответственно.

Посадка. Двери уже давно облеплены со всех сторон, и вдруг: мощный рывок бабульки, активная работа локтевыми суставами и – о, чудо! – «божий одуванчик» уже «там». Вопреки всякой логике. Мест нету? Так в дело идет умоляюще-униженный тон: сыночек, пустите бабушку. Вот, буквально, сейчас разрыдается! Пускают голубушку, подвинувшись, потеснившись. Бедолага некоторое время торопливо повествует о своей убогой судьбинushке, но к выходу совсем оттаивает и осваивается: Водитель! Я же просила вас остановить! Бестолковый какой-то, – злобно огрызается пассажирка на вполне дружелюбные оправдания шофера. За последним тоже, впрочем, не заржавеет – и трогать не спешит, и проехать может чуть дальше определенного места парковки. Не упустит, конечно, намекнуть лишний раз на вышеупомянутое тонкое обстоятельство.

Стою в толпе. Конечная остановка на «Центральном рынке». Опередить здесь «базарных завсегдатаев» категорически не реально. Они, в связи со своей профессиональной деятельностью, существенно лучше под требуемый «принцип действия» заточены.

Не переживаю – каждый день отсюда возвращаюсь домой, точно знаю, пару ближайших машин уйдут «на ура!», а там можно и поспокойней загрузиться. При том замечаю, что не один я тут такой «мудрый». Небольшая группка держится чуть в стороне, опасаясь быть затоптанными. Водила останавливает вдалеке от жаждущих. «Активисты» устраивают забег на не очень короткую дистанцию. Недолгое остервенелое сражение, крики, кто-то, поскользнувшись, едва не падает и... внутрь попадают все участники забега! Без исключения. А ведь чуть не позашибли друг друга.

Осуществляю посадку в транспорт. Уже несколько «пропустил». Зазывала то и дело выдает завершающую погрузку остроу: ТТЗ через КПЗ! Полный, «с сиропом», езжай! Но вот, наконец, кажись, моя. Уже ногу занес на ступеньку, и тут врзается нечто сзади. Меня, естественно, сметает. Но все же удается протиснуться. Наблюдаю за торпедированной женщиной. Симпатичная, молодая, в хорошей шубе. Видимо, поймав мой взгляд, явно смущена. Остыла от битвы и теперь у нее просто на лбу написано: а чего это я?

А вот другая мизансцена, тот же «час пик»: машины подходят часто, но и наполняются мгновенно. Три дамы, из тех, что принято именовать «кошелками», отягощенные покупками, мечутся от одного авто к другому, все время запаздывая. Наконец, отчаявшись, решают «поймать» «в складчину» настоящий таксомотор. Это надо на главную трассу выходить, метров пятьдесят в сторону. И вот, когда они уже на обочине, на «конечку» выныривает откуда-то «левая» маршрутка, совсем пустая. Марш-бросок бедных женщин в обратную сторону я наблюдаю в окно «РАФика» неторопливо расположившись внутри. Успели сердешные! Запыхались совсем. «Ой, как мы набегались», – возбужденно делятся впечатлениями. А цена вопроса: двадцать пять минут спокойного ожидания, или столько же нервной беготни с полной выкладкой. Вот уж верно: «суета сует, и все суета».

Все-таки, как ни крути, а терпение – добродетель.

Ну а что тут поделаешь? Люди. Тем более «наши», привычные к ненавязчивому сервису. Вечно живущие под «дамокловым мечом», опасением опоздать к раздаче. Тут и женская особая активность понятна. «Лучшие» наши меркантильнее, бытовей. Острее, наверное, чувствующие ответственность за обустройство конкретной судьбы, семьи... а не за мир в целом. Им еще суп, может, варить, а не последними новостями в телевизоре интересоваться.

Все понятно. И все же бывает печально все это видеть.

Глава девятая.

Яблоки на снегу

Предновогодний базар. Хожу по рядам, непрерывно шупая в кармане жалкую наличность. Денег кот наплакал. Да еще тот кот, что скуп на слезу. А продавцы как с цепи сорвались, заломили «праздничные» цены, не подступиться.

– Ругаюсь про себя. А может, уже и не про себя. Может, уже и вслух, может, это мне только кажется, что про себя. Ну, вот то же самое вчера, в два раза дешевле! Да после-

завтра же отладите за то, что я хочу! Но сегодня три шкуры дерут идола.

Внутри меня пожар. Закипело все, что накопилось за прошлый год.

Все мои личные обиды, неудачи последнего времени, захлестнули и уж «горлом пошли» было...

И тут продавец слева от меня сделал неловкое движение и яблочную пирамиду, тщательно им же выстраиваемую, обрушил вниз, с прилавка. В раскисший, смешанный с грязью ташкентский снег. Ну (хотите верьте, хотите нет) произвольное движение – кинулся подымать. Что-то от Д'Артаньянов есть в нас все-таки. Неистребимое и нечаянное. Тем более, что ему, бедолаге, на внешнюю сторону прилавка не перебраться никак! Аншлаг, блин, полный. И для покупателей, и для продавцов. Передаю ему сердешному яблоко, и тут мы встречаемся глазами. Я и задубевший на сыром промозглом ветру мужичок. Дехканин, по-нашему, по-восточному. Улыбается виновато, неловко ему как будто, что я, ПОКУПАТЕЛЬ, ему, ПРОДАВЦУ, помогаю.

– Рахмат, ака, – говорит. А голос срывающийся, то ли от волнения, а, верней, от хронической простуженности. И становится мне как-то неловко за свои злобные думы.

– С Наступающим, уважаемый, – отвечаю и продолжаю подавать ему яблоки.

Собрали все. Другие торгаши помогли. Тоже, надо сказать, довольно удивленные моим неординарным поступком.

В оконцовке облагодетельствованный протянул мне яблоко, тщательно обтерев его о собственную засаленную весьма фуфайку, и сказал почти нежно: – Спасибо, брат.

И как-то лучше сделалось на душе, добрее и праздничней. Новогодней даже как-то.

Приложения к главе десятой.

№ 1. Подсознательное.

Продавцы в Ташкенте по большей части из коренного населения, торговля одна из национальных традиций. А вот ценники им приходится иногда писать и по-русски. Рыночная экономика в действии. Город-то интернациональный. Ошибки в написании поэтому дело вполне объяснимое. Но как блестяще иллюстрируют они подсознательное отношение к поименованным предметам! Ну, например, «БАРАНЬИ РЕБРЮШКИ».

Чувствуете, как брызжет сок от бумажной этикетки? Какое нежное, пиететное, я бы даже сказал, отношение к банальному продукту!

Или: «СЛИВОЧНАЯ МАСЛА»

Это ж просто не всякий любящий сын с подобной интонацией к обожаемой мамаше обращается.

Каково, а?!

Или вот немножко другой случай: Пожилой мужчина, в подземном переходе продает хрен. В смысле корни растения, используемые для приготовления острых приправ. Перед ним товар, разложенный кучками, и кусок гофрокартона. На нем написано крупно «ХРЕН», и далее изготовитель, видимо, охваченный сомнениями по поводу благозвучности надписи, добавил чуть ниже через дефис уже мелко, (места-то на картоне почти не осталось) «ОК».

№ 2. Зима.

На базаре. Ряды, отведенные под торговлю бобовыми. На прилавках манящие россыпи круглого и продолговатого, большого и маленького, зеленого, белого, красного, желтого... Фасоль, горох, маш. Рядом сухофрукты. Залежи кураги, кишмиша, всевозможных орешков. Десятки сортов, сотни оттенков. Здесь я бросаю перо, предварительно расписавшись в собственном бессилии. Ну нету у меня таких талантов – цветовая гамма всего этого великолепия просто неопишима. Продавцы заывают всюю всякого попавшего в их поле зрения, но чаще безуспешно. Дорого.

От нечего делать, да и для согрева часто пьют чай, все вместе, компанией. И вот в такие моменты, когда большая часть из них удаляется от своего товара, сверху, вдруг, словно стая пацанов на чужой огороде, на пестрые россыпи камнепадом обрушиваются горяшки. Среднеазиатские дикие голуби.

Летом пиши достаточно всюду, зимой похуже и чаще жмутся птицы к базарам, где крулый год изобилие. Ухватывают, кому что попало, и взмывают вверх, сопровождаемые громовыми проклятиями продавцов и смехом оказавшихся свидетелями этого зрелища покупателей.

Глава десятая.

Наверное, не последняя

У магазинчика в маленьком микрорайоне на окраине города припарковались двое. Пожилой водитель на автомобиле «Москвич» системы «пирожок» привез свежий хлеб в буханках. А местный коммивояжер на старой детской коляске, от которой оставлен только каркас, куда и водружен широкий самодельный деревянный поддон – хлеб восточный. «Иссык нон» горячие лепешки. В узбекском языке, кстати, нет по отношению к хлебу понятия «свежий», а только «горячий». В смысле, первой и единственной свежести.

Внутри уже похмеляются окрестные алкоголики, наглядно демонстрируя весь опыт, приобретенный в этой области в ушедшем столетии.

150 водки плюс пиво, конечно.

Бормотуха по риску и водкой до края долить, безусловно.

Стакан бормотухи плюс пиво три глотка сразу, а допить потихонечку.

Водка с соком, минеральной водой (нужное оплатить).

Просто бутылка айрана – ответственный человек.

Раз – сто, два – сто. Нет. Ему не удастся, хоть он хорохорится и говорит: Все!!! Именно так – с тремя восклицательными знаками.

Рядом с магазином небольшая крытая терраска. Несколько четырехэтажек, составляющих наш микрорайончик, заселены, в основном, недавними деревенскими узбекскими хлопцами, слегка разбавленными европейцами. Все мы когда-то работали в одном РСУ, от него здесь квартиры и получили. Так что у нас тут небольшой несколько вертикальный кишлак. Все друг друга хорошо знают.

А вот терраска, к которой мы теперь вернемся, замечательна тем, что в самое жаркое время года вечерняя прохлада посещает ее первой. Так что после шести вечера здесь весьма оживленно.

Значительная часть местного мужского населения после трудового дня собирается здесь. Сплетничают, беседуют, случается, и скандалят. Все как в любой деревне.

Выпивают, естественно, для оживления беседы. Наиболее наоживлявшиеся – это как раз те, утренние посетители.

А мне тут нравится, распечатав новый текст, посидеть «попереваривать» написанное. У Льва Толстого в «Казаках» есть такая сцена: К главному герою Оленину, русскому дворянину, отправившемуся на Кавказ с целью переосмысления своей непутевой жизни, приходит его местный друг старый казак дед Ерощка.

Увидев, что Оленин пишет, он огорчился.

– Пиши, пиши, отец мой, – сказал он шепотом, как будто предполагал, что какой-нибудь дух сидит между ними и бумагой, и, боясь спугнуть его, без шума потихоньку сел на пол. ...

Оленин еще раз взглянул на него, усмехнулся и продолжал писать.

Улыбка ободрила старика.

– Ну, брось, отец мой! Брось! – сказал он вдруг решительно. – Ну обидели тебя, брось их, плюнь! Ну что, пишешь, пишешь! Что толку?

Передразнивая Оленина, постукивая своими толстыми пальцами по полу и изогнув свою толстую рожу в презрительную гримасу:

– Что кляузы писать? Гуляй лучше, будь молодец!

О писании в его голове не умещалось другого понятия, кроме как о вредной кляузе.

Как это похоже на мою реальность! У меня здесь своих «ерошек» – хоть отбавь.

Сижу, пописываю, послушиваю, подсматриваю. Правда, нынче это уже несколько сложнее: нынче о том, что «Саша акия писател» знает вся махалля. Но да ведь и это не без приятности.

Приложение к главе десятой.

Писател.

Однажды меня узнали. Воскресным утром я по обыкновению «делал базар», то есть затаривал продукты на грядущую неделю. По завершении процедуры традиционный ритуал: в открытом кафе на выходе с базара – сто водки плюс пиво и пописать (с ударением на третьем слоге...). Напротив устроилась узбечка лет тридцати. Лепешка, каймак, чай.

Здесьняя видать, базарная. На ногах, наверняка, часов с шести, для нее это уже и не завтрак, а скорее обед был. Так вот, присела она за мой столик и робко (прекрасная женская робость, едва сохранившаяся в местных дамах и уже совершенно утраченная их европейскими сестрами) украдкой наблюдала за мной, ожесточенно строчащим в блокноте. А потом, пересилив-таки очевидный испуг, все-таки спросила: «Ви писател?»

Я едва не прослезился.

– Да – говорю – вроде того.

Эпилог, который на самом деле таковым не является

Я не родился здесь. Больше того, я родился не здесь, а за тысячи километров отсюда. Но здесь, в этом городе, я рос, учился и женился. Здесь родились мои дети. Здесь стоят дома, которые я строил, а в здешних журналах иногда печатают то, что я пишу.

Здесь живут люди, которых я люблю. Я пустил здесь корни. Я коренной ташкентец. Поэтому, когда мне говорят, что надо уезжать – я не понимаю, зачем и не знаю, куда. Я здесь живу и люблю этот город не меньше любого другого. Город, в котором весна начинается в феврале, а когда начинается зима, не знает никто, включая аксакалов. Город, где на базаре вас могут серьезно спросить: «Вас обсчитать или обвесить». Город, где к мужчинам обращаются «брат», а к женщинам «сестра». Где «хоп майли» – это по-русски, а «кушай на здоровье» – по-узбекски. Где можно выпить и закусить через каждые сто метров, в центре через пятьдесят, и все это круглосуточно и круглогодично. А небо здесь!!!...

Тут я сделаю еще одно, последнее почти лирическое отступление. В моем городе широко приветствуют друг друга, прикладывая ладонь правой руки к сердцу. Это восточное выражение крайнего почтения и уважения. При этом, конечно, совсем не обязательно, что вас так уж безмерно уважают. Но...

Подумалось вдруг: – Отчего это мы так скупимся на улыбки и добрые жесты? Нехорошо это.

Впрочем, продолжим, вернее сказать, закончим наш эпилог, на чем я там остановился, а...

... а небо здесь голубое до звона в ушах и рези в глазах. А сам город белорозовый весной и зеленый летом, а другие времена года почти не заметны. Здесь тысячи фонтанов бьют в десятках направлений, странным образом никогда не попадая в вечно сухие арыки. Здесь суперсовременные гостиницы, заселенные иностранцами уживаются с архаичными глинобитками и панельными многоэтажками набитыми «своими». Он очень разный этот город, да и как же иначе? Ведь здесь два миллиона по прописке и еще столько же просто проживающих. Он цветной и многонациональный, и я думаю, что это хорошо. И вряд ли кто убедит меня в обратном. Это наш город! Это мой город! Но я не претендую на монополию и того же жду от остальных. Ведь мы живем в городе, у которого есть своя история, не имеющая, как известно, сослагательного наклонения. Ее нужно просто продолжать и любить. И лучше всем, сообща. Как говорят в этом городе «хашаром».

Концептосфера имени Соня (Софья) в русской литературе

Концепт – идеальное образование, понимаемое вслед за А.Вежицкой как национально обусловленные идеи фрагментов мира, «подведенные под один знак и предопределяющие бытие знака как известной когнитивной структуры».¹ Значение знака носит обусловленный характер: универсальный, региональный, национальный, социальный, индивидуальный.² На наш взгляд, в художественном произведении на первый план в значении знака выдвигается его индивидуальная характеристика. Именно поэтому имеет смысл говорить о концептуальной системе писателя, которая выявляется в результате анализа.

Имя Софья (Соня) глубинное по содержанию концептосферы. Проследим это утверждение на примере произведений русской литературы трех веков.

В «Недоросле» Д.Фонвизина, пьесе XVIII века, положительной героиней является Софья (идентично Соня). Имя Софья, благодаря Фонвизину, стало одним из первых концептов большой сферы русского классицизма. Невзирая на обстоятельства, которые были «за» или «против» воли молодой девушки, например, предполагаемая женитьба на ней Скотинина, она всегда оставалась законопослушной и добропорядочной, ее образ статичен. В финале пьесы героиня получает от дядюшки высокую оценку своей добродетели и благословение на брак с возлюбленным Милоном. Конечно же, с позиций нашего времени фонвизинская героиня односторонне положительный персонаж, и тем не менее, она оставила в истории XVIII века свое имя, которое сопрягалось с культурной тематикой добродетельности.

На смену литературным штампам XVIII в. приходят живые характеры XIX в. Совсем иной показана Софья в комедии А.Грибоедова «Горе от ума». Она значительно отличается от героини в «Недоросле». Не принимая жесткую критику окружающего мира Чацким, она оказалась обманутой в своем доверии к Молчалину. Любовь к лстивому угоднику толкает Софью к ошибочному выбору, чего не могло случиться с фонвизинской героиней из «Недоросля».

Восемнадцатилетняя Софья мечтала о своем Доме, где должны были быть честные нравы, счастливая любовь, дру-

**Анастасия
ХАВАНСКАЯ**

В 2013 г. окончила магистратуру Национального университета Узбекистана. Преподаватель Наманганского государственного университета.

В журнале «Звезда Востока» публикуется впервые.

¹ Вежицкая А. Язык. Познание. Культура. - М., 1996. - С. 101.

² Салмина Д.М. Коммуникация. Язык. Мышление. - Казань, 2001. - С. 70-72.

жеское окружение, красивый быт. По сути такой концептуальный дом от Бога является женским идеалом. Ошибка Чацкого была в неприятии такого Дома. Его замыслы уходили в совсем иные сферы бытия, далекие от идеалов Софьи. Отдельными чертами своей натуры Софья близка Чацкому, но в конечном итоге оказывается его антиподом. Это противоречие делает Софью одним из новаторских образов в русской литературе.

Еще более очевидна трансформация имен: Софья – Соня в «Войне и мире» Л.Н.Толстого. В русской художественной литературе оба имени идентичны, при этом имеются отличия принципиального характера. Софья более тяготеет к иудейской религии, Соня – имя православного происхождения. Эти женские имена присутствуют в русском культурном контексте на широком концептуальном фоне.

Сонечка Толстого – бедная родственница, с детства проживающая в роли приживалки в доме Ростовых. Она фактически чужая, но вопреки своей судьбе, девушка ловко приспосабливается к нравам графской семьи. Со всей своей внешней положительностью она не дотягивает до идеальной героини, ей не хватает живости и индивидуальности, она слишком приземлена и проста. Как мы знаем, Толстой в образах своих героев противопоставляет внутреннюю красоту внешней. Душевная красота, преданность и верность — вот что больше всего ценил писатель в «хранительнице очага», чему не соответствовала героиня романа.

Мечта Сони – стать женой Николая, старшего сына Ростовых, не из любви к нему, не из желания обрести свой духовный и конкретный Дом, сколько из гипертрофированного стремления повысить статус своего благополучия. Автор в финале повествования наказывает Сонечку за эгоизм. В эпилоге она выступает в роли приживалки, владеющей лишь одной комнатой в большом Доме Ростовых. Ее негативный образ является развернутым концептом эгоизма в числе других составляющих концептосферу «Мира» Ростовых.

В романе Ф.Достоевского «Преступление и наказание» представлен позитивно-возвышенный образ Сонечки. Внешне маловыразительная девушка обладает мощным характером. Ее поступок – выход на панель – реализация себя «на очень сложных путях идеологической мысли совершения преступления или подвига»¹ доминирует над другими литературными Сонечками. Ее главное отличие – близость к Богу. Она уверена – Бог не осуждает, а страдает и принимает все события ее тяжелой судьбы.

У Сони Мармеладовой так и не сложился свой Дом, но в персонифицированном значении у нее есть свой духовный «Дом», в гармонии которого явно были задействованы божественные силы. Гуманистический образ Сони – образ истинной христианки и праведницы. По ее мнению, нет такого человека на Земле, который бы имел право осуждать себе подобных, решать их судьбу. Взгляды самого писателя отражаются в жизненной позиции девушки. Концептосфера данного имени обогащается гуманистическими началами: вера в добро, справедливость, всепрощение и смирение, но, прежде всего, любовь к человеку, каким бы он ни был, немаловажен факт, что героиня в отличие от ранее рассмотренных представляет низшее сословие.

В русской литературе ни одно имя не было столь значимо как Соня-Софья, в переводе с латинского означающее «мудрость». Л.Улицкая в конце XX века создала еще один образ Сонечки, который уместно вписался в широкую концептосферу героинь с этим именем. Уменьшительно-ласкательная форма имени преобладает на всем протяжении одноименной повести, имя Соня употребляется автором лишь несколько раз, а полное имя Софья Иосифовна, указывающее исключительно лишь на преклонный возраст героини и ни на что больше, появляется лишь в самом конце повести. Имя Сонечка – знак совершенно не меняющейся души, внутреннего мира героини вопреки внешним «телесным» изменениям.

В начале рассказа о жизненной истории своей героини Л.Улицкая настойчиво подчеркивает ее некрасивость: нос – картошкой, высокая и сутулая, худая, но

¹ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. - М., 1972. - С. 101.

при этом имелась большая «бабья грудь».¹ Незавидная внешность вовсе не угнетала Сонечку. Она с детства имела свое духовное пространство, свое любимое занятия – чтение книг. «На просторах великой литературы» (4) она спасала свою душу. Разные сферы бытия Сонечки заполняли добродетельностью. Книги привели ее к счастливому событию в жизни. Во время войны, в подвале эвакуированной библиотеки Сонечка встретила спутника жизни – Роберта Викторовича. Любовь к нему заполнила до предела душу, заслонила от всех тревог их общего бытия.

Другим счастливым концептом ее реального мира было рождение дочери. Любовь – Ребенок – Дом стали основными сферами ее Жизни. «Все у Сонечки изменилось так полно и глубоко» (16) – отмечает автор повести.

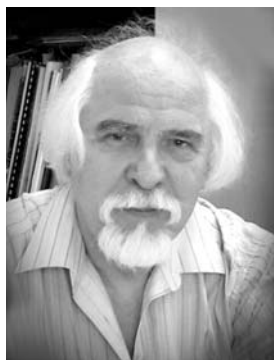
Рассмотрим градацию концепта «Дом» в долгом житии Сонечки. Сначала была квартира родителей, которая мало чем отличалась от других в сталинских временах. Затем, в военное время ее домом стал подвал в провинциальном Зауральском городке. После войны она с мужем и Таней проживали в маленькой комнате «с окнами во двор». Позже судьба осчастливила семью Сонечки просторной квартирой в центре Москвы. Каждый из домочадцев имел свою комнату. Общий просторный зал объединял всех за вечерним ужином. Это было самым счастливым временем для семьи.

Современем благополучиерухнуло: уехала дочь, скончался муж, дом пошел под нос.

Другая квартира на третьем этаже в пятиэтажной хрущевке на окраине Москвы стала для Сонечки одиноким пристанищем. И снова только книги спасали ее, помогали выжить. Родительский Дом, подвал военной эпохи, комната в коммуналке, дом в Петровском парке, хрущевка – все сфокусировалось в концептах составляющих концептосферу сонечкиного жизненного пространства.

Таким образом, Л. Улицкая насыщает концептосферу имени Соня (Софья) не только общечеловеческими, но и исключительно женскими понятиями как дом, семья, дети, счастье, причем, трагедийно-философскими. Пожалуй, наиболее близки духовно героиня Достоевского и Л. Улицкой. Их концептосферы драматичны и схожи общими признаками всепрощения, гуманности и любви к близким и имеют функциональное содержание.

¹ Улицкая Л. Сонечка. - М., 2007. - С. 9. Далее даются сноски на этот текст. В скобках после цитирования даются указания на страницу текста.

Владимир ВАСИЛЬЕВ

Родился в 1948 году в г.Рыбинске. Писатель, поэт, член Союза писателей Узбекистана, кандидат технических наук. Печатался в антологии "Легенда о серебряном человеке", в сборниках «Листья травы», «Магический треугольник», «Операция „Биомен“», «Зона молчания». Автор поэтических сборников «Полет стрелы», «Встреча»; и романов "Гостиница", "Наука как наука", "Тьма не объяла его". Лауреат премии «Интерпресскон-91».

Чалма Искандера

(Альтернативная история)

Николай Константинович устал от немочи своего двухметрового тела. Изнемог! С октября 1916-го, будто гигантская незримая пиявка присосалась к нему, деловито высасывая жизненные силы. И доктор Боровский Петр Фокич вроде толков да уважаем, но ежели Господь кого решил призвать, так разве ж лекарь ему помеха? Было еще столько планов: и в Голодной степи замышлялось продолжить ирригационные работы, увеличить число русских поселков с десятка дюжин до пары сотен, и по развитию университета, и хлопко- и маслозаводы заботы требовали. И вдруг стало ни до чего.

Бессилие унизительно для мятежного духа великокняжеского! Почти столь же, как давнее незаживаемое, когда над ним, запеленатым в смирительную рубашку, куражились солдаты-охранники, то поколачивая неприметно, ибо приказа к рукоприкладству не было, то предлагая царевичу детские игрушки, то оскорбляя словом матерным, хотя вчера еще это было для них немыслимо. Зато, какое удовольствие нынче! Уж лучше было на каторгу.

Впрочем, это унижения внешние, гораздо больней ранила уверенность родителей в том, что он мог украсть эти презренные бриллианты: и великого князя Константина Николаевича, позволившего допрос и участвовавшего в нем, и матушки Александры Иосифовны, инициировавшей расследование. А если ими двигала не уверенность, а покорность злой воле Александра II – так это еще горше и обидней! Император не желал терпеть вблизи трона родственника, искренне и открыто считавшего, что не Александру по всем законам престолонаследия должен принадлежать трон российский, а дяде Николаю Константиновичу великому князю Николаю Николаевичу Романову, генералу-фельдмаршалу и полному георгиевскому кавалеру. Дядю он величал Николаем II, а себя – Николаем III как главного претендента на российскую корону. Так и подписывался: «В.к. Николай III».

Бог им судья, а он давно простил, более того, искренне жалел царственных невольников Императорского дома. И в первую очередь, нет, во вторую, он поднял красный флаг над своим домом не в честь победы Февральской революции, а в честь освобождения родственников своих, молодых и не очень. Родители-то давно уж отошли в мир иной. В первую очередь, он радовался, конечно же, собственному освобождению: более императорская семья была над ним не властна. Отречение двоюродного племянничка, подтвердившего ссылку, не могло не пролиться живительным бальзамом на душу изгнанника. Хотя и в ссылке он жил, как хотел, в пределах дозволенного, разумеется. И хворей никогда не жаловал. Ан достали...

Правда, надо признать, что духовный подъем, вызванный

крушением монархии и собственным освобождением, резко улучшил его физическое самочувствие. И планы принялись громоздиться, и кровь вдруг вскипела, к подвигам призывая. Опять задумался о благоустройстве селения Искандер в Ташкентском уезде неподалеку от Газалкента, запланировал продолжить археологические раскопки кургана, надеясь развить первую удачу – древнее оружие и утварь украсили его коллекцию. Дарьюшку Часовитину, вторую супругу свою (не венчанную) перевез из дома в Шелковичном переулке за крепостью в Искандер вместе с их общей дочкой тоже Дарьюшкой целебным горным воздухом подышать да красотами полюбоваться, ну, и дом вести, разумеется. Княгиня Надежда не очень-то имение в Искандере привечала, ссылаясь на заботы в городском дворце. Хотя иногда осчастлививала приездом. Его женщины любимого на части не рвали, зато и он их всей душой любил.

Однако за неделю вызрело зерно, что упало в душу сразу, как узнал о конце монархии – в один день собрался Николай Константинович, оставив дом на жен, сел в поезд, да и поехал в Санкт-Петербург, то бишь в Петроград (тьфу ты, язык сломаешь: тр-гр...), втайне опасаясь – не остановит ли кто, но не остановили, даже не сразу заметили отсутствие, потому что привыкли к его перемещениям по Туркестану.

Под перестук вагонных колес в князе просыпалось странное чувство легкой гордости собой: в 1878 году он опубликовал в Оренбурге брошюру «О выборе кратчайшего направления Среднеазиатской железной дороги» и послал в Петербург доклад. Идея была признана нерентабельной. Но в 1906 году сделали так, как он предлагал, разумеется, без признания его заслуг и имени. И никто из многочисленных попутчиков не ведал, чья овеществленная идея их сейчас перемешает в пространстве. Бог счет ведет не именам, а делам – по ним и зачтется.

Петербург встретил липким холодом. И в Туркестане, особенно в горах, да и в пустынях, бывают крепкие морозы, но они переносятся гораздо легче здешних сырых и промозглых. А может, и не мороз это, а внутренний холод от ошущения прошедшей жизни. Сорок три года здесь не был. Интересно, не соскоблили его имя с мраморной доски Академии генштаба, куда заносили окончивших ее с медалью? И он за серебряную удостоился – единственный из царской семьи. Надо будет наведаться, дабы удостовериться в реальности воспоминаний. И в Петропавловскую крепость обязательно, в усыпальницу родителей. Впрочем, скоро, возможно, на том свете встреча состоится. Хотя ему, скорей всего, уготован путь в ад, а родители, надеялся он, в раю приняты.

«Астория» его поразила – показалась каменным кораблем, рассекающим городские волны. Это уже был не его Петербург. Внутри гостиницы князя гостеприимно объяла вполне европейская роскошь. Снял апартаменты «люкс». Назвался Искандером. Скинув пальто и шапку и стянув сапоги, откинулся на спину в кровати, желая перевести дух и расслабить уставшие с дороги члены, да тут же и заснул. Ничего во сне не увидел – слишком велико оказалось утомление: шестьдесят семь это вам не семнадцать.

Проснулся, когда сумрак уже лениво облизывал окна. Принял ванну, оделся в свежее и спустился в ресторан, чувствуя зверский голод. Не мудрено – с Москвы на сухомятке.

Бросилось в глаза множество офицеров: революция – время военных.

От первого же бокала шампанского наступило приятное расслабление, на мгновение почудилось, будто домой вернулся. Но лишь на мгновение: внезапно он поймал на себе взгляд генерала, не узнать которого было невозможно – он сам когда-то называл его «полуказак-полуказах» – Лавр Георгиевич Корнилов, выпускник той же академии, что и сам великий князь, и с теми же результатами, отмеченными на мраморной доске. Это их и сблизило в Ташкенте в 1898 году, а потом сказались общие географические исследовательские интересы, вызвавшие немало увлекательнейших обсуждений. Жаль, в 1904 году общение прервалось.

Корнилов решительно шагнул к столу князя. Николай Константинович с улыбкой поднялся навстречу.

– Вы свободны! – отослал генерал сопровождающих. – Николай Константинович, если не обознался? – уточнил Корнилов.

– Он самый, – скривил губы великий князь, – несмываемый позор императорского дома.

– Полноте, дорогой Искандер, – нетерпеливо мотнул головой генерал. – Мы-то с вами знаем, что ваша история – хорошо организованная провокация английской разведки. Уж поверьте старому шпиону. Вашему высокому родственнику было очень выгодно поддаться на эту провокацию.

– Но это известно лишь нам с вами, – посетовал Николай Константинович, отметив про себя осторожное обращение Корнилова.

– Достаточно для взаимного уважения, – подвел черту Корнилов. – У каждого своя роль в истории. Вы свою отыграли блестяще, но занавес еще не опущен. Чует мое сердце, что за вами еще один выход.

– Не понял насчет выхода? – удивился Николай Константинович, давно уже не помышлявший об исторической сцене.

– Все в руках Бога, – без улыбки ответил Корнилов.

– За встречу! – предложил Великий князь.

– За встречу! – поднял бокал генерал. – Не чаял, честно признаюсь. Каким ветром вас сюда принесло?

– Историческим, – улыбнулся Николай Константинович. – Впервые за сорок три года получил возможность... Могилу родителей посетить захотелось...

– Зная вас, уверен, что вы задумали вернуться в Санкт-Петербург, – разгадал замысел собеседника опытный контрразведчик.

– Мы давно не виделись, – покачал головой Великий князь. – Уже слишком много жизни вложено в Туркестан, чтобы бежать сюда, где меня не ждут. Скорее, захотелось увидеть, всколыхнуть в душе, да и проверить – имею ли право.

– Боюсь, что очень вас здесь ждут, – без улыбки, но с мрачным намеком прокомментировал генерал. – И совсем не те, от кого бы вам хотелось почувствовать ожидание. Обезумевший народ не ждет, и родственникам сейчас не до вас, как, впрочем, и всегда.

– Кто же меня ждет?

– Да будет вам известно, что 3 марта принято решение об аресте всех членов династии Романовых. Решение приведено в исполнение. Я лично как Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа объявил пятого марта императрице Александре Федоровне об аресте ее семьи и лично ее. В настоящее время все Романовы, пребывающие в России, арестованы. Я участвовал в сем неприятном мероприятии с тем прицелом, что сейчас это может обеспечить безопасность императорской семьи. Во всяком случае, я могу ее обеспечить. Все революции в первую очередь проливали кровь монархов. Народы испытывают от этого особое удовольствие, ибо в остальное время монархи распоряжаются их жизнями.

– Экие дела творятся, пока я путешествую, – вздохнул Великий князь. – Мои сыновья еще свободны? Они в действующей армии.

– Они Искандеры, – исчерпывающе ответил Корнилов.

– Я тоже Искандер, – усмехнулся Николай Константинович.

– Не обманывайтесь, – отверг посыл скромности генерал. – Вы до мозга костей Романов. Возможно, даже более чем все прочие ныне здравствующие. Даю свою дурную голову на отсечение, что вы не отказались бы от исторической ноши, как ваши родственники, несмотря на ваши прогрессивные взгляды и негативное отношение к монархии.

– Почему вы так считаете? – удивился князь.

– Потому что любящий отец никогда не допустит, чтобы одурманенный сын кончил жизнь самоубийством. А русский народ сейчас именно этим самозабвенно и занят. Если не будет царя, то появится диктатор, несколько диктаторов, которые в междоусобной войне за власть погубят народ. Лучшую его часть, способную на подвиг и благородство.

– Так вы меня арестуете? – улыбнулся беззаботно Николай Константинович. – Во исполнение решения вашего правительства.

– О, нет! – серьезно ответил Корнилов. – Я очень надеюсь на ваш выход в заключительном акте этой пьесы под названием человеческая комедия. А потому лично

препровожу вас на поезд и прослежу, чтобы вы благополучно добрались до дома. Кстати, как там мой братец поживает?

– Петр Георгиевич-то? Да пока отлично! Мы с ним дружны. Кстати, совсем я обеспамятел – он же вам самые горячие приветы передавал, сказывал, что скучает, свидеться мечтает. Если бы случай сегодня нас не свел, искал бы вас.

– Все в руках божьих. И случаи в том числе...

– Планировал с Керенским свидеться, – признался князь. – В Ташкенте мы дружны были.

– Не советую, – нахмурился Корнилов. Он сильно изменился. Не всякий власть выдерживает, большинство себя теряют. – Адвокат, – брезгливо поморщился генерал, – к тому же, член Петросовета. Он и принимал решение о Романовых.

Из ресторана они на экипаже Корнилова – авто генерал не уважал – отправились в Великняжескую усыпальницу в Петропавловской крепости. Несмотря на поздний час, все ворота и двери моментально распахивались перед Верховным главнокомандующим.

Постояли, помолчали. Да и что тут скажешь? Слова бессильны перед вечностью. Только опять заledenело внутри, и дышать трудно стало.

Корнилов почувствовал его состояние и шепнул:

– Пошли, великий князь, пора.

И под руку взял, потянув настойчиво. Николай Константинович подчинился, ощутив слабость и растерянность, для него обычно нехарактерную.

Они не спеша проехали по ночному Петербургу. Почти не разговаривали. Все было сказано, оба прекрасно умели читать молчание. Лавр Георгиевич довел великого князя до номера, на минуту вошел, крепко обнял и сказал тихо:

– Берегите себя, я в вас верю. Держите со мной связь через брата Петра. Прошайте, даст Бог, свидимся. Утром вас проводят на поезд. И ушел.

Утром действительно его проводили до поезда и занесли вещи в купе. Быстротечным оказалось свидание с Петербургом.

Дальнейшее мутное брожение власти, которое он наблюдал уже в Ташкенте, исторического восторга великого князя, и так почти иссякнувшего после свидания с Петербургом, изрядно поубавило, хотя он и старался держать дистанцию – привычка быть в стороне от политики стала даже не второй, а основной его натурой. Великий князь давно понял, что конкретные дела по преобразованию мира и жизни к лучшему достойней политических потуг. Конкретными делами и занимался, перемещаясь между Искандером и «Золотой Ордой» в Голодной степи, где проложил на свои деньги канал от Джизака до Бекабада. В Ташкенте предпочитал не задерживаться. Понимал, что идет грызнья за власть, которую он презирал.

Однако уши не заткнешь и глаза не закроешь, да и пытаться отучить себя думать – пустое занятие. Впрочем, его мрачно позабавили июльские события в Санкт-Петербурге, закончившиеся отставкой 7 июля главы Временного правительства князя Львова и назначением на пост министра Александра Федоровича Керенского – Ташкент во главе России! Некая провинциальная гордость слегка трепыхнулась в груди – мол, знай наших! Однако диагноз Корнилова быстро это глупое чувство пригасил. Впрочем, и Лавр Георгиевич Ташкенту не чужд. А он уже Верховный главнокомандующий.

К сожалению, в Петербурге булькало, а вонь доносилась и до Ташкента: пришла радиограмма Керенского, в которой он называл Корнилова «мятежником и изменником». Похоже, происходило именно то, что прогнозировал умнейший Лавр Георгиевич.

В сентябре начались открытые стычки и провокации с целью восстановить туземное население против власти Временного правительства. Краевой Совет, представлявший оную власть, вместе с гражданским управлением Туркестана поспешно оборонялись от Революционного комитета, состоявшего из большевиков и левых эсеров. Двенадцатого сентября власть захватил Революционный комитет. Пятнадцатого она перешла обратно. Гарнизон, верный Временному правительству, находился на казарменном положении в крепости, хотя и там артиллерийская рота была настроена неоднозначно и, пустив в ход пушки и пулеметы, могла в короткий срок изменить ситуацию.

Николай Константинович несколько лет назад говорил сыну Александру, что не дело держать крепость в центре города – слишком она опасна и роль ее непредсказуема: кто владеет крепостью, тот владеет городом. Нынешние события подтверждали его мнение.

В последних числах сентября в Ташкент стала прибывать военная экспедиция Временного правительства под командованием генерала Коровиченко Павла Александровича.

Все стороны противостояния полагали, что генерал немедленно прикажет мятежным войскам сдать оружие и, в случае неповиновения, принудит их. Отряду из Оренбургского казачьего полка, четырех маршевых эскадронов драгун и гусар, пулеметной роты из Ораниенбаума и двух бронированных автомобилей это было вполне по силам. Однако генерал Коровиченко повел себя странно: он считал возможным, не имея к тому ни малейших оснований, уговорить мятежников даже без разоружения их. Началась череда стратегических и тактических глупостей, как квалифицировал действия генерала великий князь позже, когда уже стала очевидной причина «странностей». Она состояла в том, что, будучи близким другом Керенского, Павел Александрович, скоропалительно став генерал-майором, оставался до мозга костей адвокатом, каковым и был всю свою жизнь. Единственное его боевое задание состояло в охране арестованного семейства бывшего императора Николая II в Царском Селе. И в Ташкенте он вместо того, чтобы решительно арестовать верхушку, а массы мятежников разоружить, начал привычный «судебный процесс», надеясь уговорить их, как присяжных в зале суда. Не понял юрист, что революции и мятежи законов не признают.

К четырнадцатому октября обострилось противостояние в крепости: артиллерийская рота демонстративно направила орудия на казармы верного правительству гарнизона. Генералу пришлось применить силу для разоружения роты, что, несмотря на отсутствие потерь, привело к возмущению в мятежных полках. Закончилось все запоздалой попыткой разоружить мятежников, которые, обнаглев, разоружаться не пожелали и вступили в открытое противостояние. Обманным путем (предложив перемирие и нарушив его) выбили инициативу у отрядов генерала Коровиченко, послали якобы мирную делегацию от населения во главе с настоятелем вокзальной церкви и потребовали прекратить кровопролитие. Генерал склонился заключить с большевиками мир, несмотря на возражения своих офицеров, решившихся сместить его с поста. Тогда генерал Коровиченко приравнял их неповиновение к измене присяге. Подчинились... раскрыли ворота и через несколько минут были арестованы. Коровиченко отправлен на крепостную гауптвахту, остальных «погнаги» под конвоем в казармы 2-го полка.

В городе началась охота на офицеров и кадетов, присоединившихся к отряду.

С 1 ноября большевики закрепили свою власть в Ташкенте и в других городах Туркестана.

Тяжелей всего на Николая Константиновича подействовал рассказ об издевательствах над генералом Коровиченко, оставленном в крепостной гауптвахте на потеху черни, приходившей ежедневно специально для того, чтобы плюнуть сквозь решетку в «зверя». Через неделю кто-то под улюлюканье зевак ткнул его штыком и, хотя по требованию коменданта крепости унтер-офицера Якименко была сделана перевязка, доступ в «зоопарк» продолжался, что не могло закончиться добром – еще через неделю издевательства генерала в буквальном смысле растерзала перевозбужденная насилием толпа.

Это болезненно напомнило Николаю Константиновичу давний эпизод жизни с его собственным пребыванием в смиренной рубашке в камере, где над ним издевались неумолимые в садистских фантазиях солдаты-охранники. Великий князь очень живо представил себя на месте генерала. Сначала себя, а потом и всю Россию.

Тогда-то и дал трещину стержень личности. Вернулись отступившие было хвори. Революция продолжала свою кровавую поступь, а он, зная, что не в силах ей противостоять, позволил болезни завладеть его телом.

Расстрел большевиками в Ташкенте 13 декабря стопятидесятитысячной манифестации против власти с гибелью генерала Смирницкого, многих русских офицеров и полутора сотен местных и последующие репрессии здоровья не прибавили. Гово-

рили, что полковник Бек, генерал Кияшко, присяжный поверенный Дружкин, граф Доррер были захвачены, отвезены в крепость и там зарублены шашками. Всех несчастных Николай Константинович знал лично.

С этих пор доктор Боровский вынужден был признать, что, когда большой жить не хочет, врач практически бессилён. Тут уж как Бог распорядится.

Однако Петр Фокич не привык сдаваться. Он обратился за помощью к новому – с марта занявшему пост – сорокалетнему главному врачу Ташкентской городской больницы Валентину Феликсовичу Ясенецкому-Войно, уже имевшему имя в российской медицинской среде. Несмотря на чрезвычайную занятость, доктор сразу согласился посетить пациента.

В благодарность Боровский весь долгий путь до Искандера потчевал Валентина Феликсовича подлинными историями и байками, касающимися ссыльного великого князя. Ясенецкий-Войно терпеливо слушал, при этом с большим интересом осматривая живописные окрестности, да где-то на полпути не выдержал и усмехнулся незлобиво:

– Вы, любезный Петр Фокич, расписываете мне князя, будто купец товар залежалый.

– Может, и залежалый, ибо немолод Николай Константинович, – не стал отрицать Боровский. – Только до недавнего времени его энергии иной юноша мог позавидовать! Обидно – столько добрых дел свершил, о людях заботясь: и ирригация здесь да в Голодной Степи, и предпринимательство вполне в современном буржуазном стиле – хлопкоочистительные заводы с производством масла растительного и мыла. Кинотеатр открыл – «Хива», наверняка, обратили внимание – его затея, и народный университет учредил, и стипендии для неимущих студентов назначил для учебы в Петербурге да в Москве, и археологией занялся, и предметы искусства в музей собирает – тоже для людей. Уже и завешал Ташкенту... Губернатор бывший, Куропаткин, мне сказывал. Это я к тому, что не для личного обогащения трудится, а для улучшения общей жизни. Заботится о крае, где живет.

– Ежели действительно так, то Бог его не оставит, – уверенно ответил Ясенецкий-Войно.

– Уж больно грешен великий князь для божьей зашиты, – посетовал Петр Фокич, с удивлением покосившись на спутника – молодые нынче не очень-то религиозны, да и сам, что уж греха таить, весьма поостыл в религиозном усердии, глядя на безумие человеческое. Если все по воле божьей, то воля сия доктора чрезвычайно смушала. В последнее время он склонялся к мнению, что человек предоставлен самому себе, возможно, потому и умом повредился.

– Не нам судить, что грешно, а что Богу угодно, – тихо заметил Валентин Феликсович.

– Я вам так подробно рассказывал о пациенте своем, – наконец, решил объяснить Боровский, – потому, что, на мой взгляд, он болен не столько телом, сколько духом... волю к жизни потерял, что в наше время, пожалуй, не удивительно.

– Почему же вы меня, хирурга, призвали на помощь, а не психиатра или священника? – без улыбки спросил Ясенецкий-Войно.

– Психиатрия как наука еще не возникла, на мой взгляд, – объяснил Петр Фокич. – И специалистов достойных я в Ташкенте не знаю, а мы, хирурги, лучше прочих понимаем, какова роль воли пациента к выздоровлению. Возможно, я не прав, и вы, осмотрев великого князя, найдете причину исключительно в физическом его состоянии, тогда и будем действовать соответственно.

Против ожиданий Ясенецкого-Войно «больной» встретил их у ворот одетый как раз ожидаемо экстравагантно: в толстый туземный стеганный халат-пальто (чапан, кажется, называется) и в большую меховую лисью шапку тоже местного кроя, хорошо закрывающую уши и шею сзади. В первый момент он поразил воображение гостя: громадный, не то слегка бородатый, не то сильно небритый, не то русский, не то сарт. Валентин Феликсович подумал было, что это слуга великого князя из туземцев, но Боровский, запричитав, избавил его от этой иллюзии.

– Николай Константинович! – сетовал он. – Ну, как же можно? На мороз! При ваших-то легких! Неделю назад хрипы слышались!

– Вы ж, любезный Петр Фокич, меня сами сюда на свежий горный воздух отправили эти самые легкие, будь они неладны, лечить. Вот и вылечили, – хриплым басом оправдывался он. – Тут этого лекарства на всех легочников хватит! Ждал я вас, милейший, по времени рассчитал, когда можете пожаловать, и вышел расчет проверить, – он улыбнулся, явно довольный собой.

– Позвольте представить, – вспомнил Боровский. – Новый главный врач городской больницы Валентин Феликсович Ясенецкий-Войно. Замечательный специалист!.. Его Императорское высочество Великий князь Николай Константинович Романов!

Представляемые обменялись вежливыми кивками, но князь не удержался подтрунить над доктором своим:

– Это кого же *его* я императорское высочество, Петр Фокич? Я сам свой и рад этому безмерно. Наградил Бог на старости лет, услышал мои молитвы. Я – гражданин Романов-Искандер, а можно и наоборот – Искандер-Романов. А вас, уважаемый Валентин Феликсович, только так и не иначе?

– Можно и иначе, – улыбнулся врач. – Сам подумываю иногда, что Войно-Ясенецкий, пожалуй, благозвучней. Но если уж менять имя, так кардинально.

– Ну, это артисты да литераторы псевдонимами увлекаются, – заметил князь, – а нам с вами, как родители назвали достойней зваться. Разве что фамилию удвоить, имея к тому основания.

– На все Божья воля, – повторил врач слова Корнилова. – Наше дело жить достойно Его замысла о нас.

Слуги сарты уже приняли лошадей, а хозяин пригласил гостей в дом.

Петр Фокич удивлялся неожиданной бодрости пациента. И озадаченно пожал плечами на вопросительный взгляд коллеги – ехали-то к почти безнадежному больному, а попали к весьма бодрому пожилому мужчине – никак не старичку. Однако стоящий под навесом чужой распряженный экипаж слегка объяснял ситуацию – Видимо, это гости подняли настроение.

Освободившись от зимних одежд, доктора прошли за хозяином в гостиную, где хлопотали у стола две женщины – одна лет тридцати пяти, другая – не более двадцати.

– Мои Дарьюшки, – с гордостью представил Николай Константинович.

Объяснять их статус ему и в голову не пришло – всем давно все известно.

– Пока они тут хлопочут, прошу в кабинет, – указал он путь рукой.

Валентин Феликсович с интересом рассматривал князя. Без зимней одежды он выглядел худым, но без заметной сутулости – с детства заложенная «военная выправка». Поражал совершенно лысый череп! Голова, разумеется, а не череп, но туго натянутая на нем кожа анатомических подробностей почти не скрывала. При весьма крупном носе голова имела вид скульптурный. Столь лыс уже или бреет голову по местной моде сартов? Оно и правильно: вши, плоды революций, а на лысине им не удержаться.

В кабинете навстречу входящим поднялись двое мужчин средних лет в штатском. По тому, как они это сделали, сразу стало ясно – офицеры.

– Лука Лукич Кондратович, – представился тот, что постарше, лет пятидесяти.

– Генерал-лейтенант, – добавил великий князь.

– Это лишнее, – заметил Лука Лукич. – Нет армии, нет и генерала.

– Был бы генерал, а армия найдется, – хмыкнул Николай Константинович. – Пока вас никто не разжаловал.

– Петр Георгиевич Корнилов, – сделал шаг вперед тот, что моложе, – полковник... Брат младший, – добавил он, заметив вопросительный взгляд Ясенецкого-Войно. За последний год он уже привык к подобным взглядам.

– Ясенецкий-Войно Валентин Феликсович, – представился доктор в ответ. – Главный врач ташкентской городской больницы.

Петр Фокич обменялся поклонами со старыми знакомыми.

– Присаживайтесь, господа, – радушно пригласил хозяин. – По рюмочке с морозца?

Он собственноручно наполнил хрустальные рюмки водкой и поднес гостям. Это было на самом деле неплохо и в медицинских целях, и для знакомства. Сам хозяин воздержался, заметив строгий взгляд Петра Фокича.

– Я так понимаю, что готовится дружеская трапеза? – сказал Ясенецкий-Войно. – После нее вряд ли цель нашего приезда может быть достигнута. Посему прошу простить, но мы должны внимательно осмотреть пациента. Где это удобнее сделать, Николай Константинович?

– Прошу в спальню, – кивнул князь.

Осмотр продолжался в течение часа. То один врач прислушивался к звукам организма великокняжеского, то второй, обменивались заключениями и предположениями, предпочитая латынь, по врачебной самоуверенности забыв, что Романов прекрасно знает этот мертвый, якобы, язык.

– Ну, что, уважаемые Эскулапы и Гиппократы, жить буду? – натужно весело поинтересовался Николай Константинович.

Врачи переглянулись.

– Неделю назад я бы на вас не поставил, – ответил Петр Фокич. – А сегодня вы меня поразили. Что скажете, коллега?

– Больной скорее жив, чем мертв, – усмехнулся Ясенецкий-Войно. – Ежели серьезно, я обнаружил остаточные признаки неразвившегося воспаления легких, которого вы, уважаемый Петр Фокич, опасались. На мой взгляд, опасность миновала совсем недавно. Похоже, что у Бога на вас, великий князь, особые виды. Исполняя его волю, вам предстоит жить дальше. Только угадajte, в чем Его воля.

– Воля Бога не угадывается, уголками губ улыбнулся Николай Константинович, – она неотвратима, ибо есть судьба.

– Оставим пока Господа в покое, спасибо ему, конечно, за помощь, – вмешался в назревающий теологический разговор Боровский, – но чудеса всегда имеют реальную основу. Чем и как вы лечились, дорогой князь?

– Послушно выполнял все ваши назначения, – заверил Романов. – Дарьюшки следили, не смыкая глаз. Еще местный табиб наведалься, сказал, что народ его послал, а Аллах надоумил. Уже несколько дней капли его принимаю, смола какая-то горная, отвары трав принес. Надымил тут сушеными колючками, исырк называется. Дарьюшке наказал каждое утро дымить.

– Да, запах специфический, – принялась Петр Фокич.

– А главное, наверное, – шепотом признался великий князь, – мне жить захотелось. Уже трое суток у меня господа офицеры... Я уверен, что вы с ЧК не связаны, – серьезно подчеркнул он. – Хочется признаться вам, что у меня с ними один фантастический проект, до воплощения коего я не имею права умереть.

Он с улыбкой изучил заинтересованные физиономии медиков.

– А признаться я вам должен по той причине, что необходимо ваше медицинское заключение: могу ли я принять участие в завершающей стадии этого проекта или нет.

– Врачи умеют хранить тайны, как и священники, – подтвердил Ясенецкий-Войно. – Мы внимательно вас слушаем, князь.

– Мы готовим акцию по освобождению моего двоюродного племянника и его семьи из заключения в Тобольске. Уже многое подготовлено, – сообщил князь. – Я финансирую.

– Вы?! – воскликнул Петр Фокич, не удержавшись. – После всего?

– Именно я, – кивнул великий князь, – и именно после всего. Возможно, это и есть особые виды на меня?

– Это богоугодное дело, – согласился Валентин Феликсович. – Но это не то, к чему вы призваны.

– Почему это? – обиделся Николай Константинович.

– Это исторически бесперспективно, – объяснил Ясенецкий-Войно. – С точки зрения истории, то есть Бога, ваш племянник – отработанный вариант, не справившийся со своей исторической миссией. Но это не значит, что его и особенно его семью, не надо освобождать. Обязательно надо, ибо скоро их будут убивать – исторический опыт подсказывает. Но ваша миссия иная.

– Вам-то откуда знать?! – воскликнул великий князь.

– Сон мне был... веший... Он и заставил меня срочно к вам приехать... – с расстановкой сообщил Валентин Феликсович.

– А я-то думал, что моя просьба, – удивился Петр Фокич.

– Это само собой, – кивнул коллега. – Но я и ваше приглашение воспринял как знаковое продолжение сна.

– Заинтриговали, – нервно усмехнулся Николай Константинович. – Излагайте...

– Я так понял, что вы всецело доверяете своим друзьям, что в соседней комнате? – спросил Ясенецкий-Войно.

– Всецело, – подтвердил князь.

– Тогда давайте воссоединимся с ними, и я продолжу, – предложил Валентин Феликсович.

Князь неожиданно резво встал и быстро прошел в кабинет. Врачи поспешили за ним.

– Господа! – возгласил Николай Константинович. – Любезный Валентин Феликсович имеет для нас сообщение. Прошу внимательно выслушать.

– Во-первых, я полагаю, всех интересует состояние здоровья хозяина этого гостеприимного дома. Так вот, оно далеко от идеального, но уже не внушает недавних опасений. При продолжении лечения есть серьезная надежда на полное выздоровление. С учетом возрастных изменений, разумеется. Нет так ли, коллега?

– Совершенно согласен! – решительно согласился Боровский.

– Посему пункт первый: я как врач настоятельно не рекомендую физическое участие Николая Константиновича в практической реализации вашего проекта. Его надо доверить молодым. Не обижайтесь, князь...

Князь махнул рукой.

– Пункт второй: ваш проект – акция человеколюбия и в этом качестве всемерно оправдана, хотя есть у меня подозрение, что вы придаете ей значение историческо-политическое, – продолжил Ясенецкий-Войно. – Если мои подозрения верны, то вы пытаетесь идти ложным путем. Ясно, что России в настоящий момент необходим харизматический лидер, который смог бы объединить народ, занятый самоубийством. Но тому, кто отрекся, народ уже не поверит, да и в том, что происходит, очевидна вина императора, не справившегося с ситуацией. В одну реку нельзя войти дважды... Практически все члены императорской семьи, насколько мне известно, находятся под арестом.

– Это так, – подтвердил великий князь.

– Поэтому, – продолжил Валентин Феликсович, – наш многоуважаемый Николай Константинович представляет для России особую историческую ценность... Не потому, что на безрыбье и рак – рыба, – поспешил он уточнить, заметив готовые вырваться возражения присутствующих, – а по той причине, что он не скомпрометирован, а обижен свергнутой императорской властью, он царский изгой. Обиженный народ может принять его, как своего, а тот неоспоримый факт, что Николай Константинович добровольно проявлял заботу о простом народе, как русском, так и туземном – можете не сомневаться, люди о таком всегда знают, – этот факт позволит народу зародить в душе надежду на справедливую власть, которой он, несомненно, ждет как спасения от наступившего Армагеддона. Кроме тех, кто уже потерял человеческое звание и душу, обезумев от крови и насилия, которое ныне дозволяется безнаказанно творить. Армагеддон и есть борьба Христа в нас с Антихристом.

– Вы к тому, что великий князь Николай Константинович Романов должен взойти на престол российский? – прямо поставил вопрос генерал Кондратович.

– К тому и о том, – кивнул доктор. – Мы должны просить его об этом. И уж никак не использовать в проектах по освобождению бывших монархов.

– В ваших словах чувствуется такая уверенность в правоте и праве, будто вам известна истина, – заметил полковник Корнилов, сузив и без того раскосые глаза, без раздражения, но с явным желанием услышать объяснения.

– Весть мне была, – без тени смущения ответил Ясенецкий-Войно. – Конечно, это был сон, но столь живой и убедительный, что я забыть его не могу и в деталях помню. И никогда прежде я ни о чем подобном не думал, чтобы предположить, что раздумья мои во сне реализовались. Последнее время меня больше беспокоит состояние больной жены, у которой открылся туберкулез, чем судьбы империи, уж извините, господа. А тут вдруг...

– И в чем же весть состояла? – спросил Романов.

– А в том, что венчал я вас на царство, хотя это в наших условиях право архиепископа Иннокентия. Но я знал, что он, уезжая в Москву по призыву патриарха Тихона, рукоположил меня в епископы и предоставил моему попечению Туркестанскую епархию. Не во мне суть, а в том, что я провозгласил царем Российским великого князя Николая Константиновича Романова как имеющего полное право на престол согласно всем законам престолонаследия, узаконив тем самым вашу эпатажную подпись Николай Третий. О факте такой подписи я до этого «сна» не знал. Вот и способ проверить – сон или весть! Было такое, Николай Константинович?

– Было, – кивнул великий князь, – потому что наследовать трон должен был мой дядя, а за ним я. Вот так я и расписывался:

Он подвинул к себе лист бумаги на письменном столе и расписался: «В.к. Николай III».

– Вы разве духовное лицо? – спросил генерал у Ясенецкого-Войно.

– Пока нет, – вздохнул тот, – но серьезно подумываю над этим шагом.

– Сейчас, когда такие гонения на священников? – удивился Корнилов.

– Именно сейчас и проверяется истинная вера.

– И под каким же вашим именем вы меня на царство венчали? – поинтересовался великий князь с легкой улыбкой.

– Лука, – ответил Валентин Феликсович.

– Почему Лука? – удивился Петр Фокич.

– Потому что он был не только апостолом, но и врачом, и художником. Как я. Я чувствую духовную связь с ним.

– А кто же в больнице работать будет?! – возмутился Боровский.

– Врачей много, епископов единицы, – усмехнулся Ясенецкий-Войно. – Шучу. Я не собираюсь отказывать в медицинской помощи нуждающимся в ней. Ни Бог, ни совесть не позволят. Да и сон пока далек от жизни... Что скажете, Николай Константинович?

Великий князь молчал. Сложные чувства он сейчас испытывал. С одной стороны, с юности мечтал восстановить справедливость, с другой, сейчас совершенно потерял к этому интерес. Пара попыток напомнить о себе в связи с временно пустым престолом была ироничным способом именно напомнить, а не захватить власть – смешно же с тремя тысячами казахов и парой тысяч ящичких казаков идти на Санкт-Петербург. Власти юмора не оценили, явно сильно опасаясь за престол, и сослали его в Читу. Там впервые и пошатнулось его здоровье, что аукается сейчас. С третьей стороны, доктор прав: или сейчас, или никогда. Вчера он был уверен, что никогда, а сегодня жизнь поворачивается так, что у него нет выбора.

– Я готов, негромко, но уверенно сказал он.

А в это время в Севастополе и во всех черноморских городах, начавшись в конце декабря, захлебывались офицерской кровью «матросские варфоломеевские ночи», длившиеся круглосуточно.

В палату евпаторийского госпиталя Красного Креста, где лечился поручик Александр Николаевич Искандер после тяжелого фронтового ранения с переломом обеих костей на правой ноге, вбежала сестра милосердия Женечка и закричала:

– Быстрой, быстрой, господа офицеры! Вас идут убивать! Матросы! Братишка прибежал.

Сомневаться в правдивости Женечки, да хранит ее Господь, не приходилось – давно ждали, но здоровье не позволяло покинуть этот негостеприимный край.

Команда из четырех молодых хромоногих офицеров давно уже сформировалась в госпитале – вчетвером и двинулись, кто на палку опираясь, кто на костыль.

Крым в январе – это совсем другая планета чем летом, особенно вдаль от моря. Где татары давали тайный приют, Аллах их награди, где греки, а где и неба шатер. Чудом ли, Божьим ли промыслом, но, ориентируясь по карте, добрались до Днепра напротив Николаева, а там и переправились, сильно опасаясь, что на ладье Харона, однако провидение было на их стороне. В Николаеве удалось отогреться да чуть силы восстановить, а там по железной дороге в Киев. Народу ехало много, почему-то в такие смутные времена никому дома не сидится, так что удалось затеряться в толпе. Хотя и тут время от времени на каком-нибудь полустанке офицеров то веша-

ли, то расстреливали. Благо сами беглецы были одеты в гражданское и не слишком городское.

И в это же примерно время бывший Верховный главнокомандующий российской армии недавний заключенный Быховской тюрьмы генерал Лавр Георгиевич Корнилов в одиночку, одетый в мужицкий костюм, прибыл в Новочеркасск и стал вместе с генералами Алексеевым и Калединым организатором Добровольческой армии на Дону. Собственно, опять же Верховным ее главнокомандующим.

А адмирал Колчак, считавшийся с год назад реальной альтернативой Керенскому, выехал из Японии в Сингапур, где планировал перейти на службу во флот союзников.

В Тобольск, куда была сослана царская семья, прибыл муж дочери Григория Распутина Соловьев с крупной суммой денег, якобы, на организацию побега. Он вселял в арестантов надежду на возможное спасение, а фактически пресекал всякие попытки освободить их. Как приближенный к семье он имел возможность входить в доверие к смельчакам-монархистам и контролировать ситуацию.

– Если не секрет, вы в какой области специализируетесь, доктор? – поинтересовался генерал Кондратович.

– Хирург я, Лука Лукич – ответил Ясенецкий-Воино. – Гнойная хирургия. Хотя все мы, Петр Фокич не даст соврать, специалисты широкого профиля.

– Все правильно, будущей тезка, – кивнул генерал. – В наше большое время именно хирург должен назначать лечение. И именно гнойный хирург! Я не скажу, что ваша *весть* для меня нова, я по привычке связывал восстановление порядка в Российской империи с последним императором или его ближайшими сиятельными родственниками. Уж извините, Николай Константинович, мы настолько привыкли к тому, что вы далеки от престола, что под носом не видим очевидного. Доктор прав! Вы наилучшая кандидатура для той высокой исторической роли, которой, кроме вас, никто сыграть не способен. После слов уважаемого Валентина Феликсовича это стало для меня настолько ясно, что стыдно теперь, что сам не понял... Как же уберечь до времени ваше императорское высочество?

– А не посвящать никого, – сказал Петр Фокич. – До исторического момента. И ЧК не допустит, и свои завистники-наполеончики напакостить могут. А Николай Константинович сумеет сохранить свой принятый обществом образ. Никому и в голову не придет, как не приходило нам.

– Ну да, побуду шутом, сколько надо для дела, – усмехнулся великий князь.

– Сложно будет, – покачал головой полковник Корнилов. Наша туркестанская военная организация сейчас на стадии становления, и идея восстановления монархии достаточно популярна, а такой способ ее реализации на поверхности.

– Итак, господа, – встал во весь двухметровый рост великий князь. – Попрошу согласовывать со мной все ваши стратегические и тактические идеи и разработки. Шут, между прочим, полковник Генерального штаба и боевой офицер. Мне не нужны авантюры, у нас только одна попытка.

– Так точно, Ваше императорское высочество! – вскочил и генерал.

Встал по стойке «смирно» и полковник. В этом мощном старике внезапно обнаружилась поистине императорская харизма.

– Только не надо думать, что в ЧК идиоты, – заметил Ясенецкий-Воино. – Если я додумался до такого варианта, то и они могут предположить подобную возможность. И принять профилактические меры. Возможно, стоит продумать варианты перехода на нелегальное положение.

– Никогда не прятался! – возмутился Николай Константинович. – И на закате лет своих не планирую! – и тут же хитро усмехнулся: – Хотя военного маневра не исключаю.

Среди ночи Николай Константинович проснулся в холодном поту, сердце тревожно билось и казалось вот-вот выскочит из груди. Он пытался выбросить из сознания приснившийся кошмар и никак не мог.

– Что за ночь сегодня? – силится вспомнить великий князь. – Кажется, с 13 на 14 января... Чертова дюжина... Чур меня!

Великий князь только что присутствовал на собственных похоронах. Вроде бы

ничего страшного – никогда он смерти не боялся, но то в яви, когда лежал бы себе тихо и умиротворенно в гробу, завершив все счеты с жизнью (кстати, совсем он себе в гробу этом не понравился – череп с какой-то плоской лысиной, нос, всегда крупный, теперь, казалось, все лицо собой загораживал. И главное, тип в гробу выглядел чужим, неказистым и беззащитным). А в этом странном состоянии то ли между сном и явью, то ли между жизнью и смертью все было неправильно – не ощущал покойник упокоения. Визрал на себя со стороны и содрогался от отвращения, смешанного с ужасом. Это был не страх смерти - бессмысленно бояться того, что произошло, – нет, это был ужас перед необъяснимым, перед тем, чего быть не могло, но было. Неподалеку скорбно лили слезы и княгиня Надежда, и Дарьюшки, сыновей только судьба-лихоманка по полям сражений раскидала. Сдержанно гудели скорбные многотысячные толпы сартов, благодарных ему за заботу. Солдаты с винтовками бдительно следили за толпой, но она вела себя благочинно, как и положено на похоронах. Все это происходило рядом с парадным его дворцом, где жил он мало, в военном Иосифо-Георгиевском соборе, который-то и собором назвать можно было с большой натяжкой – так, небольшая, но изящная церквушка. Интересно, что мусульмане не побрезговали сюда прийти, дабы попроситься с ним. Бог един, церкви разные. А Бог есть любовь. По крайней мере, благодарность и сострадание.

Но все это он отменял сознанием, коего у него быть не должно было, а чувства, тоже неизвестно откуда у трупа взявшиеся, корежил вселенский холод. Кстати, откуда ему было знать, что во вселенной так холодно?

Сей холод заставлял его содрогаться в постели уже наяву, хотя в оной яви он уже был неуверен.

– Что с тобой, Николенька? – почувяла неладное Дарья Евсеевна.

– Хо-хо-лод-но, - непослушными заледеневшими губами просипел Николай Константинович.

– Ой, и правда, ты как ледышка! – вскочила она. – Я сейчас воды согрею, грелками тебя обложу.

Услышав шум на кухне, поднялся и Петр Фокич, бывший здесь своим человеком.

– Что случилось, Дарья Евсеевна? – обеспокоился он.

– Ох, заledenел весь, грелки сделать хочу, – пожаловалась она.

Петр Фокич, не спрашивая разрешения, вбежал в княжескую спальню.

Пульс прощупывался слабо, но ритм опасений не вызывал. И действительно, кожа будто ледком покрылась – была холодна и не эластична, как должно живой коже.

Тут и Валентин Феликсович подоспел. Два врача развили бурную деятельность вокруг пациента, делали какие-то инъекции, крутили и вертели беднягу, и грелки, принесенные Дарьей Евсеевной, в дело пошли.

Через четверть часа князя отпустило – кожа потеплела, пульс наполнился, речь восстановилась.

– Что ж вы нас, ваше императорское высочество, так пугаете? – подчеркнуто легким тоном спросил Ясенецкий-Воино.

– Смерть я свою видел, – уже вполне внятно объяснил Николай Константинович. – Хоронили меня.

– Да, зрелище, я полагаю, не для слабонервных, – признал врач. – Но не зря говорится: двум смертям не бывать, а одной не миновать. Вы пережили свою смерть, теперь будете жить! Господь ясно дал вам понять, что заинтересован в вас.

– Я был близок? – тихо спросил великий князь.

– Не буду вас обманывать, в полушаге, – честно ответил доктор.

Неисповедимы пути господни и вольно им было, чтобы нечто подобное привиделось и Лавру Георгиевичу Корнилову в ночь на тринадцатое апреля (и тут тринадцатое!) 1918 года перед штурмом Екатеринодара. Вроде и не спал, не до сна было, а может, и не совладал с переутомленным организмом. А привиделось ему, что он один в штабном домике на берегу Кубани, куда точнёхонько влетает снаряд со шрапнелью, словно кто цель указал. И провал в видении, полное бесчувствие и безвременье. Вдруг послышался звук вгрызающейся в землю лопаты. Лавр Георгиевич понимает, что такого быть не может. Однако же... Глухой удар и сухой скрежет лопаты по дереву... И вид со стороны: небольшая толпа красных вскрывает могилу, извлекает гроб,

выдирает гвозди – восторженный вопль:

– Корнилов! Сатана!.. Ай, да молодец, Сорокин! Отличный подарок к учреждению Кубанской советской республики! Он! Полный генерал и рожа его – чингизхановская!

Гроб без крышки сунули в повозку и накрыли брезентом.

Время опять исчезло.

Когда сняли брезент, то ли Лавр Георгиевич, то ли некая субстанция, которая давала зрение и слух душе его, узрела знакомую Соборную площадь Екатеринодара и двор гостиницы Губкина. Из гостиницы с радостными криками выскочила толпа командующих Северо-Кавказской красной армии – Сорокин, Золотарев, Чистов, Чуприн – было их много и все в дупель пьяные после обмывания создания Кубанской республики и удачной обороны Екатеринодара. Они разогнали толпу таких же пьяных матерящихся красноармейцев и нависли над гробом. Потом призвали дрожащего от страха фотографа, который сделал фотографии трупа со следами шрапнельных ран. Затем приказали ординарцам на штыках извлечь тело из гроба и повесить на дерево, что и было исполнено. Командующие выхватили шашки и принялись полосовать ими голое тело. Веревка не выдержала, и тело свалилось на землю, командиры плюнули и предоставили развлечение солдатам. Те тоже отвели душеньку и плотно нашпиговали ее грехом смертным. Когда тело превратилось в фарш, его свырнули на повозку и повезли на бойни через весь город. По дороге любой желающий мог вскочить на повозку и поглумиться над телом генерала. Толпа жаждала развлечений и получила их.

На городских бойнях тело Верховного Главнокомандующего Русской армии скинули с повозки на ворох соломы и горячего мусора и подожгли в присутствии высших представителей большевистской власти и всех делегатов съезда, подъехавших к месту аутодафе на автомобилях. Солома быстро прогорала, подбрасывали, подкидывали тело штыками, чтобы со всех сторон занялось. Одного дня не хватило, чтобы превратить останки в пепел, развлечение продолжалось и на следующий день. Уголья растапывали ногами и продолжали жечь. Затем развеяли пепел по ветру...

Генерал Корнилов очнулся и посмотрел на часы, прошло всего десять минут с момента, когда он последний раз проверял время. А видение длилось и того меньше. Что это было?..

Лавру Георгиевичу не нужно было повторять дважды, он прошептал: – Благодарю тебя, Господи! – и приказал срочно передислоцировать части в обход Екатеринодара.

В полной тишине войска обошли город с другой стороны и, когда красная армия двинулась в наступление на их бывшие позиции, почти без сопротивления – все основные силы большевиков были в атаке – заняли Екатеринодар. На ходу уничтожив представителей власти и оставив отряд для зачистки, силы Добровольческой армии зашли в тыл противника, не ожидавшего подвоха, и уничтожили его. Это была очень важная победа! И генерал Корнилов всегда помнил, кому он ею обязан. Тогда-то он и отправил записку брату: «Передай привет Туркестанцу! Я в него верю, береги его!».

А на берег Кубани он пришел после боя: изба, в которой ему было видение, превратилась в обугленные руины.

Николай Константинович заплатил немалые деньги туземным мастерам за изготовление для него шикарной чалмы из красного бархата и атласа с вкраплением желтого. В первый момент головной убор напоминал костер, который уже прогорел, оставив красные угли. В комплекте с его красной рубашкой, в коей он шеголял в феврале-марте 17-го, костюм смотрелся сногшибательно. В нем он и разъезжал по Ташкенту на первое мая – новый революционный праздник. В этом году первомая, как выражались мастера, был особенным: вчера 30 апреля на пятом Всетуркестанском съезде Советов была провозглашена Туркестанская Автономная Советская Социалистическая республика. Большевики юридически закрепляли свою победу. Грамотно действовали. Великий князь не мог не признать, что сильно отстает от них. Так и будет, пока не удастся перехватить инициативу. И он шел в народ: выкатил рабочим на своих заводах по несколько бочек вина, да и столы накрыл. Не забыл и железнодорожные мастерские – угостил. Да всем раздавал красные банты, чтоб

на рубахи крепили. Говорил небольшие речи-тосты во здравие трудового народа. И говорил вполне искренне: считал, что трудовой человек должен жить хорошо. Беда России в том, что миллионы возжелали жить хорошо грабежом. А переход из рук в руки награбленного богатства не добавляет, а лишь разруху и озлобление усугубляет.

И народу особо после чарки-другой нравился «красный князь» в диковинной чалме. Когда его спрашивали, пошто напялил, он отвечал, что новая революционная идея интернациональна, объявляет все народы равными и достойными хорошей жизни, и он с этим совершенно согласен, ибо еще апостол Павел говорил: несть ни эллина, ни иудея перед Богом, а значит, нет ни сарта, ни киргиза, ни русского – все едины. Это его чалма и означает.

Председатель Туркестанского ЧК Фоменко, когда ему докладывали о чудачествах императорского изгоя, благосклонно усмехался:

– Ежели за нас и великие князья, то наше дело непобедимо, пусть трудится на благо. Полезный шут.

А шут был печален – горькие вести приходили со всех концов совсем недавно великой империи. Немцы захватили Крым, Черноморский флот России перестал существовать. Украина во власти Германии, хотя номинально гетман ее – генерал Скоропадский. Немцы захватили Гельсингфорс, то есть Финляндия тоже потеряна. Большевики перенесли столицу в Москву, что умно, ибо до захвата Санкт-Петербурга недалеко. Племянничка с семьей его несчастной перевезли в Екатеринбург. Сегодня – не зря же телеграф придумали – поступают сведения. Теперь их освобождение проблематично и сомнительно. Из Тобольска по безлюдным просторам Сибири перевезти их в Туркестан, а потом в Персию было бы гораздо реальней. Тотальное опоздание, потому что нет единого руководящего центра, единого государственного организма. И в этом виноват он, отброшенный историей в сторону шут императорский. Однако искусство шута в том, чтобы печали его никто не заметил.

Очень радовало Николая Константиновича, что второго апреля, за пару дней до того, как оренбургским и уральским казакам удалось перехватить Среднеазиатскую железную дорогу и тем самым полностью отрезать Туркестан от европейской части и от главных сил большевистской армии, приехал его сын Александр. Израненный, в тяжелом моральном состоянии после крымской резни офицеров, но живой. О старшем сыне Артемии известия не было. Взвалив на себя незримую ношу, надо было думать о наследнике. В монархический план Александра пока не посвящали. Не потому, что не доверяли, а дабы поведением своим случайно не насторожил бдительного врага. Но в организацию ввели. Великий князь не мог держать в себе всех задумок и стратегических планов, держать-то мог, но они жгли его изнутри. Да и любая военная операция не может быть разработкой одиночки – слишком много нюансов, требующих критического разбора. Вот они вдвоем и оттачивали планы, изредка докладывая их Петру Георгиевичу Корнилову и Луке Лукичу Кондратовичу, в основном занятым организационной работой по созданию боевых структур по всему Туркестану. Особо доверительные отношения сложились у Николая Константиновича с Иваном Матвеевичем Зайцевым, полковником и недавним командующим русскими войсками в Хиве и комиссаром Временного правительства в Хивинских владениях. Он же Божьей волей стал главой Амударьинского казачьего войска, в состав которого вошли и киргизы, и узбеки, и каракалпаки. Вообще, Зайцев заслуженно числился в Туркестане героем, которого уважали и большевики, и Белое движение.

Десятого января 1918 года полковник Зайцев, вернувшись из Персии, открыто объявил большевикам войну. С отрядом в семь сотен казаков он выступил из Хивы на город Чарджуй, занял его, арестовал местную большевистскую власть и передал управление органу Временного правительства. В Чарджуе полковник встретился с министрами Временного правительства Кокандской автономии Чокаевым и Ходжаевым и заключил соглашение о совместной борьбе с большевиками. Тогда же в город по железной дороге прибыл еще один казачий отряд из семи сотен оренбургских, семиреченских и сибирских казаков.

Из Чарджуя Зайцев со своими казаками двинулся на Самарканд с тем, чтобы далее идти на Ташкент. Совнарком Туркестанского края лихорадочно отдавал прика-

зания с требованиями остановить Зайцева. На осадном положении была объявлена Среднеазиатская железная дорога. В общей сложности на борьбу с Зайцевым было брошено до 3000 красновардейцев.

Однако плохо обученные разгильдяйские отряды красных, несмотря на численное превосходство, не могли противостоять профессиональным частям старой армии, в результате чего отряду Зайцева достаточно быстро удалось разбить хивинских большевиков и занять город Самарканд. Красные были отброшены на 30 километров от города. Тогда большевики пошли иудиним путем: за два миллиона романовских рублей они подкупили казачий комитет отряда Зайцева, который отказался воевать со станичниками 17-го полка, стоявшего в Ташкенте, принял решение разоружиться и выдать Зайцева красным. Зайцев был вынужден бежать.

Но казачий русский офицер слишком выделялся среди туркменского населения и через пять дней был арестован в Асхабаде.

21 февраля 1918 года суд приговорил его к расстрелу, но красноармейцы пожалели офицера, и расстрел был заменен десятью годами одиночного заключения в Ташкентской крепости. Поистине невероятный случай! Но такова была личность Зайцева.

Из крепости Зайцев бежал через четыре с половиной месяца. Туркестанская военная организация уже имела разветвленную сеть своих агентов, и побег был хорошей проверкой этой сети. Оказавшись на свободе, Зайцев сразу же принял на себя обязанности начальника штаба. И в этом качестве активно общался с Романовыми-Искандерами. Его-то полностью посвятили в планы.

С помощью Зайцева была скоординирована деятельность ячеек организации в Самарканде, Коканде, Красноводске, Асхабаде, Верном и в более мелких населенных пунктах. Штаб организации установил связь с вождями повстанческих отрядов: ханом Джунаидом, главой туркменских племен, побежденным Зайцевым, завоевавшим искреннее уважение, и Азиз-ханом, главой текинских племен. Они были вовлечены в общую работу.

Много споров было вокруг сотрудничества с англичанами, которые за свои услуги требовали, чтобы после победы Туркестан стал английским доминионом и предоставил бы англичанам концессии на разработку природных ресурсов сроком на пятьдесят пять лет. Это не устраивало ни Зайцева, патриота и монархиста, ни, тем более, будущего монарха. В этом они были едины. Только было очевидно, что без помощи британцев – и военной, и финансовой – не обойтись, как ни раздувай патриотические щеки. Тогда-то триумвират и решил сыграть в русский валенок: соглашение будет заключено от имени Организации в предположении, что власть перейдет к Туркестанской Демократической Республике, а монарх, взявший власть в свои руки, окажется не связан договорными обязательствами. Вполне даже по-джентльменски, если учесть, что джентльмены никогда не смущались криминальными действиями во благо своих джентльменских шкурных интересов.

Начать планировали в августе. Но история не партия в шахматы, а пятая стихия. Хотя стихия стихией, а все взаимосвязано: атаман Дутов взял Оренбург, чехословацкий корпус поднял мятеж против большевиков – вроде хорошо, в нужном направлении процесс идет, а, поди ж ты, забеспокоились большевики, пушечного мяса не хватает, начали мобилизацию мужиков от восемнадцати до тридцати пяти лет в Асхабаде и всей Туркмении. Восстали мужики, побили большевиков, взяли власть. Это вроде тоже хорошо, но не по стратегическому плану, не под тем руководством, а значит, без осознания генерального плана – схватил власть, а что с ней дальше делать – отдельный разговор. Лишь бы сейчас в рекруты не забрали.

Пришлось срочно менять планы. Нет худа без добра: с чрезвычайным комиссаром Фроловым из Ташкентской крепости ушел отряд венгров, которых мало интересовали здешние разборки, они были верны тем, кто дал им свободу, оружие и хорошо кормил. Пока венгры были в крепости, пытаться захватить ее было бы безумием.

Двадцатого июля пришло известие о расстреле царской семьи со всеми чадами и домочадцами. Неожиданно тяжело переживал великий князь это известие, хотя ожидал такого поворота событий, хотя никого из родни не знал, не любил и не уважал. Это шло из глубины души. И окончательно понял Николай Константинович, что отступить некуда.

- Все, – сказал он Александру, – остались только мы.
- Ты имеешь в виду?.. – сразу понял сын.
- Да, – кивнул великий князь, – перст господень указывает на нас.

Был срочно собран штаб организации, где генерал Кондратович и Зайцев объявили о начале подготовки к восстанию. Неделя была дана на оповещение всех отделений организации.

Выступление было назначено на 25 июля.

История склонна к иронии: в ночь на 25 июля военный комиссар Туркестанской республики Константин Осипов, всего пять месяцев назад пленивший полковника Зайцева, и полковник Зайцев с отрядом офицеров, переодетых в красноармейцев, въехали в крепость по предварительной договоренности Осипова с Иваном Беловым, командующим гарнизоном Ташкента и Ташкентской крепости. Собственно, Осипов только уведомил подчиненного о своем прибытии по срочной надобности. Войдя в кабинет Белова, Осипов молча пристрелил его. Отряд, тем временем, забрасывал казармы гранатами, а потом врвался в помещение и добивал раненых и уцелевших. Все закончилось в течение двадцати минут. Затем Осипов обзвонил всех комиссаров и актив Туркестанской республики и призвал их в крепость на экстренное совещание, предупредив об опасности восстания в ближайшие часы, о коем ему стало известно. В течение часа прибыли все, кто был в Ташкенте. Их встречали и провожали в кабинет командующего крепости два «красноармейца».

Каждого Зайцев встречал фразой:

– Господин комиссар, в Туркестане восстановлена законная власть. Переходите ли вы на ее сторону, раскаиваясь в своих преступных действиях?

Реагировали по-разному: – Осипов! Что за комедия?!.. Пошел на... И пытались выхватить маузер. Было очевидно, что вкусившие власти отказываться от нее не собираются, да и не верят в серьезность происходящего.

– Увести! – приказывал Осипов.

Уводили в соседнее помещение, откуда через несколько секунд доносился глухой звук выстрела. Голова чудища была отрублена, но его вооруженные шупальцы в виде многотысячного гарнизона и без головы были опасны.

Благо, что часть контингента ушла в Асхабад, большая часть – на предотвращение вторжения в Туркестан войск атамана Дутова, активно наступавших от Оренбурга и Актюбинска. Из Ферганской долины двигались повстанческие войска Мадамин Бека. Из Бухары – войска Сеид-Амир-Мир-Алим хана, эмира Бухарского, уже захватившие участок железной дороги, что препятствовало перемещению войск большевиков. Хан Джунаид и Азиз хан выступили на помощь Асхабадскому восстанию. Туда же направил один полк и Лавр Георгиевич. Одновременно начались восстания в Верном, в Беловодье, в Пишпеке. В Семиречье против большевиков выступили казаки.

Однако и оставшиеся примерно две тысячи штыков большевистского ташкентского гарнизона представляли серьезную силу, имевшую своих командиров. Против них, в первую очередь, и были предприняты профилактические меры: по местам квартирования отправлены незваные гости. К этому моменту Осипову удалось переместить часть гарнизона верную большевикам в зону боевых действий, а «свои» части разместить в Ташкенте.

Они-то и занялись захватом почты с телеграфом, банка, железной дороги и обезвреживанием сонного гарнизона, еще не ведающего о происходящем. Оружие было захвачено, а солдатам приказано построиться на плацу. Ничего не понимающие сонные мужики с удивлением воззрились на ружья и пулеметы, нацеленные на них.

– Солдаты! – обратился к ним генерал Кондратович, восседая на коне в полном генеральском обмундировании. – Сегодня в Туркестане восстановлена законная власть, глупо свергнутая недалевидными политиками в разгар войны, что привело к неисчислимым жертвам всех народов нашего великого государства и почти к гибели самого государства, но Господь не оставляет без помощи верных воле его. Отсюда – из Ташкента и Туркестана – пойдет возрождение и спасение всех нас. Вам предоставляется возможность перейти на сторону правого дела здесь и сейчас. Вольному – воля!

– Что, опять на бар горбатиться будем? – выкрикнул кто-то из строя.

– Правильный вопрос, – откликнулся генерал. – Возвращения к прошлому быть не может. Я полагаю, что справедливо, когда каждый горбатится сам на себя, но взгляните трезво на то, что сейчас происходит: большевики ввели продразверстку и отнимают у трудового народа все, что он наработал своим горбом, а тех, кто не отдает, убивают от мала до велика! Разве вам это неизвестно? Разве вас самих не заставляли это делать?.. Если не заставляли, то заставят. Сначала надо навести порядок, при котором никто ни у кого ничего отнять не может, а потом уже начать горбатиться на себя. В общем, я генерал, а не агитатор, уговаривать никого не буду. Кто с нами – шаг вперед и на правый фланг, кто за большевиков – шаг назад и на левый фланг... Смирна-а-а! Шагом марш! – разнесся зычный генеральский голос по плацу.

Плохо обученные строевой подготовке солдаты устроили толкучку, но подавляющее большинство ринулось направо. Генерал не питал иллюзий насчет мотивов: солдат хитер и чувство самосохранения у него обострено из-за постоянной близости смерти. Сейчас нетрудно было сообразить, как уцелеть. Тем не менее, и налево сгруппировалось немало.

Сначала генерал подъехал к «правым» и сказал:

– Благодарю за доверие, солдаты! Мать Россия вас не забудет и Бог не оставит... Господа офицеры, – обратился он к своим. – Прошу распределить новых военнотружущих по своим подразделениям, поставить на довольствие и вооружить. В случае попыток использовать оружие против своих, расстреливать на месте. Выполнять!

Потом повернул коня и подъехал к «левым»:

– Уважаю, – негромко сказал он. – Солдат верен присяге. Но Россия у нас одна на всех и Бог един. Высшая присяга – им. Подумайте до завтра. Увести!

Подступил вооруженный конвой и увел «левых» под арест.

В Старом городе силами туземных боевых отрядов были ликвидированы пробольшеvistские дружины Бабаджанова.

Арест руководства железнодорожных мастерских был также произведен в ночное время и без особого шума. Рабочих никто трогать не стал, но вооруженная сотня в мастерских разместилась.

Мелкие стычки и перестрелки продолжались еще сутки.

От дворца великого князя до военного Иосифо-Георгиевского собора было несколько десятков метров, однако показались они великому князю Николаю Константиновичу Романову лестницей в небо – так трудно давался каждый шаг, который означал для него возложение очередной порции тяжелой ответственности за родину многострадальную и за народ ее, в безумие впавший. Путь был устлан туркменскими коврами и усыпан поверх монетами разного достоинства. Вдоль ковровой дороги плотным строем по стойке смирно выстроились офицеры в парадном обмундировании с шашками наголо – никто не мог бы пересечь путь великого князя к месту его венчания на царство. Не случайно обряд сей сходен с венчанием супругов – он и есть мистический обряд супружества императора и империи. Впряжения императора в повозку империи. Хотя, как ни крути, думал великий князь, а тягловая сила – все равно народ, царь же – кучер, возница, от коего зависит, куда повозка заедет.

Одет Николай Константинович был в белую форму полковника императорского Генерального штаба, которую когда-то ему было положено носить по чину, а потом и запрещено. Но запрешателей больше нет, да упокоятся их души, а право он заработал честно и службой, и боевыми действиями. Опираясь на его руку, шла рядом жена княгиня Надежда Александровна Искандер-Романова, а следом – сын Александр в форме ротмистра Лейб-гвардии Кирасирского Ее величества полка. Увы, несуществующего полка и несуществующего величества.

Благовест, несшийся с колоколен всех соборов Ташкента, властно брал душу в плен и возносил под небеса, надо было только не забывать под ноги смотреть.

За офицерскими спинами просматривались народные толпы. Колокольный звон заглушал человеческий ропот и заставлял народ благоговейно внимать действию.

Когда, говоря церковным языком, Их Императорские Величества собственными Своими Всевысочайшими Особами к воротам соборной церкви изволили приблизиться, епископ Ташкентский Лука поднес благословящий крест к целованию, и вся императорская семья по очереди поцеловала сей крест святой, а епископ Волхов-

ский Даниил покропил Их Величества священной водою...

...В полном соответствии с полученной вестью Ясенецкий-Воино по рекомендации епископа Иннокентия, отбывшего из Ташкента по призыву патриарха Тихона, был тридцатого мая тайно хиротонисан во епископа в церкви святого Николая города Пенджикента епископом Волховским Даниилом и епископом Суздальским Василием.

Когда сообщили об этой хиротонии Святейшему Патриарху Тихону, то он, ни на минуту не задумываясь, утвердил и признал ее законной...

...Вошедши в церковь, Николай Константинович чуть было не упал (благодарение Богу, жена поддержала), потому что сначала обрел темноту в глазах, а потом вдруг ясно увидел гроб свой в центре зала как в странном и страшном январском сне в Искандере. Но отпустило через мгновение. Он троекратно поклонился, приложился к святым иконам, вслед за ним и жена с сыном то же проделали, а потом взошел на трон – парадное кресло, из дворца принесенное, и с облегчением воссел на нем, то бишь на престоле императорском. Жена и сын встали по правую и левую руку. Тем временем клиром исполнялся псалом Давидов «Милость и суд воспою Тебе, Господи».

Николай Константинович смотрел на иконостас и лепные украшения под сводом храма, выполненные из ганча, боясь глянуть в центр зала. Однако взял себя в руки и сосредоточился на происходящем. Вовремя: епископ Лука приблизился к нему с Евангелием растворенным в руках и спросил:

– Исповедуешь ли веру православную?

– Исповедую, – с чувством ответил венчаемый. Никогда особого рвения в исполнении обрядов не проявлял, да и чувств религиозных не испытывал, а тут проникся и с внутренним трепетом принялся читать Символ Веры:

«Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым.

И во единого Господа Иисуса Христа Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век. Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рождена а не сотворена, единосущна Отцу, Им же вся быша.

Нас ради человек и нашего ради спасения шедшаго с небес, и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы вочеловечьшася.

Распятого за ны при Понтийстем Пилате, страдавша и погребена, и воскресшаго в третии день по писаниих.

И возшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца.

И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Его же царствию несть конца.

И в Духа Святаго Господа истиннаго и Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном споклоняема и славима, глаголавшаго пророки.

И во едину святую соборную и апостольскую Церковь.

Исповедую едино Крещение, во оставление грехов.

Чаю воскресения мертвым.

И жизни будущаго века. Аминь».

Замолчал, а в душе еще звучало: – Чаю воскресения мертвым...

Как бы он хотел воскресить всех, кого перемолола эта дьявольская мясорубка, называемая революцией, и всех, кого она еще перемелет, ибо не остановить ее манием императорским, а даже и божьим, прости меня Господи, поторопился он извиниться в сомнении своем.

Епископ Верненский Пимен принял у епископа Луки Евангелие, а Лука взял со стола бурку генеральскую, каковые с кавказской войны в обиход вошли, да надел торжественно на плечи Николая Константиновича, как прежним восходящим на престол надевали порфиру или императорскую мантию. Не до порфир ныне – в военный поход страна вступила, и символы императорской власти тоже походные.

Тут протодиакон изо всей глотки луженой загудел, будто труба иерихонская: «Господу помолимся», да «Господи помилуй», так что венчаемый даже вздрогнул, но, следуя чину, преклонил голову, а епископ Лука осенил верх главы Его Императорскаго Величества крестообразно и, положив руку на Высочайшую Его Величества гла-

ву, глаголил молитву, соответствующую моменту.

По окончании молитвы стоявший рядом со священниками Лавр Георгиевич Корнилов взял со стола корону императорскую и, когда поднял он ее, по залу разнесся удивленный ропот: корона оказалась восточной чалмой белого шелка да бархата, украшенной россыпью бриллиантов и прочих драгоценных камней. Генерал передал ее в руки епископа Луки, а тот поднес ее венчаемому на царство.

Поднял корону-чалму Николай Константинович и показалась она ему тяжелей небесного свода атлантового, но внутренней слабости не показал, а торжественно возложил на свою голову лысую. А Лука сопровождал действие молитвой: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь». Присутствующие имели возможность разглядеть герб дома Романовых в качестве кокарды, а над ней обращенный вверх полумесяц.

Тут выступил стоявший неподалеку Сеид-Амир-Мир-Алим хан, эмир Бухарский, в форме генерал-лейтенанта, каковым стал в 1916 году. Он подошел к Романову и препоясал его по восточному обычаю поясом с саблей, ножны которой и эфес были щедро инкрустированы драгоценными камнями, и произнес отчетливо:

– Ла илаха иллал лаху, Искандер Зулкарнайн, – чем заставил онеметь присутствующих благоверных христиан. Впрочем, они поняли, что эмир благословил императора от себя и своих подданных.

Николай Константинович благодарно кивнул Сеид-Амир-Мир-Алим хану и опра-вил на талии пояс с саблей.

Присутствующие обратили взоры к Его уже официально Императорскому Величеству в ожидании подобающей высокому историческому действию речи. Оговорено было ранее, да и сам чувствовал – ждет народ. Впрочем, народ-то за стенами храма, но донесут до него. Перевернут, не без того, но главное должны услышать все.

– Благодарю тебя, Господи, за то, что выбор Твой пал на меня, ибо жизнь моя, наконец обрела тот смысл, который Ты в нее вкладывал. Тяжка ноша, но высока цель. Я понимаю волю Твою как требование мира среди детей твоих ныне неразумных. С величайшей скорбью осознаю, что путь к миру лежит через войну. Ты прошел путь страдания прежде чем воссоединился с Отцом Твоим, и нам предстоит этот путь. Даруй жизнь вечную тем, кто погибнет во славу Твою. Прости и тех, кто пошел против Тебя в помутнении разума и чувств. В любви Твоей да обретут они Истину.

Я хочу, чтобы все поняли, что отныне в государстве нашем все равны – все граждане одной великой империи! Несть ни эллина, ни иудея, несть православного, католика, мусульманина – все они возлюбленные чада Божьи, в меру своего разумения понявшие Святое Слово Его. Религий может быть много, но Бог Един, как говорит наша Святая Церковь, как недавно сказал мой брат эмир бухарский, огласив Символ мусульманской веры. Бог един, и мы едины в Нем. Негоже нам поднимать друг против друга оружие. Но негоже и опускать его, когда кто-то посягнет на наше единство! Воинствующие безбожники решили разделить нас с тем, чтобы властвовать как над рабами. Все имели печальный случай убедиться, что власть их пробуждает в заблудших душах человеческих худшее, что только может в них существовать: дьявольскую готовность убивать и истязать ближнего своего во имя собственной выгоды, во имя власти одних над другими. Я сделаю все, чтобы наша жизнь была устроена по Божьим законам, по справедливости, она не может быть такой, как прежде, ибо этот путь завел нас в кровавый тупик, где мы сейчас пребываем. Но для того, чтобы устроить жизнь, сначала надо навести в ней порядок, перейти к мирной жизни.

Мы сейчас всей страной на военном марше, к которому нас принудили, поэтому я не могу гарантировать, что не буду убит. Посему сразу оглашаю, что наследником моим на троне будет сын Александр, боевой офицер, знающий, что такое окопы и раны. Он, если что, примет трон и державу.

Николай Константинович подошел к сыну и возложил на него чалму с головы своей. Хорошо сидела новая российская корона.

– А матерью народу будет императрица Надежда, – надел он на несколько секунд чалму и на голову жены. – Без надежды нашему народу сейчас никак нельзя. Впрочем, как и всегда.

По всей империи вводится военное правление: вся полнота власти отдается генерал-губернаторам, назначаемым лично мною или, в случае военной необходимости

и срочности, Верховным главнокомандующим императорских войск, каковым назначаю Лавра Георгиевича Корнилова. Генералитет он предложит на мое утверждение сам.

Корнилов сделал шаг в сторону императора и, отдав честь, вернулся на место.

– Командующим войск Туркестана назначаю генерала Зайцева.

Атаман Дутов, генерал Дутов возглавит войска казачества Урала и прилежащих губерний, а также Семиречья.

Демократия и война несовместимы, однако учреждаю Коллегию монархов Туркестана, которая будет обсуждать стратегические вопросы государства. Пока, кроме меня и Александра, в него войдут Сеид-Амир-Мир-Алим хан, Джунаид-хан и Азиз хан. В дальнейшем состав может быть изменен.

Также учреждаю Государственный Совет, состав которого будет определен позже, вместе с Советом будет принято решение о составе правительства. Завтра же.

Никто из полезных государству людей забыт не будет.

Всем повелеваю всегда помнить, что мы волю Божию выполняем, а не скот на бойне забиваем – все должно осуществляться по закону, никаких экспроприаций и контрибуций, никакого насилия над мирным населением. Это народ России, хотя временами и заблудший.

Наших союзников заверяю в соблюдении наших союзных обязательств и надеюсь на союзническое же отношение к нам. Он заметил кивок генерала Маллесона и усмешку его представителя в Ташкенте Бейли. Что ж, посмотрим за кем последняя усмешка, – подумал Николай Константинович и продолжил:

– С нами Бог, нам очень нужно его участие в делах наших, и я при вас обращаюсь к нему, надеюсь, вы поддержите мою молитву:

«Господи, Боже мой, Царю царствующих и Господи господствующих, сохранивши мя невредиму от всех скорбей и напастей, ныне же и царствовать над преславным сим народом оправдавый, исповедую неисчетное ко мне Твое милосердие, и благодаря Величеству Твоему поклоняюсь. Ты же, Владыко и Господи мой, настави мя в деле, на не же послал мя еси, вразуми и управи мя в великом служении сем, даждь и смиренно моему премудрость, предстоящую престолом Твоим. Буди сердце мое в руку Твоею, еже вся устроити к пользе врученных мне людей и к славе Твоей, яко да и в день суда Твоего непостыдное воздам Тебе слово. Милостию и щедротами Единородного Сына Твоего, с Ним же благословен еси с Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом во веки. Аминь»

Епископ Лука про себя усмехнулся поспешности монарха, не по порядку произнесшего молитву, но настолько у него искренне прочувствованно получилось, что все к лучшему. А вслух провозгласил: Мир всем!

А эмир перевел негромко: Ассалому алайкум...

Тут и протоиакон, соблюдая чин, провозгласил: Паки и паки, преклонше колена, Господу помолимся!

Все преклонили колена, в том числе, и императорские величества, а Лука, спасая чин венчания, поднял под руку императора и, взяв со стола срочно изготовленные ювелирами тайно скипетр и державу, вручил их.

Император принял скипетр в правую, а державу в левую руку под молитвенные слова епископа: "Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь! Благословляю на царство, ибо такова воля Божья!" – и сопроводил Его Императорское Величество на трон.

И опять вступил протоиакон, провозгласив весь полный титул Императорского Величества и прогудел трубно: "Многая лета!" – а певчие подхватили: "Многая лета! Многая лета!"..

И под это звонкое и радостное пожелание ощутил вдруг себя Николай Константинович молодым и готовым горы своротить, даже влюбиться (верный признак восхождения к жизни).

И начался звон во все колокола, и пушки грянули холостыми из крепости, и оружейный залп прокатился, а тем временем как духовные, так и мирские чины от своих мест троекратным поклонением приветствовали императора.

Потом началась литургия. Николай Константинович вдруг потерял ощущение ре-

альности происходящего, словно смотрел на все это со стороны, будто не с ним сие происходит.

Тем временем его под пение церковное препроводили в Царские врата и к миропомазанию приступили. Епископ Волховский Даниил сосуд с миро держал, епископ Лука, макал во святое миро особую кисть да проводил ею помазание Его Величества на челе, на очах, на ноздрях, на устах, на ушесех, на раме, на персех и по обою сторону на руках, глаголя: «Печать дара Святаго Духа»; а епископ Суздальский Василий места помазанные чистою хлопчатую бумагою отирал.

И снова был великий звон, и салюты из пушек и ружей.

После причастия императора вновь препроводили к трону, где он должен был выслушать литургию и прочие действия, совершаемые по чину венчания.

И только сел он на трон, как из рядов, удостоенных приглашения, выскочил Константин Осипов и с криком: "Умри шут!" – выстрелил в императора.

И в единое мгновение сжались по воле Божьей от сердца идущие действия: императрица Надежда прикрыла собой мужа, а эмир бухарский единым движением выхватил саблю свою и отсек злоумышленнику сначала кисть с маузером, а следом и голову с плеч. Это он умел.

Дарья Часовитина-старшая одновременно с Николаем Константиновичем бросилась к Надежде Александровне с криком:

– Надюшка, держись! сейчас перевяжем, – она первой и заткнула рану платком, с головы сдернутым.

– Наденька, – потерянно шептал император.

– Быстро в исповедальню! – приказал епископ Лука. – Петр Фокич, ассистировать будешь! – И своим: – Быстро спирт, огонь!.. Так, аккуратно взяли...

Александр, две Дарьи Часовитины, доктор Боровский, Лавр Георгиевич в несколько рук бережно подняли раненую и отнесли в исповедальню, где при подготовке торжества разместили запасной стол. Там же Ясенецкий-Войно оставил свой хирургический саквояж, с которым никогда не расставался. Император тоже протиснулся.

– Все вышли! – приказал Валентин Феликсович, стягивая с себя облачение епископа. – Дарья Елисеевна, вы, пожалуйста, останьтесь.

Рана оказалась тяжелой. Обоим хирургам работы хватило. Дарья Елисеевна держала голову Надежды Александровны и придерживала плечи, удерживая от неосторожного бессознательного движения.

Ясенецкий-Войно чувствовал, как жизнь покидает императрицу, хотя и кровь остановили, и пулю, застрявшую рядом с сердцем, извлекли. Но все же много крови было потеряно, да и Надежда Александровна не первой молодости, сопротивляемость организма, уже начавшего настраиваться на переход в мир иной, совсем не та, что у юной девушки.

– Надюшка, держись! – продолжала тихо шептать на ухо подруге Дарья.

И епископ Лука понял, что хирург сделал все, что мог, и теперь дело только за Божьей волей. Он обратил взор к святой иконе и взмолился тихо чуть слышным шепотом:

– Господи! Ты привел эту дочь Твою к российскому трону, значит, у тебя были виды на нее. Нельзя сейчас Россию без надежды оставлять! Никак нельзя! Ты призвал меня для исполнения Твоей воли, я ее исполнил, так помоги же мне спасти эту жизнь. Народ любит мистические совпадения, поэтому его вдохновит императрица Надежда, он хочет ее материнской заботы. И избранника Твоего эта потеря может сломить... Помоги нам, Господи! Спаси Россию!.. Верни Надежду...

И тут императрица простонала, почуяв возвратившуюся вместе с жизнью боль.

– Благодарю Тебя, Господи! – прошептал Лука.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РУДАКИ

Рассказ

Третий день бредет караван. Мимо песками занесенных городищ, высохших колодцев, чахлах зарослей мугиляна туда, к горным высям, где в перевозданном ложе своем журчат прозрачные ручьи, цветут тюльпаны, зеленеют сады по весне. Задыхаются изнуренные зноем люди. Неслышно ступают верблюды, роняя с губ густую белую пену. Дремотно и тихо бренчат бубенцы.

Третий день бредет караван по степи. А путь еще долог, и много еще переходов в пути. Третий день вместе с караваном, вместе с торговыми людьми, погонщиками, искателями счастья путешествует слепой старик. Кто он, откуда, куда держит путь? Никто не знает этого. Да и кому он нужен, этот молчаливый, быть может, выживший из ума старец, чьи бескровные губы часами шепчут беззвучно не то слова покаянной молитвы, не то колдовские заклинания. У каждого свои дела, свои заботы, свои цели. Что им, случайно встретившимся в пути людям, чужая судьба?

Только один человек во всем караване знает старика и заботится о нем. Человека этого зовут Рашид. Он не намного моложе своего спутника и столь же малообщителен и несловоохотлив, как и тот. Почтительность, с которой он относится к старику, может быть истолкована и как преданность верного слуги, и как внимание бескорыстного друга. Вот он спешился, пошел вровень с верблюдом старика, бережно коснулся рукой его колена и, протягивая ему дорожную флягу из выдолбленной тыквы, сказал участливо:

– Испейте, учитель, освежите уста свои.

Старик взял флягу, сделал глоток теплой горьковатой воды, медленно провел ладонью по глазам и снова погрузился в молчание. Рашид продолжает идти рядом, не отрывая глаз от плавно покачивающегося на спине верблюда собеседника. Учитель ссутулился, иссох. Лицо у него желтее пергамента. Глубокие морщины бороздят высокий лоб. Губы продолжают беззвучно двигаться, обнажая воспаленные десны.

– Что гнетет вас, учитель? Какая печаль омрачает ваш дух?

– Старость, мой друг, отверженность, неблагодарность владык и вельмож... Взгляни на меня – что осталось в моем облике от прославленного поэта, чьи стихи покоряли сердца мудрецов и луноликих дев, своевластных шахов и простодушных ремесленников...

Рубен НАЗАРЬЯН

Родился в 1947 г. В 1970-м окончил факультет русской филологии Самаркандского госуниверситета. Победитель и лауреат международных конкурсов. Перу Р.Г.Назарьяна принадлежит более четырех сотен научных, научно-популярных и художественных сочинений, в том числе, четыре монографии. Живет в Самарканде.

Он умолк, поник головой. Потом, когда рядом уже не было ни души, голосом, скорбным и глухим, процедил сквозь редяющие зубы:

– Дай посох. С посохом, с сумой должны брести седые...

Это не было обращено ни к кому. Это было внезапно пришедшим поэтическим выражением чувств и мыслей, клоковавших в нем все эти дни и ночи. И снова он один. Снова колышется караван, снова льется грустная, стону подобная, песня погонщика, и в лад той песне, печальной и робкой, звенят и ропшут в пути бубенцы. Долог путь, много еще переходов впереди. немеют ноги, тупо ноет спина, вздрагивает и съезживается от малейшего толчка старческое тело. Хорошо бы вздремнуть, забыться. Но сон не идет к нему. Подобно миражу, что зовет и манит путника, чтобы минутой позже обречь его на безысходное отчаяние, встают перед ним видения прошлого, разматывается спутавшийся клубок его дней. Гордый в трагическом одиночестве своем, плывет сквозь истому пустыни старый, слепой Рудаки и вспоминает, вспоминает, вспоминает...

Воспоминания сумбуры. Они произвольно возникают в его воспаленном мозгу листами разрозненной книги, сверкают на миг тончайшим рисунком полустершейся миниатюры, волнуют драматизмом текста и исчезают тотчас, уступая место новым и новым картинам то светлым и радостным, то горестным и мрачным. И трудно остановить их лихорадочное мелькание, подчинить их законам пространства и времени, удержать их в дряхлеющей памяти ...

Непостижимо далеким кажется ему день, когда преисполненным надежд юношей покинул он родное селение, направляясь в прославленную Бухару, куда влекли его неизведанные радости поэтической славы. Мечты, одна радужнее другой, подстегивали его воображение, и он нетерпеливо горячил коня, спеша принести рожденный в горах песенный дар свой на суд столичных знатоков.

И вот кончен многодневный путь. Не зная устали, зачарованно ходит он по нескончаемым улицам и многоручным торгбишам Бухары, вглядывается жадно в черты древнего города, прислушивается к стоязычному говору его площадей, любит великолепием дворцов и фонтанов, восхищается пожаром рубинов и таинственным мерцанием жемчуга в ювелирных рядах, взволнованно прикасается к переплетенным в сафьян и тисненую кожу томикам в затхлом полумраке книжных лавок, внимает упоенно бродячим певцам и сказителям, содрогается при виде обезображенных голодом и недугами нищих! Он ходит от зари до зари. А город полон еще неисчетностью чар, что манят новичка, суля ему новые и новые откровения. Песни стучатся в его сердце, и он слагает стихи. Они певучи, эти стихи, как горные ручьи, и целомудренны, как юность, окрепшая в труде. В них благоухание весны и трепет первой любви, восхваление доблести и порицание зла. Его слушают, затаив дыхание. Из уст в уста переходит имя новоявленного поэта. Бухара признает юного Рудаки.

И вот, одетый в новый столичного покроя кафтан, он поднимается, этот вчера еще никому неведомый молодой горец, по крутым ступенькам обиталища бухархудатов на Регистане. Его сопровождают два вооруженных воина. Они ведут его через множество полутемных лабиринтов, мимо застывших у окованных железом дверей молчаливых стражей, по нескончаемо длинным крытым переходам и вводят, наконец, в выложенный серыми гранитными плитами внутренний двор, где расположены личные покои владыки. Томительно долго длится ожидание. Но вот слышится клич хранителя палат, распахиваются резные створки искусно расписанных дверей, раздвигаются парчовые завесы, он переступает порог и как вкопанный останавливается у входа.

– Подойди!

Он делает несколько шагов вперед и опускается на колени. Перед ним на богато инкрустированном троне восседает нестарый еще человек. Налитое желтой влагой одутловатое лицо его обрамлено иссиня-черной бородой. Глаза смотрят тускло и равнодушно. Холеные руки бессильно лежат на коленях, прикрытых тяжелыми складками златотканого халата. Но юноша не замечает всего этого.

Опьяненный выпавшей на его долю удачей, он видит перед собой не опустошенного преждевременными страстями и излишествами хилого и слабого человека, а могущественного правителя Хорасана Наср-ибн-Ахмеда, опоры необозримого государства Саманидов, ревнителя искусств, покровителя ученых и поэтов, каким рисовала его молва. Снова молчание, и снова звучит утробный голос повелителя Бухары:

– Мы много слышаны о твоём искусстве слагать стихи и в неукоснительном попечении своем о процветании прекрасного хотим приблизить тебя к своей особе. Еще ниже склоняет голову юноша. Еще благоговейнее кивают сидящие в почтительном отдалении от трона царедворцы. В наступившей тишине шевелятся губы эмира:

– Ярче розы твой румянец, шея лилии белей, – нараспев читает он по памяти начальную строку полюбившейся ему газели и умолкает, тшедно стараясь вспомнить последующую.

– Зубы – жемчуг многоценный, два рубина – алый рот, – с раболепной готовностью приходит на помощь своему господину один из приближенных, тшедушный человек с лишенным растительности бесцветным лицом.

– Зубы – жемчуг многоценный, два рубина – алый рот, – повторяет вслед эмир, и мутный взгляд владыки вспыхивает на миг вожделением.

И снова обращается он к юноше:

– Нам знакомы и другие твои стихи. Они услаждают слух и будят желания. Но не пристало тебе, столь счастливо постигшему законы поэзии, расточать талант свой на пустые забавы и цедить нектар для базарных невежд. Отныне ты будешь низать жемчуг для нас.

Он делает чуть заметное движение рукой. Хранитель палат бесшумно исчезает за одной из дверей и через минуту возвращается, неся с собой тончайшего шелка хламиду, которую набрасывает на плечи поэта.

– В знак нашего расположения мы жалуем тебе халат с собственного плеча, – небрежно роняет Наср-ибн-Ахмед.

– Неистошимо щедроты повелителя правоверных, – доносится подобострастный шепот оттуда, где неподвижно застыли придворные. – Да не отвратит великий эмир пресветлого лика от рабов своих!

Отвешивая низкие поклоны, юноша пятится к выходу...

Вслед за воротами эмирского дворца широко распахиваются перед ним двери спесивой бухарской знати. Слава о пленителе сердец златоустом шаире Рудаки разносится по всему Хорасану. О нем говорят на ученых собраниях, в кельях медресе, на дружеских пирах, в диванах эмирата. Ему льстят, перед ним заискивают, ему подражают. В сотнях списков плывут по караванным путям его газели и рубаи. Дрожит и немеет объятый истомой воздух. Расплавленным янтарем льется по сини неба полуденное солнце. Размерно и тихо поют бубенцы. И нет конца воспоминаниям старого Рудаки.

...И почести, и слава, и богатство пришли к нему. Он наперсник и любимец эмира Хорасана. Стихи его гремят во всей полдунной, будоража сердца и порождая в людях чувство признательности к их творцу.

Не одна поэтическая звезда померкла и закатилась в лучах его несравненного гения. И будто не было удела лучезарнее того, что даровала ему судьба. Но с каждым годом все меньше и меньше радовался он своему положению придворного поэта, все теснее становилось ему в стенах дворца. Чем больше наблюдал и постигал он, тем больше убеждался в несовершенстве стократ воспетого государства Саманидов. Блистательная Бухара казалась ему блудницей, под роскошными одеяниями которой зияют отвратительные язвы. С горечью в сердце видел он нищету, бесправие и голод тех, чьим неустанным трудом процветает жизнь на земле. Лицемерие, зависть и ложь окружали его в шахских чертогах, где, ползая у трона, плели свои черные козни царедворцы. Но он не отчаивался, верил в неминуемое торжество справедливости. Наивный, он утешал себя мыслью, что мудрый и добрый властелин может обуздать жестоких и алчных вельмож и даровать счастье своему народу. Все яснее понимал

он меру народных бедствий, и все громче звучал его голос в защиту угнетенных и обездоленных. Он нелестно разговаривал с эмиром и смело обличал пороки его прихлебателей. И чем дольше ратовал он за справедливость, тем острее ощущал свое одиночество в раззолоченных хоромах дворца, где он был лишь пришельцем. Реже и реже слушал его стихи и внимал его советам шах, чаще и чаще злословили о нем вчерашние льстецы, настойчивее и непримиримее обвиняли его в святотатственных помыслах столпы ислама.

– Разумно ли искать благовоние мускуса и амбры в стихах, имеющих у истоков своих дым пастушьих костров и смрад овечьего помета? – злорадно шептались по углам продажные одописцы.

Двор отворачивался от Рудаки. Благородная Бухара показывала ему свою изнанку. Обольстительная блудница сбрасывала свои покровы, обнажая омерзительное тело свое, и только благодарный народ продолжал любить своего Рудаки самозабвенно и страстно.

...Воскресшие в памяти картины теряют реальные очертания, смешиваются, обрушиваются на изможденного поэта нестерпимо буйным хаосом красок, вспыхивают неистово ярким светом и гаснут, погружаясь в холодный пугающий мрак. И снова вспоминает старый Рудаки.

...Ночь. Мягкий свет восковой свечи падает на развернутый свиток хлопчатой бумаги, что лежит у него на согнутом колене.

Чуть слышно скрипит тростниковое перо. Он вдохновенно работает, не помышляя о покое и сне, и рождаются в его душе чудесные образы «Калилы и Димны», чтобы минутой позже чеканными, эпически спокойными двустихиями лечь на бумагу и обрести бессмертие. Близится рассвет. А он, очарованный мудростью древнего индийского сказания, не выпускает из рук перо... Но что это? Ночную тишину вдруг нарушает доносящийся откуда-то снизу необычный шум. Он отрывается от рукописи, поднимается с места и, чуть приоткрыв дверцу горницы, тревожно вслушивается. Миг, другой – и шум прекращается так же внезапно, как возник. Ни звука, мертвое безмолвие ночи. Он зовет слуг, но никто не откликается. Набросив на себя теплую верблюжьей шерсти абу, он спускается по витой каменной лестнице, освещая себе путь свечой, которую держит в вытянутой вперед руке. Вдруг две метнувшиеся из темного угла тени скручивают ему руки и, тяжело дыша, волокут его вниз.

– Кто вы?.. Что вам нужно здесь?..

Ему затыкают грязной тряпицей рот и ташат к пылающей жаровне, у которой грелись обычно в зимнее время слуги. В переливающемся голубоватыми язычками свете раскаленных угольков он успевает заметить расплащенное на полу тело слуги. Его подводят к самой жаровне, ставят на колени, сильно бьют чем-то тяжелым по шее и почти вплотную наклоняют лицом к огню. Нестерпимая боль вонзается ему в глаза тысячами огненных игл, пронизывает все его тело. Будто целую вечность длится эта нестерпимо страшная оргия пляшущего в зрачках огня. Потом все внезапно меркнет, и он теряет сознание...

Многие недели просидел у изголовья больного Рашид, пока он окончательно пришел в себя. Дворец молчал. Никто из знати не переступил порога дома поэта за все это время. Но часто навещали к нему никогда ранее не обшавшиеся с ним люди, приносили скромные гостинцы, спрашивали о самочувствии, соболезновали и ободряли его. Но слепоты уж никто не мог излечить, и мир померк. Много было толков об этом злодеянии, но никто так и не узнал, чей коварный замысел лишил зрения поэта. И лишь Рашид, этот неискушенный в философии, но хорошо знающий жизнь селянин, десятилетиями преданно служивший ему, промолвил однажды, будто подтверждая его сокровенные думы:

– Такова благодарность шахов, учитель...

Шли годы. Недостатки и лишения свили гнездо под кровом Рудаки, где в ночные часы рыдала лютя, вторя печальным стихам. И годы эти были годами прозрения. Все явственнее ощущал он душливую атмосферу столицы, и все сильнее влекло его к родным горам, к чистым душам.

...Восьмой день бредет караван. Медленно покачиваясь в рыжем межгорье верблюда, свершает свой путь объятый воспоминаниями слепой Рудаки. Близки уже родные места, где прошли невозвратимые дни его юности. Он чувствует это по напоенному запахами горных лугових ветерку, по долетающим до него обрывкам разговоров, по учащенному биению сердца. Кого из сверстников суждено ему встретить по возвращении? Кто из товарищей его детства уцелел в жизненной борьбе? Чьи дети зовут ныне бабушкой белозубую девушку, которая много лет назад в ясное весеннее утро улыбнулась ему у сельского родника?.. Впереди, сквозь обволакивающие землю лиловые сумерки, показались глинобитные стены невесты когда и кем воздвигнутого караван-сарая. Встрепенулись, почуяв близость оазиса, верблюды.

Вольней, веселей зазвенели бубенцы. Приободрились одуревшие от палящих лучей люди. Последний привал. Рашид помогает ему сойти с коленопреклоненного верблюда и вводит под замшелые своды.

Ночь. Тяжелым сном охвачены истомившиеся в многодневном пути люди. Лишь потрескивание кем-то зажженной лучины, таинственные шорохи притаившихся в щелях стен насекомых и сонное бормотание то того, то другого погонщика нарушают безмолвие ночи. Один Рудаки не спит. Он лежит, запрокинув руки за голову, на устланном циновками глиняном возвышении, уставившись невидящими глазами в полуразвалившийся потолок. Медленно текут часы. И вдруг слуха его касаются звуки песни. Кто-то проникновенно поет о ранних тюльпанах, о любимой, что пугливее лани, о животворящем труде землепашца, о мудрости, которой нет цены, и правде, ниспроверяющей ложь.

Кто этот невидимый певец? Где он слышал эту умиротворяющую песню?.. Да ведь это песня его юности. Это он, Рудаки, сложил ее на заре своей жизни и пел на сходках односельчан под одобрительные возгласы земляков. Как давно это было...

Тяжелый груз несбывшихся надежд и горьких разочарований, мелкой зависти и незабываемых утрат, людской неблагодарности и одиночества спадает с его души. Он приподнимается, берет в руки лежащую рядом лютню и, ударив по струнам, поет свободно и молодо. Все увереннее и громче звучит его песня, набирает силу, летит к звездному небу, клоочет, как вешний поток, несущийся с горных вершин. Один за другим поднимаются с мест люди. Как заколдованные слушают они песню, не отрывая глаз от величественного старца. Весь залитый лунным светом, с гордо вскинутой головой, с ниспадающей на могучую грудь широкой бородой, он похож на легендарного гимнотворца, несущего людям вдохновенное слово о счастье и любви. Поет слепой Рудаки, рокочит струны. И будто и горы, и доли вокруг вторят той песне, крылатой, бессмертной...

НОВЫЕ ИМЕНА

Наталья КРОФТС

Родилась в Херсоне в 1976 году. Окончила МГУ им. Ломоносова и Оксфордский университет. Поэт, переводчик, автор сборников стихов, многочисленных публикаций в периодической печати. Стихи на английском языке вошли в поэтические антологии Великобритании. Лауреат многих литературных конкурсов.

НОЧНОЕ СВИДАНИЕ**Рассказ**

Похоже, Юльку он привел сюда целоваться. Место было пустынное и в то же время романтическое: на плоском листе искусственной гавани желтыми елочками лежали огоньки от обступивших ее небоскребов. Тускло поблескивали еще теплые перила набережной, за ними, чуть снизу, чернела вода. Жара спадала, угоняемая ленивым ветерком Персидского залива.

Но с другой стороны, может, кавалер просто хотел погулять: мест для прогулок здесь немного, да и трудно найти хорошую компанию, чтобы согласилась и просуществовать полчаса без кондиционера, и передвигаться без машины. К тому же, как известно, безлюдность безлюдностью, а, все-таки, целоваться посреди Дубая – дело рискованное. Романтиков, нарушающих местные законы, случалось, отвозили в кутузку.

На эти законы все жаловались. Ни тебе начала бурных романов в кафе и ресторанах, ни тебе возможности заранее прошупать предлагаемый «товар» до решающего момента. Так что убить вечер в случайной компании здесь не позволяли местные обычаи. А Юлька, наверное, дура все-таки, была рада. Гулять можно было без опасений, к стенке тебя никто не припирает, и всегда было время не спеша оценить ситуацию. Ведь, бывает же, попадетсЯ отличный материал, и можно из него вылепить друга на всю жизнь, а глупость какая-нибудь в самом начале всю картину смажет, и – адью потенциальный верный друг. Или – еще хуже: какой-нибудь хмырь живехонько окрутит, а потом сама же жалеешь, и неловко перед, в общем-то, порядочным отражением в зеркале. Ну, а благодаря этим самым местным законам, Юлька наслаждалась «свободным плаваньем».

Вот и этот, «Дон Жуан», собеседником был неплохим. Веселым. Неглупым. Об общих знакомых говорил очень наблюдательно, поругивал Дубай, его скуку.

«Дона», конечно, Юлька мысленно добавила, а имя это ему уж от любящих родителей досталось, рядовое, в общем-то, имя. Но кличку он пока оправдывал, так как за девушкой ухаживал со знанием дела. Сначала привел в уютный и неброский тайский ресторанчик, тем более понравившийся, что в этом блестящем царстве позолоты такие места редкость. Потом повез потанцевать в клуб, деликатно пригласив еще пару приятелей. И хотя танцевал только с Юлькой, других дам не приглашая, но напряжения не было: мол, мы здесь в компании, все свои, все друзья.

Но была и заковырка. Еще при знакомстве «Дон Жуан» честно сказал Юльке, что у него есть невеста, и через год будет свадьба. И хоть невеста там, в Испании, да и потом «невеста» – это еще не жена и мать троих детей, а все-таки горячку пороть

не стоило. Да Юлька и не порола: неспешно присматривалась к новому знакомцу.

И сейчас, когда он оперся о перила и наблюдал за стройкой, кипевшей при ночной прохладе на противоположном берегу, Юлька искоса поглядывала на кавалера, пытаясь определить, что же все-таки за фрукт этот «Дон Жуан». Фрукт повернулся к стоящей рядом Юльке, ласково улыбнулся и медленно провел пальцем по ее предплечью.

– Вечер добрый, – произнес рядом тихий голос.

«Дон Жуан» чуть отпрянул от дамы и повернулся к говорящему. На пустой набережной стоял невысокий индус средних лет. Сандалии на босу ногу, пижамного вида сероватые штаны, светлая рубаша, в руках целлофановый пакетик.

– А я тоже люблю это место, – сказал нежданный гость, чуть покачивая головой и тихонько улыбаясь в усы.

– Да, красиво, – вежливо откликнулся «Дон».

Индус протянул руку и представился каким-то сложным именем, которое Юлька тут же забыла.

– Жуан, – сказал испанец, отвечая на пожатие.

– Юлия, – представилась его спутница, первой протянув руку. Женскую руку индус взял осторожно-почтительно и пожал почти незаметно.

Довольный знакомством пришелец неожиданно ввинтился в небольшое пространство между Юлей и Жуаном, благо атлетичностью телосложения он не отличался. Они постояли молча, глядя на чернильную воду и разноцветные огоньки. Новый знакомый, казалось, был полностью умиротворен и ничего большего от этой жизни не желал. Так они и замерли как на фото на пустынной набережной Марины Дубая.

Наконец, Жуан заерзал, метнул на Юльку иронично-недоумевающий взгляд и, похоже, собиравшись, деликатно откланявшись, увести даму от этого реализовавшегося ниоткуда «третьего-лишнего». Но индус уловил движение и сказал, как будто продолжая прерванный разговор:

– Вы знаете, я даже фотографирую это место, – И неожиданно добавил: – Хотите посмотреть?

«Дон» медленно кивнул, почти скрыв полное отсутствие энтузиазма.

Из целлофанового пакета появилась целая пачка фотографий, переключившись из рук индуса в руки испанца. Жуан посмотрел на первое фото, передал Юлии.

Вечер на фото был очень похож на сегодняшний: темный задник с огоньками, ненатурально-белые от вспышки перила... Действительно, место было то же. В кадре был сам индус, а рядом с ним стояла пухленькая дама средних лет в спортивном костюме и с холеной моськой на поводке. Таких в Марине было множество: и мосек, и европейского вида дам, убивающих время, пока супруг зарабатывает копеечку где-то у себя в офисе.

– А это? – спросила Юлька, осторожно указывая на даму. Индус был явно «разнорабочим», так что дама вполне могла быть хозяйкой в доме, куда он подрядился мыть и пылесосить.

– Мой друг, – закивал индус.

Ну «друг» так «друг», удобный, в общем-то, ответ. Ни к чему не обязывает.

Жуан передал Юльке второе фото, глянул на третье, и его брови поползли вверх. Он поймал Юлькин взгляд, и у «Дона» вид был недоверчиво-смешливый, как будто ему вдруг что-то стало ясно, но он еще не мог убедить себя в собственной догадке.

Второе фото отличалось от первого только одним: составом персонажей. Рядом с индусом стоял какой-то высокий улыбчивый парень, на вид не то американец, не то австралиец.

Юлька уже без слов вопросительно взглянула на пришельца:

– Тоже друг, – подтвердил индус.

На других фотографиях «на том же месте в тот же час» улыбались – кто залихватски, кто смущенно – десятки разномастных лиц, от табунка хрупких корейцев до раздобривших седых американских пар, от грудастых африканских женщин до тоших альбиносов-северян. И рядом с ними в каждом фото стоял неприметный, как призрак, маленький человек в дешевых сандалиях на босу ногу.

В молчании они долистали пухлую пачку. Юлия, смотревшая фото последней, с

полупоклоном отдала владельцу его драгоценную коллекцию.

– Спасибо, – выдавила она из себя, внимательней вглядываясь в это лицо.

– Жалко, что у меня сейчас камеры нет, – покачал головой этот странный знакомый.

– Я так хотел и с вами тоже сфотографироваться.

– Ну, ничего, – утешила его Юлька. – Вы же часто здесь бываете, и мы тоже, так что как-нибудь еще сфотографируемся.

Индус с улыбкой покивал, не то соглашаясь, не то по привычке.

– Вы извините, нам пора – поздно уже, – наконец, решился «Дон Жуан».

Они простились и медленно пошли по набережной. Оглянувшись, Юля увидела неподвижную тощую фигурку в неприметно-серых одеждах. Призрак стоял, опершись на серебряные перила, и смотрел на огоньки в воде. В руке он все еще сжимал свое главное богатство: пачку «Друзей».

– Вот это да, – выдохнула Юлька после долгого молчания.

– А что, в общем-то, он ничем не отличается от нас, – сказал Жуан. – Каждый борется с одиночеством, как может. Считай, что это у него портативный счет какого-нибудь «Фейсбука», куда тысячи одиноких людей записывают сотни абсолютно ненужных им чужаков. Зато откроешь – сердце радуется: у тебя, оказывается, 699 друзей. Вот и его греет та стопочка фотографий.

Жуан обнял Юльку за плечи, и они пошли дальше, две фигурки в непролазной гуще духоты и еще чего-то, невидимого, но отчетливо различимого. Одиночество.

Оно висело над Дубаем, как душное облако песчаного бурана.

Оно заполняло людьми бары, и каждый в толпе, поцеживая напиток, чуть подергиваясь под музыку, вертел головой, как будто постоянно ожидая: вот-вот, сейчас, еще чуть-чуть, еще немножечко – и появится Тот Самый Человек. И тогда одиночество убежит, поджав хвост, расплавится в духовке дубайской ночи.

Хотя, очень может быть, что в других городах оно тоже плелось по пятам, цепляя людей, как мух на булавочку. Просто в этом городе гигантоманий и чрезмерностей даже одиночество стало чрезмерным.

Утонувшую в казуистике Юльку «Дон» довел до самых дверей подъезда и незаметно глянул: не предложит ли подняться «на кофе»? Не предложила. Напрашиваться он не стал, а троекратно расцеловав в щеки, тихо, как бы для себя, прошелестел:

– Ну, значит, не судьба.

Он пошел по пустынным улицам в свою пустынную квартиру, а девушка поднялась в свою, уже любимую: совсем недавно там к Юлькиному огромному восторгу каким-то чудом поселилась прозрачная робкая и одинокая ящерка-геккон.

Мончайшее природы вдохновенье

Что за дурацкая повадка
С разбегу верить в чудеса!
У телефонных аппаратов
Сидеть, как будто на часах!

И глупо ждать, и глупо злиться,
И не решаться сделать шаг,
Как будто матом разразится
Внезапно этот первый шах!

Разумнее разумной бранью
Побить себя! Так сможешь ты
Посредством самобичеванья
Избавиться от дурноты!

– А что потом, мой трезвый разум? –
– А что потом! Вернись ко мне!
Спасись
от глаза, от заразы,
От разговоров при луне.

От них, от этаких напастей,
Душа выпрыгивает прочь
И разрывается на части,
И распекает день и ночь.

А эти песни...

В эти лета...

Биясь в стекло оконных рам
Вмиг разрушают у поэтов
Спокойный ход кардиограмм!

Пока всерьез не занедужил,
Вернись ко мне! – вешает он...

– Ах, боже мой! Ну почему же
Молчит мой чёрный телефон!..

Увы, любим и худший между нами,
Стыда и сраму не имущий хам,
Когда шагает глупыми ногами
По муравьям, по ниве, по цветам .

Инна ЛЮЛЬКО

Родилась в 1952 г. в г.Баку. В Узбекистане живет с 1979 года.

Работала художественным оформителем. Пишет стихи и прозу. В журнале «Звезда Востока» публикуется впервые.

Здесь не успел пошарить по-хозяйски
 Мой мегаполис в поисках меня,
 И в эту честь солисты кушей райских
 Поют и инструментами звенят.

Они поют и смотрят простодушно,
 Как буйно распоясавшийся гость
 Ломится шумно из запретов душных,
 Точь-в-точь как в чаше заплутавший лось.

Ах, милый мир! Не бойся – не обрушу.
 Еще чуть-чуть – и я уйду домой.
 Прильнув к подолу, крохотные души
 Твоих цветов хотят уйти со мной.

И всюду, где упасть потом придется,
 Они взойдут, как взгляд забытых глаз,
 Как зов любви, который в сердце бьется
 Для бедных нас. Высокомерных нас.

...Чтобы обратный адрес твой, отрада,
 Будил мой дух сквозь заморочный сон,
 Я простенькую музыку шикады
 Перепишу в мобильный телефон.

А сад у меня – весь в росе и в цвету!
 Страхни мне, весенний, на волосы цвет, –
 И я, словно вишня твоя, зацвету
 Во славу еще не родившихся лет.

Ты весел. Ты вечен! И ты ль виноват,
 Что вянут цветы в волосах у меня!
 Что я постарею, но юн будет сад,
 И вечны есенинские зелена...

ЭТЮД

Царица ланей, дух, творенье
 Тончайшее природы вдохновенья,
 Беги по легким венчикам цветов!
 Они едва склонятся под тобою.
 Лети, прелестная, трепешет тонкий шлейф
 Неведомых тревожных ароматов.
 Тебя коснуться не посмеют

Время,
 Неволя, Смерть, Увечье или Тленье, –
 Печать бессмертья над тобой незрима вновь.
 Любой, твоё движенье наблюдая,
 Живой красой мгновенно пораженный,
 Воскликнет восхищенно:

О, царица!
 Беги, беги по венчикам цветов!..

философия искусства

Эльдар ЮЛДАШЕВ

Родился в 1985 году в г.Бухаре. Участник Международных конференций, фестивалей. Композитор, аранжировщик, поэт и звукорежиссер. Старший научный сотрудник Государственного института искусств и культуры Узбекистана. Живет в Ташкенте.

Маэстро эвфонии

Игорь Иосис. Его сравнивают с медом, на который слетаются, словно пчелы, музыка и звучание. Его сравнивают с эпигетом, которым можно определить сказочную палитру звуков.

Казалось бы, написать о нем – это что-то невероятно легкое, но как бы не так. Имея дело с человеком, который как радужное пятно выделяется на общем звуковом фоне, необыкновенно легко и очень трудно. Легко, потому что интересно разгадывать творческую личность художника, на изучение которой отдано несчитанное количество дней и ночей, свободного времени, энергии и сил. Трудность же написания связана с большой ответственностью, так как ты пионер и первопроходец, который пишет первые строки о всепризнанном маэстро. Хочется лавировать между сравнениями и эпитетами, как его мысли с легкостью маневрируют во вселенной звука. Хотелось бы зачаровать людей словами, чтобы к ним возвращались и цитировали, как возвращаются и наслаждаются благозвучием его таланта. Хотя мне достаточно того, что я могу просто, восхищаясь, говорить о нем, как о художнике грамотно сочетающем все цвета и оттенки на холсте, подобно которому он подбирает красочные звуки и смешивает их в спектре прелестного звучания обертонов. Он как творец подходит к своей работе, вариетет тембра, частот словно в цветовой гамме, тонко со вкусом подбираются им и ложатся нам на слух, в конечном итоге мы наслаждаемся потоком прелестного звучания.

Хотелось бы отметить одно из самых важных достижений И.Иосиса: несмотря на все успехи маэстро, он остался простым, скромным человеком. Выходец из простой семьи становится представителем элитарного искусства. Его робость и скромность вызывает глубокое уважение, слышать в свой адрес комплементарные вещи для него всегда тяжело. Там, где все поют в унисон, слова не имеют значения, значение имеет сплоченность и преданность – так он постоянно подчеркивает вклад команды, коллег и семьи в свой успех. И пусть это звучит несколько общеизвестно, но жизнь его – подтверждение того, что, преодолевая трудности, работая постоянно над собой и развивая свои способности, можно достичь очень многого. Но, самое главное, при этом – оставаться собой.

Человек эпоним, имя которого стало синонимом гармонии звуков. Не смотря на то, что оно у всех на устах, его творческая личность остается для многих тайной. Так кто же он? Как из маленького мальчика он стал легендой?

Об этом я и попытаюсь поведать вам.

Когда в концертных залах гаснут прожектора и не слышно оваций, он отключает тотальный звук, выключает яркий свет, закрывает двери и ждет следующей встречи со сценой, для того, чтобы подарить людям радость.

Сейчас ему 60, и он не то, что переписывает историю, он создает свою, наверное, не понятную ни Майя, ни Атлантам, а лишь ему одному. Маэстро стал отличным доказательством того, что в жизни нет ничего невозможного. Большой уникальностью, чем он, наверное, может похвалиться только беременный мужчина, но такого пока не существует.

Итак, вот он, Игорь Иосис. Но как же все началось? Заглянем в прошлое. Маленький уютный дом, 9 июня 1953 года...

В тот теплый вечер Ташкент под мириадой звезд на небосводе напоминал тихий рай.

Когда рождаются люди из разряда «один на сотни», да что там скромничать – «на миллион», то ожидаешь каких-то событий, маленького чуда, появления второй полярной звезды или другого волшебства, но этого не произошло. Просто и незаметно родился маленький ташкентский мальчик, до поры до времени никто даже не подозревал, что это будущий мессия и цивилизатор современного творческого звука.

Широк диапазон маэстро. Эвфония для него – идеал развития искусства, а само искусство – предмет неустанных размышлений. Еще в юном возрасте, когда он только постигал азы музыкальной науки, у него всегда стоял выбор между мыслить и зубрить.

Вдумайтесь только: уже в 5 лет он знал наизусть весь репертуар Робертино Лоретти! Некоторые в этом возрасте лишь попадают в ячейку «перспективный ребенок». С детства, наслаждение для него было не в благозвучии, а в его поисках. А поиски вызвали состояние творческого полета. Так в раннем возрасте его можно было сравнить с поэтом, перо которого создавало строфу за строфой газели и приятно выливалось на слух в гармонию звуков.

Развиваясь и познавая музыкальный мир, он становился художником не помешавшимся в общепринятые рамки и установленные теории. Человек, в пятнадцать лет написавший первую рок-оперу в стране и руководящий оркестром, попадает под стрелы «стереотипов» реакционных дилетантов. Вокруг него было и восхищение, и зависть, ему приходилось сталкиваться с трудностями, иногда неподъемно тяжелыми. В этот жизненный промежуток юный художник себе говорил: если «хорошо» будет долго, то оно скоро просто надоест и станет «обычным». Так он достойно, с честью принимал подаренные ему испытания. Ведь самый хороший учитель в жизни – опыт. Стоит, правда, дорого, но объясняет доходчиво и навсегда. В те годы для него наибольшим недругом были застойные взгляды сложившихся стереотипов мышления окружающих, мешая свободному полету мысли и творческому поиску истины. Укоренившийся комплекс, будучи далеко не всегда осознанным явлением, тем не менее, «прижимал» человека к земле, подчас вынуждая как в жизни, так и в творчестве идти по проторенной выверенной дороге, на которой «мин нет». Его музыкальный талант вылился в плод постоянного, изнурительного, упорного преодоления зависти, преодоления догматов окружающего мышления, раскрепощения своей творческой инициативы и фантазии, освобождения мысли из оков застарелых шаблонов и предрассудков. Самое тяжелое в жизни человека – это синий кит, а все остальное проходящее.

В общем, несмотря ни на что, музыка следовала за ним всю его жизнь! Или он за ней. Так как в его судьбе она занимала доминирующее место.

Спустя годы, почтенный музыкальный Парнас, где восседали лучшие из мира музыкальной культуры, назвал его почтенно – маэстро, ведь и их познание мира нередко по-

И.З.Иосис

новому трактовалось художником звука. И добавить к непреложной истине можно лишь то, что режиссура и создание звука – это работа исполинских размеров.

Художник звука должен создать достоверный звуковой образ, который бы соответствовал нотному тексту, своей эпохе. Если человек не понимает, не чувствует смысла музыки, не ощущает аромата эпохи, ему никогда не сотворить то, что в истории останется под названием «культурное наследие». Именно на таком культурном наследии и выгравировано золотыми буквами имя Игорь Иосис.

Войдя в концертный зал, он раскрывал артистам то, что им было неведомо ранее. Характер и атмосфера произведения раскрывались благодаря сочному и благоприятному звуку созданной им общей картины. Его творчество становилось многополярным феноменом гармонии тонов, тембра и частот.

Если один живет для нужды, то другой для души, подобно тому, как пессимист откладывает на черный день, а оптимист на светлое будущее. Наш маэстро всегда живёт ради одного, ради душевного светлого искусства. Его звучащая пассия, как парча, рисуя узоры из полифонических мелодических нитей, создавая нежный звучащий чачван, создает эпопею в режиссуре звука. В состоянии катарсиса, овладев искусством самоочищения, маэстро создавал ротацию музыки, которая проложила творческие пути Б.Закирову, К.Рахимову, Т.Кадырову, М.Ташматову, И.Джалилову, Ю.Усмановой, Н.Абдуллаевой, Г.Якубову, О.Отажонову, ВИА "Ялла", ВИА "Наво", ВИА "Садо". Тем самым он стал частью истории и культуры родной земли.

На сцене и за кулисами, в тени, под кронами раскидистых чинар и под палящим солнцем Каракума, в дальней дороге и в теплом, уютном доме из розового кирпича, в окнах которого герань, а на крыше голуби счастье для него одно – сделать работу наполненной жизнью, а не жизнь наполненной работой. То есть уметь жить любимым делом и своим призванием, а это и есть перпетуум – мобиле в его судьбе. Человек ощущает смысл и цель своей собственной жизни лишь тогда, когда осознает, что нужен другим таким же людям.

Альфа и Омега в искусстве – это звук. А органон, которым маэстро познает режиссуру звука, это октагон со святыми восемью «Т». А именно – таинство, талант, творчество, трудолюбие, терпение, требовательность, технологии и душа Ташкента, своего края. Этот октагон для художника всегда остается сакральным вдохновением и музой творчества.

Воображение всеобъемлюще, оно есть предварительный показ грядущих событий жизни маэстро. И своим талантом он творит оптимум для искусства благозвучия и жизни звучащего мафусайлова века, созданного им же. В музыкальной культуре родного края он останется навечно. Идиллия звучащего апогея звезд Востока всегда будет немислима без творцов гармонии тонов и художников звука.

У каждого из нас есть свои святыне волшебные воспоминания, которыми так дорожим, окунувшись в них, мы впадаем в мир грез и волшебства. И всякий раз, впадая в ностальгию прошлого, вспоминая первую любовь, безоблачное детство, мы говорим себе: «время, потерянное с удовольствием, не считается потерянным», и включаем ее – чудодейственную музыку, которая все лечит.

Благозвучие музыки становится вашим мостом к душевному покою и счастью.

И, слушая музыку, принимая целебное лекарство, вы и не подозреваете, что любимая мелодия была создана маэстро музыки и звука.

P.S.

Игорь Зиновьевич Иосис – Почетный член Международной Королевской Академии, кавалер ордена «Дружбы Народов», главный звукорежиссер на всех официальных церемониях и празднованиях Республики Узбекистан, почетный член жюри на ежегодной главной церемонии года «M&TVA AWARDS», создатель первого в Центральноазиатском регионе Международного рок фестиваля «IOSIS FEST», автор многих музыкальных произведений ставших любимыми на родине и далеко за ее пределами....

Театр «пробивающего вдохновения»

О театре «пробивающего вдохновения» «Ильхом» им.М.Вайля много пишут, он всегда в эпицентре внимания. Как и у любого театра театральную аудиторию условно можно разделить на 3 группы. Первая – непосредственно интересующаяся театром, вторая – потенциальная – случайные зрители, гости, а третья – негативная, не расположенная к такому типу художественной информации. И интересный факт! После просмотра спектакля все группы зрителей сходятся в одном мнении – «Ильхом» затронул и эмоциональную, и интеллектуальную сферу души, заставил (шаблонная фраза, но чрезвычайно подходящая) остановиться, оглянуться, задуматься...

Начавший работать на открытой площадке театр (первая постановка «Масхарабоза», состоялась еще в прошлом веке и стала зрелишным действием ежеминутной импровизации) по сей день сохраняет традицию прямого выхода на зрителя и многоплановую манеру подхода к драматургии. Симбиоз актеров, режиссеров, художников и музыкантов подходит к каждой пьесе как к авторскому шифру – особому коду, который расшифровывается всякий раз по-своему. И если Пушкин и его герои многолики, их и играют несколько актеров. В этом театре нет психологических «коконов», начальственных барьеров, здесь мысль и жест, и звук идут вместе, это сфера пластических и интеллектуальных решений, разнообразного репертуара, где есть все – от классики до современности, от лаконичности оформления до многокрасочной манеры решения сценических образов.

Театр «Ильхом» замечателен не только необычным своеобразным прочтением драматургии, но и совершенно оригинальным современным сценическим воплощением авторского художественного замысла и созданного автором образа. Здесь по-новому видят и ставят классику, режиссура находит и воплощает то, что скрыто, закодировано в авторе, еще не известно никому, иногда даже ему самому. Каждый актер, режиссер имеет возможность по-своему увидеть и раскрыть это так, что каждый спектакль можно назвать «неизвестное об известном». Об одном из таких последних театральных решений – более подробно. Это – читка одной из трех, представленных зрителю, драм немецких драматургов (именно с немецкой драматургии и началась традиция таких сценических импровизаций) – пьесы Рональда Шimmelъфенинга «Золотой дракон», ее вторым названием могло бы стать «Бесплатная дорога домой для невидимки».

Спектакль, поставленный с максимальным эмоциональным и интеллектуальным напряжением, был представлен в рамках дней немецкой драматургии в Ташкенте и посвящен актуальной сегодня теме миграции.

«Читки» – это «первоначальное» знакомство зрителя с драмой, когда один актер может озвучивать несколько ролей и за-

**Наталья
ХАШИМОВА**

Родилась в 1950 г. театровед, окончила Ташкентский театрально-художественный институт им.М.Уйгура. Сценарист и режиссер документальных программ на радио и телевидении. Живет в Ташкенте.

читать авторские ремарки в необычайно индивидуальном раскодировании авторской идеи. Поставленная режиссером и актером Вычеславом Дзю читка пьесы Рональда Шиммельпфенинга стала более чем эскизом к спектаклю. Это был эмоциональный мозговой штурм замысла автора, стремление реально увидеть и вызвать требующее практических действий сострадание к «невидимкам», приезжающим из Китая и Вьетнама, делающим самую тяжелую работу, бесправным, беззвучным мученикам собственной идеи – заработать деньги для своей семьи.

Полные надежды и готовые на все, они приезжают в процветающие страны и гибнут физически или морально, превращаясь в обезличенных невидимок. Образ «безмолвного крика» талантливо воплотила молодая актриса театра Наталья Ли.

Группа китайских поваров, беспрестанно готовящих в подвале рестораника «Золотой дракон» всевозможные блюда, по-своему принимает нелегала – еще одного молодого поваренка. Юношу с первых дней мучает зубная боль, он кричит от боли, еще не зная, что шум может привлечь нежелательное внимание. К врачу обратиться нелегалу невозможно. Повара самостоятельно, гаечным ключом удаляют зуб – и молодой человек гибнет от кровотечения. Он нелегал, человек-невидимка, человек, которого нет, но труп его – реальность, и поздно ночью, дрожа от страха, что кто-то услышит и увидит, и от ужаса – ведь это человек, которого надо и нет возможности похоронить – соотечественники заворачивают тело в ковер с изображением дракона и бросают в реку. Позже подводные течения донесут его до родины, а душа скажет родственнику: «Я не могу вернуть долги за поездку, зато обратно я доплыл бесплатно».

Пьеса выстроена на параллелях, послойно раскрывается ряд историй: гламурных стюардесс, молодой семьи, где будущий ребенок становится неприятной проблемой, мужа, от которого уходит жена, юной танцовщицы-стрекозы, попавшей в руки сутенера и так далее.

В калейдоскопе бытовых, острых современных картинок-аллегорий молодой актрисе Наталье Ли предстояло сыграть несколько ролей: юноша, погибший от кровотечения (его зуб взлетит потом и попадет к стюардессе (клиентке ресторана) в суп, а она его после долгих прикидок выбросит, выплюнет в реку, танцовщицы-стрекозы возможно (автор нигде не уточняет, все символично иносказательно) его сестры, которую он ищет, и, главное, голос души, которая наконец свободно может говорить. Партнерами Натальи Ли были опытные мастера. Только актриса Ольга Володина, уникально меняя голосовые характеристики, создает несколько совершенно разных образов – оступевшей от работы и страха потерять ее старой поварихи, мечтательной молодой женщины и расчетливого и безжалостного сутенера. Фон признанных талантов не стусевал, а только выявил яркую индивидуальность молодой актрисы Наталии Ли. Нежный тембр неудачливой танцовщицы, которую грубо используют, и чья покорность только пробуждает неизменные инстинкты, гортанный говорок парня и удивленный голос его души... Везде четкий подтекст – страшный именно в спокойствии – что же это со мной делают, топят, ломают, как дешевую куклу. Пластичность движений тела, рук, необычайная подвижность лица и глаз беззащитной лани, расширяющихся от ужаса, трепет и дрожание губ – в эмоциональном комплексе делают образы Наталии Ли просто «потрясающими», как сказали бы любители театра, а в профессиональном ракурсе это – именно тот баланс, аудиовизуальный, эмоциональный, кинотеатральный, многоплановый, который срабатывает на самые конструктивные моменты драматургической и режиссерской идеи – по пластам, через входы в душу, выявить уровень опасности ситуации. Бесправные и беззащитные люди существуют, их реально утопленные и искаленные тела и символически отлетевшие зубы не должны исчезнуть в реке жизни, это больной зуб общества, нужны целевые действия, чтобы это увидеть, признать и действительно помочь...

Итак, еще один уникальный спектакль, еще один успех ансамблевого стиля театра и еще одно сожаление о том, что «читки» выходят на зрителя только один раз...

ПОЭЗИЯ

*А земля, как подумать,
везде святая...*

А земля, как подумать, везде святая,
и любая дорога – о двух концах.
Слово «мы» стремительно выцветает –
не узнать ни имени, ни лица.

И один останется в поле воин,
над другими не властен, в себе не волен,
будет биться с собственной головою,
будет праздновать труса и подлеца.

А как хмель слетит да пройдет похмелье,
он поднимет голову, как сумеет.
И увидит: небо-то голубое!
И архангел окликнет его с крыльца.

* * *

Ветер уже весенний.
Мир продолжает вертеться.

Шахи-Зинда на рассвете
сонно глаза открывает –
такая
прекрасная,
зеленая и голубая.

Японские дети рисуют
свое восходящее солнце,
а яркий шарик танцует
и сквозь темноту несется –

до первой ошибки бога,
до первой ядерной бомбы,
до первой шальной кометы,
свернувшей с пути на метр...

Живое и неживое –
в бездонных ладонях моря.
Игрушки его: обломки,
рыбы, моллюски, лодки.

Гибнущее и растущее –
на жестких ладонях суши,
связанной пуповиной
с каждой своей травинкой.

**Виктория
ОСАДЧЕНКО**

Родилась в Ташкенте
в 1980 г. Окончила
факультет журнали-
стики НУУз. Участник
Ташкентских откры-
тых фестивалей по-
эзии, лауреат приза
зрительских симпатий
«Глиняная книга»
5-го фестиваля по-
эзии. С 2006 г. член
Союза писателей
Узбекистана. Автор
многочисленных поэ-
тических сборников.
Живет в Ташкенте.

И все это так бессмертно
и неимоверно хрупко.
Касаясь щекою света,
планета бежит по кругу –

в темной комнате космоса
маленькая и живая.
такая
прекрасная,
зеленая и голубая.

* * *

Воздух преломляет слова, искажая смысл.
Хочется вымыть руки, но времени с них не смыть.
Вода из крана падает медленными кусками.
Картинка перед глазами вцепилась и не отпускает –
мучает дальше.

Опыт, купленный на распродаже,
память, которую было бы славно отправить туда же,
сердце, так и не знающее, что ему нужно –
идеальная начинка для этого пирожка.
Но пока Алиса не съела меня в два глотка,
что-то хочет сбежать наружу.

Что бы такое выпить, чтобы сделаться больше,
когда устремления ввысь снова выходят боком?
От бессмысленности провисают дверные петли,
осыпается штукатурка.
В этом чертовом пекле нужно плясать на котурнах.

Складываешь то и это, а сумма выходит меньше.
Карта не совпадает с наблюдаемой местностью.
Плюнешь на эти карты, поселишься где-то между.
Это не тянет на смысл, но может считаться методом.

* * *

Такие безнадежные места,
разбитые дороги.
Пусть так – пусти на волю и не трогай,
но восточку оставь.

Стирая со щеки стрекозью тень,
прикусывая ветер –
исполнить, вспомнить; может быть, ответить.
А что затем?

* * *

Толчок в глаза. Лисенок изнутри.
Из горла тянет жилы по изнанке.
Какие-то бессмысленные знаки,
испорченные букочки в пыли.

Их ложь не умещается в зрачок,
все вертится, пытаюсь там улечься.
Но правда поднимается навстречу,
Смывает все. И дочиста течет.

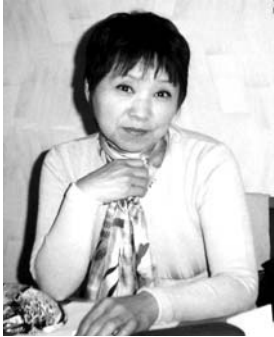
* * *

Снег, потеряв направление, мокнет, сереет, тает.
Подрастающее поколение почему-то не подрастает.
Будущее наступает не так, как нам бы хотелось:
не победами духа, а проблемами тела.
Время заходит с затылка и стреляет смертельно.

Чистый лист пуская насмарку и клея марку,
запечатывая в бутылку, прикрепляя к лапке –
видишь ли, ты спасаешь в лучшем случае маску,
хорошо раскрашенную, покрытую лаком.
Оборачиваешь обложкой – не дай бог поцарапать.

Номера страниц, уголки ресниц, крупный кегль, зрачок.
Словно кто-то посмотрит вниз и поставит зачет.
Ты мне снись, пожалуйста, снись – а чего еще?
Для чего язык даровой рекой сквозь меня течет?

Сочиняю куклу с сердечком в грудке, как у каждой тильды.
Оставляю имя свое на книжке, называется титул.
Маски-сказки-наивные глазки, а мне налево.
По обочине, по обочине, оступаясь нелепо.
Мало ли что там болело.

Марта КИМ

Родилась в 1949 году в п.Барданкуль Ташкентской области. Окончила ТашГУ в 1972 г. Член Союза писателей Узбекистана. Автор многочисленных поэтических сборников. Публиковалась в журналах Узбекистана, Южной Кореи, Казахстана, Прибалтики... Живет в Ташкенте.

Вдохновение

Да хранит вас Господь –
И душу и плоть...
В этом мире жестоком
Тяжелей одиноким.

Знаю я по себе
Гнет ночной тишины,
Как крадется рассвет
Тенью предков из тьмы.

Мимо Вашей жизни пролечу,
Как лист осенний.
Но не об этом я грущу, –
О неизбежности падений.

О том, что не смогла, не стала
Ни Музой, ни женой...
И песни, что для Вас слагала
Я унесу с собой.

Не пересекутся пути-дороги –
Я Вам обещаю...
Спят уставшие боги
От наших мирских печалей.

Что бы я ни сказала –
Фантазия, выдумка, ложь.
Наши пути-дороги
Размоет осенний дождь.

Наталье

Не беги так быстро – расшибешься,
Не люби так сильно – обожжешься. –
Как же над тобой дрожу – боюсь:
Всем на свете, даже воздуху, – молюсь.

Оторвитесь хоть однажды от земли
И расправьте крылья напоследок.
Скоро осень – листопад, дожди,
Тишина уснувших голых веток...

Как будто прошлое – лишь сон,
 Все начинается сначала.
 И чист капелей перезвон,
 Уносит лодку от причала.

И вновь душе неведом страх
 Потерь и расставаний...
 Как будто ключ в твоих руках
 К разгадке тайны.

Вас ревновать? – Смешно и глупо.
 Я Вам никто.
 Перед глазами только буквы
 Застывших строк.

Мне дела нет,
 Кому сейчас Вы дарите цветы.
 Я вижу только лунный свет
 И тень листвы.

Так уж случилось или сама
 Я шла по следам пророчества.
 Мне говорили, накажет судьба,
 Путь в никуда одиночество.

Еще говорили, что можно, нельзя.
 Я же – напротив, по-своему...
 Кажется, было все только вчера,
 Нынче ни с кем я не спорю.

Значит так надо. Одна – так одна.
 Несмотря ни на что, восторгаюсь
 Каждой травинкой, каплей дождя
 И ночи бессонные – в радость.

Не бывает розы без шипов,
 Осени – без грусти листопада.
 Сколько надо перебрать мне слов,
 Чтоб одно – смеялось и рыдало.

Все, что я знаю – щедро делюсь,
 Но молодым – не надо...
 Лишь поздняя осень навевает грусть
 Иссохшей лозой винограда.

Я всюду чужая...
 Чем не изгой?
 Я всех раздражаю
 Ранимой душой.

Всё к тому, чтоб одна
 Шла по жизни тропею.
 Осень. Пустые поля –
 Место моё под луною.

Не дай мне сбиться с пути,
 Оказаться на дне.
 Помоги еще раз взойти
 На вершину, где снег.

Среди облаков перламутровых,
 В звездной ночи
 С тенью – усталым путником
 Ты меня разлучи.

Всё чаще осень навевает грусть,
 Глаза уставшие слезятся...
 Не оттого ль, что жизни путь
 Так не привел к дороге счастья?

Что вспоминать? Пустое дело.
 Напрасно ворошить костер
 Минувших дней, где прошлое истлело.
 Там нынче возвышается костел.

Фархад ЮНУСОВ

Родился в 1983 г. в Ташкенте. Окончил философский факультет НУУз. Лидер рок-группы «Твердый знак», участник мифестиваля видеоконцерта в Музее Кино (Ташкент), публиковался в журналах «Звезда Востока», «Русское поле» (Молдова), альманахах «Преддверие», «Сегодня», «АРК». Живет в Ташкенте.

Краеугольный камень преткновения в душе...

* * *

С этой стороны времени
Заявляют об исчезновении
Вещей, что казались важными.

С той стороны времени
Устают постепенно
И герои, и персонажи.

Без намека на объективность,
Но там было значительно больше
и ярких, и белых пятен.
Здесь – все более ровно, немногословно,
С применением метода вынужденной дипломатии.

И тут до меня доходит, что нет никакого здесь
и никакого там.
Нет никакого «самого дела», но на самом деле
я сам.
Перестаю воспринимать обстоятельства
места и действия.
Это как одна знакомая, прожив долгих пятьдесят лет,
Позвонила и сказала: «Слушай, а смысла-то
в жизни нет».
Я ответил ей: «Да... наверное. Интересно».

* * *

Нитка песка тонка.
Голова человека
торчит из песка.
Пока.
В перевернутом конусе
острием вверх.
Это нижняя половинка.

Нитка песка
начинается издалека.
Ненавязчиво, почти незаметно
пока, по капле.
Откуда-то из высока,
Где еще неподвижна
самая верхняя песчинка.

Симметричный двухуровневый прибор.
Застекленные лица смотрят в зазор.
В их беззвучном крике открыты рты.
И, по мере растущей вверху пустоты
Все ясней и отчетливей полюсы.
Кто-то должен перевернуть часы.

* * *

И все такие красивые,
Пока живы.
И все такие нелепые,
Пока слепы.

Пока с неба
Сыплется
Снег...
дождь, листья и куски этой вселенной.

И все такие разные,
Пока близко и радостно.

И все такие растерянные
Толпятся вокруг, и выпучив, и немея
Пока - абсолютно в себе уверенный -
Факир поедает своего змея.

И все-таки шоу закончится.
Замолчит и это тело.
Развалится на куски.
Такие одинаковые одиночества.
Растают, не оставив имени-отчества
Своей недавней живой тоски.

* * *

И если верить Экзюпери,
Ни жертв, ни виновников не ища,

Никто не знает себя внутри.
Никто не знает чудовища.

Ответственность – это и есть ответ.
Он как бы единственный, и как бы нет.
Конгломерат и жертвы, и палача.

И различать, и разоблачать.
И некого, некому, никому.
Большое спасибо ему, уму.

* * *

И вроде бы вперед,
Хотя лед.
Даже по льду вроде бы вперед.

И все вокруг поет,
Даже, может, танцует.

Вроде бы поет.
Но стиснут, сжат
И ташится, ташится за тобой
Обрастающий весом груз.

А вчера вообще случился такой глюк,
Что, дескать, закончился твой самый
Проникновенный, когда-то звучавший,
блюз.

Все, что тебе осталось,
Твоя последняя линия обороны –
Это маленький уютный тайник.

Ты так тщательно
И кошейски тщетно
Берег его,
Что теперь он сам стал тебе оберегом.

А на обочине...
Нет, совсем не пикник.
Там горячие лепешки
Просто заносит снегом.

Изыскание внутренних резервов
В целях более эффективного
Функционирования системы
При нарушенной энергетической
циркуляции
Не приводит к необходимому результату.

Есть несколько замкнутых кругов:
Чтобы стать лучше – нужны силы.
Чтобы получить эти силы – ты должен
быть лучше.
А сил нет.

Также есть несколько лент Мебиуса:
Ты выбираешься на новый уровень,
Какое-то время идешь по нему,
окрыленный,
И вдруг – завтра – осознаешь себя
Примерно таким же, каким был и раньше.
Прямо инерция дежа вю.

Кроме того, существует специфика работы
Твоей эмоциональной памяти.
Когда тебе говорят: «А помнишь, как это
было?»
Ты киваешь головой: «Ну да, это было».
И, при этом ты – это ты нынешний,
А тогда... да кто его знает, с кем это
было?..
То есть ни черта не можешь сопоставить!

поздравляем!

Певец солнечного края

Писателю Николаю Красильникову исполнилось 65 лет. Коллеги, друзья, общественный совет и редакция журнала «Звезда Востока» от души поздравляют юбиляра с знаменательным рубежом, искренне желают Николаю Николаевичу творческого вдохновения и, конечно, на радость его читателям издать еще много увлекательных книг.

С творчеством Н.Красильникова я познакомился еще в начале 70-х годов прошлого века, будучи редактором журнала «Звезда Востока» по разделу публицистики. На протяжении двух десятилетий он был активным автором публикаций эссе для рубрики «Наш солнечный край». Николай также часто выступал на страницах журнала со своими произведениями для детей. С 1996 по 2001 год Николай Красильников уже сам возглавлял журнал «Звезда Востока».

Произведения Николая Красильникова – не плод кабинетных раздумий. Они рождались в путешествиях по солнечному краю – в пустынях и горах, на берегах великих азиатских рек – Сырдарьи и Амударьи, вынашивались у охотничьих и рыбацких костров.

Итогом стало издание более 60 книг стихов, рассказов, повестей для детей и взрослых. Их общий тираж превысил четыре миллиона экземпляров. Наиболее известны читателям книги «Перо синей птицы», «Друзьям натуралистам», «Олений родник», «Здравствуй, Колумб!», «Тропой полосатого зверя», «Тайна охотничьего домика», «Аистиный снег».

Красильников свободно владеет тюркскими языками. Это помогло ему выступить и в качестве переводчика на русский язык произведений узбекских, каракалпакских, казахских и крымскотатарских писателей.

Произведения Николая Красильникова замечены критиками и отмечены литературными премиями. Писатель награжден медалью Республики Узбекистан «Шухрат».

С 2001 года писатель живет в Москве.

Анатолий Ершов

Родники ходжи Насреддина

(Маленькие истории о большой жизни)

От Н.Красильникова

Мой московский друг, писатель Леонид Мезинов, первый взялся познакомиться с рукописью о шавуазцах. При этом он поинтересовался:

– Где, интересно, находится это селенье?

– Какое? – притворно спросил я.

– Ну, о котором ты написал...

Я по-восточному закатил глаза к небу и сказал:

– Далеко, как до Мекки. В старину караван верблюдов шел туда около трех месяцев. Через города и веси России, буранное Оренбуржье, плавящиеся от солнца пески Приаралья, снежные хребты Тянь-Шаня...

– Постой, постой, – остановил меня друг. – Так ты мне всю географию преподашь!

– Не всю, – продолжил я. – Мы почти уже у цели. Пройдем только абрикосовые сады Канибадама, поднимемся на Камчикский перевал и с него, наконец-то, увидим благословенную Ферганскую долину...

– Значит, пришли.

– Нет, нет! Еще два-три перехода до Кураминских гор, там и встретят нас гостеприимные шавуазцы.

– Чем, собственно, примечателен этот край?

– Там весна наступает раньше на месяц, а зима самая короткая. Шавуазцы говорят: один глаз закрыл – снег, а другой открыл – урюк цветет. Зато лето жарче перца-калампира и горячей шурпы. К счастью, зноя сельчане почти не замечают. У них и на камнях растут деревья, всегда готовые поделиться тенью. А еще в Шавуазе есть источники. Самые чистые на свете. Из них когда-то пил Ходжа Насреддин. Об этих источниках с незапамятных времен ходит молва, что «кто воды шавуазской напьется, тот сюда непременно вернется». Она придает человеку силы, а фруктам – сладость. И люди в Шавуазе веселые, работяшие. Хитреца и бездельника распознают сразу. «Вкус арбуза можно узнать и по кусочку», – говорят шавуазцы или припекают словом: «Лисоголовый». Доброго же – непременно пригласят в дом, накроют дастархан, а на десерт «угостят» самыми-самыми... занимательными былями и небылицами! Не зря же у них останавливался Ходжа Насреддин. Но и вы, уважаемый гость, в свою очередь, должны поделиться интересными историями.

А еще шавуазцы горят: «Падишах спит на спине, а мудрец – на боку». Многие сельчане так и спят. Поэтому наяву они себя чувствуют и падишахом, и мудрецом. Тем более что это право никто ни у кого отобрать не может.

– Жаль, далеко вато находится твой Шавуаз, – улыбнулся друг, дослушав мой рассказ. – Я бы тоже не прочь побывать там...

– Пустяки, – сказал я. – Для этого сейчас есть самолет. Три часа до Ташкента, столько же на машине и мы в Шавуазе!

А пока суть да дело, приглашу-ка я читателей за дастархан, поделюсь с ними услышанными историями о шавуазцах:

– Хуш келибсиз, гости! Добро пожаловать!

В ЛАВКЕ МЯСНИКА

Шавуазец заходит в мясную лавку.

– Почем баранина, сынок? – спрашивает он продавца.

Мясник называет цену.

– Ийе, – удивляется шавуазец. – Побойся Всевышнего, сынок... За такого тошего барашка и такая толстая цена?

- Ата, сейчас все дорожает, – вздыхает продавец.
 – Ну, хорошо, – соглашается шавуазец. – Я могу купить целого барана, только при одном условии.
 – При каком?
 – Если ты скинешь цену на... – и шавуазец называет свою.
 Мясник на какое-то мгновение задумывается.
 – Будь по-вашему, ата, – соглашается он и тянется за тушей.
 – Подожди, сынок, подожди, – останавливает его шавуазец, – сначала отруби-ка мне вот отсюда килограммчик для шурпы.
 Продавец выполняет просьбу.
 Шавуазец заворачивает грудинку в газету, рассчитывается и направляется, было, домой.
 – Уважаемый! – перегибается через прилавок мясник. – Мы с вами так не договаривались. Вы собирались купить целого барана.
 – Верно, сынок, обещал, – отвечает шавуазец. – Но я забыл предупредить тебя, что буду покупать его частями. По килограмму.
 – Тогда, ата, вам потребуется месяц!
 – Вот и хорошо, сынок. За это время барашек успеет жирок нагулять.

ПРИТЧА О ДРУЖБЕ

– Странная и непонятная жизнь пошла, – задумчиво произнес бывший бухгалтер Вали-бобо, прикрывая ладошкой пустую пиалу, – все почему-то жалуются. Одному не хватает любви, другому богатства. И почему человек не довольствуется тем, что дал ему Всевышний?

– А я знаю почему! – улыбнулся шавуазец.

Завсегдатаи чайханы притихли и выжидающе посмотрели на него. Интересно, как шавуазец ответит на этот сложный вопрос.

– Слушайте меня внимательно, – пальцы аксакала начали перебирать четки. – Однажды к одному старому шавуазцу темной ночью неизвестный постучал в калитку. «Кто там?» – спросил старик. «Это я – твоя любовь! – услышал он шаловливый голос. – Впусти меня!» Подумал шавуазец и с грустью признался: «Я уже стар, немощен. С трудом ноги передвигаю. До любви ли мне?» – и не открыл калитку. На другой день в это же время к старику снова постучали. «Кто там?» – привычно спросил он. «Я – богатство!» – произнес твердый голос. И опять задумался шавуазец. Наконец, вздохнул и сказал: «Меня давно одолевают хворь и бессонница. Годы, тяжесть прожитого все ниже пригибают к земле. Да и жить-то осталось всего ничего. К чему мне сейчас роскошь, золото! Не заберу же я их с собой...» – шавуазец вернулся в дом. На третью ночь вновь раздался стук в калитку несговорчивого старца. «Кто там?» – уже раздраженно спросил он. «Я – дружба!» – отозвался добрый голос. Посмотрел старик в шелку, улыбнулся. Словно помолодев на десяток лет, он проворно поднянул на халате бельбаг¹ и распахнул калитку.

Шавуазец умолк.

– Странно... А почему он не сделал то же самое перед любовью и богатством? – Вали заерзал на курпаче. – На свете нет ничего прекраснее любви и богатства!..

– Эх, Вали, Вали, хоть и проработал ты всю жизнь бухгалтером, а самого главного не усвоил, – шавуазец грустно покачал головой. – Если мы будем все жить в дружбе, то это согласие станет источником вечной любви и богатства.

Старики согласно закивали.

Под потолком чайханы в висящей клетке громко запел перепел.

ЮБИЛЕЙ ЧОРЫ

Чоры-бобо отпраздновал свое семидесятипятилетие. Поздравить юбиляра пришли родственники, друзья, односельчане... Той гремел до самой полуночи. И трубы-карнаи были слышны от Шавуаза до самого Камчика. А гости – приглашенные и неприглашенные – все шли, шли и шли... Несли в руках подарки, а в сердцах – слова поздравлений.

Когда празднество стало притихать, а на смену электрическим лампочкам в небе выплыла яркая луна, к утомленному имениннику подсел пенсионер-бухгалтер Вали.

– Вы, уважаемый всеми аксакал, – начал он издавека, – в своем ответном слове скажи, что очень счастливы, дожив до такого почтенного возраста. И очень правильно

¹ Бельбаг – поясной платок.

сказали. А в конце подчеркнули, что были бы более счастливы, если бы вам Создатель отпустил еще хотя бы три годика. Почему именно три?

– Потому, что до семидесяти восьми лет дожили мой отец, мой дед и мой прадед, – почмокав губами, ответил Чоры.

– Хорошо, – согласился Вали, наливая себе из чайника в пиалу чай. – Но то были отец, дед и прадед. У вас другая жизнь. Почему бы вам не попросить больше?

– Э, э, – закивал седой бородкой Чоры. – Это можно сделать только в вашей хитрой конторе. А у Создателя просить сразу много неудобно. Вот я и решил сначала у него одолжить три годика, а там – поживем, увидим! Глядишь, и еще три попрошу...

КАК ОХОТЯТСЯ НА ЗАЙЦЕВ В ШАВУАЗЕ

Младший внук Чоры-бобо Латип в четвертом классе ни с того, ни с сего вдруг пристранился к чтению. И книжки стал читать необычные – все больше про экзотические страны и охоту. А вечером садился на тахту рядом с дедом и пересказывал ему занимательные истории.

Чоры внимательно слушал внука, потягивая из пиалы чай, изредка кивая бородкой, когда соглашался с тем или иным случаем, или восклицал:

– Вай, вай! Неужели так и было?.. А вот у нас в Шавуазе...

И Чоры в ответ рассказывал не менее занимательную историю.

Однажды Латип поведал деду о том, как один охотник метким выстрелом сразил сразу четырех зайцев.

– Где это было? – спросил Чоры.

– В Австралии.

– А где находится эта самая Австралия?

– Да-а-леко, – сказал внук. – На другом конце планеты. Там вечное лето...

– И ты говоришь, одним выстрелом сразил четырех зайцев?

– Да. Я сам читал про это.

– Из ружья?

– Из ружья.

– Ну, тут ничего удивительного нет, – разочарованно вздохнул Чоры. – Из ружья всякий может... Даже косою мерген.¹ А вот, как охотились на зайцев у нас в Шавуазе, когда я был молод...

– Как? – внук вопросительно посмотрел на деда.

– Для этого я набирал мешок камней. Потом ехал на тиллявский базар. Покупал там целый пакет свежего насвай², желательного карахтайского – он особенно крепок. Загружал все это на арбу, а вечером отправлялся в колхозный яблоневый сад. Там особенно много водилось ушастых...

Чоры сделал паузу, отхлебнул из пиалы глоток чая.

– Но при чем тут камни и насвай? – сгорал от любопытства Латип.

– Не торопись, – остановил внука Чоры. – Эти камни по одному я раскладывал возле каждого дерева. А под камни насыпал по шепотке насвай.

Внук нетерпеливо заерзал по кошке.

– Да-да, – подтвердил Чоры. – Зайцы, ничего не подозревая, ночью лунными тропинками спускались с гор в яблоневый сад. Там они натыкались на насвай, нюхали его. А громко чихнув, ударялись лбом о камень. И – всегда насмерть...

– Неужели, правда? – удивился внук.

– Истинная правда, – довольный своим рассказом заключил Чоры. – Утром я приезжал в сад и складывал зайцев в арбу. Иной раз мне приходилось брать их до ста штук. Как видишь, без единого выстрела. И не надо никакого ружья. Тут только нужно немного головой покумекать... Понял? А ты говоришь – Австралия... Куда им до нас, внучек!..

КАК ПРИКУСИТЬ ЯЗЫК

Один шавуазец к старости сделался совсем болтливым. При встречах с земляками в чайхане, на перепелином базаре, в парикмахерской его абсолютно нельзя было остановить...

«Отчего это аксакал стал таким говорливым, как шавуазский сай³ по весне?..» – удивлялись родные и знакомые.

¹ Мерген – охотник.

² Насвай – зеленая смесь, заменяющая табак.

³ Сай – горный поток.

Разгадку «отыскал» сосед:

– Как же не быть моему джуре¹ болтливым! Он ведь потерял все зубы... А как без них язык прикусишь?..

ГАРМСЕЛЬ

Гармсель – это когда раскаленное солнце весь день висит в зените и небо кажется совершенно белесым. Гармсель – это когда от неимоверного зноя с треском-шорохом раскалывается глиняный дувал, и по нему бежит змейка-трещина. Гармсель – это, наконец, когда белобородый старец, вскинув над головой полу легкого халата, своей слюной возвращает жизнь умирающей от жажды перепелке.

Шавуазцы говорят:

– Человек, не испытывавший гармселя, никогда не узнает настоящую цену воде.

«ПИТЬ ВСЮ ЖИЗНЬ»

Шавуазский выпивоха и дебошир Атакул никого не уважал в селении так, как своего соседа Рахманкула. И уважал он его не столько за умелые руки (детские разноцветные люльки, выточенные Рахманкулом из певучего тополя славились не только в Шавуазе, но и по всей ферганской долине), сколько за широту души, незлобивость и врожденную щедрость. Что бы ни попросил Атакул – мерку риса или немного денег взаймы, а на самом деле часто без отдачи – он никогда не слышал отказа от мастера.

Поэтому на всяких свадьбах или дружеских посиделках Атакул после пиалы-другой горячительного напитка любил разглагольствовать:

– Нет, вы не знаете, какой золотой человек Рахманкул. Он все делает своими руками. Выстроил сам дом. Посадил персиковый сад. В его колыбелях выросли все детишки нашего кишлака. Нет, вы определенно не знаете Рахманкула. Его нам послал сам Аллах. Ну-ка, плесните мне еще вина. Я за него готов пить всю жизнь, – и, обратившись за советом к Чоры, спросил: – Правильно я говорю, аксакал?..

– Правильно-то правильно, – то ли одобряя, то ли осуждая, закивал мудрец. – Только «пить всю жизнь» – это каждый сможет. Вот если бы ты сказал: «Я за него готов работать всю жизнь», тогда было бы другое дело...

КОТЕЛ И РЕПА

Из Ахангарана, где издревле живут знатные рудознатцы, в Шавуаз приехал погостить Якубжан-ходжа. Человек уже в годах, но выдумщик и враль каких поискать надо... И главное, когда он рассказывает, сразу не поймешь: где тут был, а где сказка... Словом, свой Мюнхгаузен.

В первый же вечер гость решил удивить шавуазцев в чайхане ошеломляющей новостью.

– У нас в Ахангаране мастера недавно изготовили такой казан... такой казан, что в него еле умещается пятиметровый капкыр², – начал свой рассказ Якубжан-ходжа. – А если по нему стукнуть этим же капкыром, то мелодичный звон унесется за Курамыны, нет, за самые Гималаи и будет слышен даже в Индии.

– Вай, вай, – слышались отовсюду восторженные возгласы. – Неужели на свете и вправду бывают такие огромные котлы?!

– Бывают, бывают, – расцвел в довольной улыбке Якубжан-ходжа. – Даже в Америке нет таких котлов, а у нас в Ахангаране есть...

Посетители чайханы от восхищения онемели, раскрыли рты.

И тогда, до этого молчавший, Чоры нарочито громко и разочарованно сказал:

– Это что – ваш котел... Пустяк... Вот мы в Шавуазе в этом году такую репу вырастили, такую, что под ее ботвой в жару могли отдохнуть сразу тысячу человек... А сама репа выше во-он той горы...

– Тысячу?.. – удивился Якубжан-ходжа. – Выше горы?..

– Да, тысячу, – подтвердил Чоры. – Выше горы. Даже больше. Не верите? Спросите у любого шавуазца...

И гость, дабы не оказаться посрамленным, пошел на последнюю хитрость:

– А зачем вам такая репа-великанша?

– Как зачем? – усмехнулся мудрец. – Большому котлу нужна большая репа. Где же ее варить, как не в вашем котле?

¹ Джуре – друг.

² Какпыр – шумовка.

Покраснел не на шутку выдумщик и враль Якубджан-ходжа и впервые ничего не ответил.

А посетители весело рассмеялись и продолжили пить чай под громкую песню перепелки.

ХАРАКТЕР – НЕ КАЗАН

У одного шавуазца была жутко скандальная жена. Такие, утверждают аксакалы, рождаются в сто лет раз. Причем не от женщины, а из сорочьего яйца.

За короткое время она успела перессориться со всеми родственниками, соседями. И было бы из-за чего! Незначительный пустяк служил поводом для несусветного скандала.

Загоревал шавуазец: лишний раз выглянуть за калитку стеснялся. Уж больно наскучила селянам его жена. А когда ей уже не с кем стало ругаться, она однажды выпалила мужу:

– Все! Больше не хочу оставаться в вашем кишлаке! Запрягайте осла.

Шавуазец немедля внял словам жены.

– И куда же мы поедем? – спросил он.

– В любой другой кишлак!

– Ну... Тогда нам надо забрать наши вещи, – сказал муж.

– Нет, – взвизгнула жена. – Мы все оставим и на новом месте начнем новую жизнь.

– Хорошо, – муж задумчиво покачал головой. – А как быть с твоим характером? Мы его тоже здесь оставим?

– Это не казан и не тандыр, – ответила жена, и, поколебавшись, неспешно слезла с арбы и направилась в дом.

Шавуазец подождал ее, подождал, затем принялся распрягать осла.

ВЕРНЫЕ «ЖЕНЫ»

Чоры спросил односельчан в чайхане:

– Какая самая верная птица в «супружестве»?

Вопрос был настолько обескураживающим, что посетители – молодежь и белобородые старцы – так и застыли с пиалушками чая в руках... Затем в тишине послышались неуверенные голоса:

– Утка!.. Гусь!.. Индюк!..

– Наверное, павлин! – громко выпалил Вали. Он держал во дворе пару этих «царских» птиц.

– А вот и не угадали! – торжествуяше воскликнул Чоры.

– Что за волшебная птица такая, – наморщил лоб Вали, – о которой не знают даже уважаемые и всезнающие люди?..

Под словами «уважаемые и всезнающие» бывший бухгалтер прежде всего имел в виду себя.

– А вот и не скажу! – Чоры притворно зевнул.

– Нет уж, раз начали, так говорите! – потребовал Вали.

– Говорите! – поддержали другие посетители.

– Ну, если вы так настаиваете, – сказал Чоры, – я открою секрет: эту птицу вы все хорошо знаете...

– Курица! – крикнул кто-то петушиным голосом.

– Правильно, курица, – сказал Чоры.

– Об-бо, – по чайхане пронесся разочарованный вздох.

Кто бы мог подумать, чтобы такая глупая птица могла быть верной?

– Чем докажете? – наступал Вали.

– А тут и доказывать не надо, – продолжал «интриговать» Чоры. – Все, кто когда-либо держал кур, знают, что в «гареме» у петуха их бывает десять-пятнадцать штук. Но никогда никто не видел, чтобы курица бегала к чужому петуху. Даже одинокому, самому красивому. Разве это не верность своему супружескому долгу?..

Молодежь вполголоса о чем-то заспорила. Старики погрузились в размышления.

– Женщина, конечно, не курица, – после паузы заключил Чоры, – но медики утверждают, что по утрам полезно натощак выпить свежее яйцо.

ЛЕДЕНЕЦ – НЕ ШОКОЛАД

Осенью Мадамин неожиданно приехал в Шавуаз и остановился в отцовском доме. «Мерседес» свой он оставил под навесом.

Первые дни Мадамина навешали родственники, друзья, соседи... Интересовались его здоровьем, спрашивали, над чем он сейчас работает... Писатель, напустив на себя озабоченный вид, устало отвечал:

– Новый романише пишу, о влюбленном баншике... То есть он уже написан. Я его просто переделаваю. Улучшаю. В пятый раз!

– Понимаем, понимаем, – сочувственно кивали родные и знакомые. – Великую ношу несешь ты на плечах, Мадамин, правду людям.

И верно, Мадамин нигде не появлялся: ни на гапе, ни на званом тое, ни в чайхане. Так он с головой окунулся в работу, тягостную и сладостную.

Поэтому земляки писателя, зная обо всем этом, проходя мимо дома, задерживали шаг и спрашивали участливо у его отца Хакимбека ака, копавшегося в цветнике:

– Как там наш летописец Мадамин, трудится?

– Слава Аллаху! В поте лица. Скоро закончит.

– Хорманг. Не уставать ему!

И сельчане действительно удивлялись титанической работоспособности Мадамина. Шептались, что кетменем легче махать весь день в поле, нежели так корпеть над бумагами.

– Надо же! В пятый раз переписывает свою книгу! – восхищались они. – Мы, может, даже и не подозреваем, что в это время в нашем кишлаке рождается гениальное произведение, которое потом прогремит на весь мир!

Один только Чоры ничему не удивлялся. Зная творчество Мадамина, он лукаво усмехался:

– И-эх... Разве вы не понимаете, друзья, что сколько леденец не катай во рту, не станет он от этого шоколадкой!

НЕ ВЫДЕРЖУ!

У одного шавуазца была страшно сварливая жена. Случалось, не выдержав скандала, муж садился на осла и уезжал из дома. Однако вскоре возвращался обратно.

– Уважаемый, – посоветовал ему как-то сосед. – Чем так постоянно мучиться, не лучше ли вам взять другую жену?

Шавуазец вздохнул и ответил:

– Нет, это не возможно...

– Разве? А есть ли смысл жить в мучениях?

– Вторую жену – видит Аллах! – я уж никак не выдержу, – признался шавуазец.

– И то правильно, – согласился сосед. – Одно дело, когда ужалит один скорпион, но очень страшно, когда начнут кусать две змеи.

КАК ЧОРЫ СТРИГСЯ

В воскресенье Чоры ездил в райцентр. Походил по базару. Полюбопытствовал, что почем... Купил внукам леденцов, а снохе – веник. Отдохнул немного в чайхане, а на обратном пути вдруг вспомнил, что надо бы постричься.

Парикмахерскую Чоры отыскал сразу, хотя давненько не захаживал в нее. Парикмахер, тоший, как жердь, мужчина, с ходу усадил Чоры в кресло. Накинул простынку. Зашелкал ножницами.

– Как, бобо, вас постричь? – заулыбался золотым мостиком зубов.

– Э-э, – закачал бородкой аксакал, освобождаясь от простынки, – не торопись, сынок. Скажи сначала, сколько будет стоить стрижка? А то вдруг у меня денег не хватит...

– Хош¹, – согласился с Чоры не в меру шустрый цирюльник. – Подправит бородку – это будет пятьдесят сумов. Побрить затылок – сорок. Выворнять виски – тридцать. Побрызгать одеколоном – двадцать, итого... – мужчина взял со столика счетную машинку, потыкал пальцем по ее кнопкам и показал старику: – Вот, сто сорок сумов.

Чоры пошевелил губами, что-то подсчитывая, и полез в нагрудный карман за деньгами.

– Не торопитесь, бобо, потом рассчитаетесь, – сказал парикмахер. – Нельзя платить за несделанную работу.

– Э-э, нет! – отрезал Чоры, отсчитывая из кошелька ровно сто сорок сумов. – Возьми сейчас, сынок. Сам знаешь, какая нынче инфляция. А то пока закончишь меня стричь, запросишь все двести сумов!

¹ Хош – ладно, хорошо.

А ЕЩЕ ЧОРЫ ГОВОРИЛ...

В минуты наивысшей душевной благодати:

Так хорошо, так хорошо... Словно Аллах прогулялся босиком по сердцу!

О знакомом пчеловоде:

У него ничего не пропадает. Такой жадный, такой жадный, что даже, если муха съедет на мед и улетит, он непременно отловит ее, оближет все четыре лапки – не пропадать же добру! – и отпустит обратно.

Вот все говорят, мы куда-то идем... Куда-то... А я знаю куда! Или на Чагатай (*знаменитое узбекского кладбище – авт.*), или в Кремлевскую стену...

Если человек говорит о себе плохо, не верьте ему! Он в действительности – намного хуже.

Нет опаснее врага, чем завистливый друг.

У каждой горы свое эхо.

Мы почти всегда слышим, но почти никогда не слушаем.

Хороший плов получается в хорошем доме.

Истинный друг это то же самое, что и твоя тень.

Жизнь – не шурпа, а риск – не соль, найти разумную серединку очень сложно, а уж если пересолил, то разбавлять – либо поздно, либо – невозможно вообще.

Смотреть в будущее, это значит не только вперед, но и назад тоже, а иногда даже по сторонам.

Человеку о хорошем надо говорить сегодня. О плохом – завтра... Чтобы было время подумать, а нужно ли об этом вообще говорить.

Потухшую лампочку почему-то замечают сразу, в отличие от той, что светит.

Иногда не все то, что потерял, хочется найти.

Если посоветоваться не с кем, то посоветуйся хотя бы со своей тубетейкой.

Красивая жизнь иногда обезображивает человека.

Старой весны не бывает.

О величине иного писателя можно судить и по тени брошенной на него.

Чужой помидор всегда слаше.

Что толку считать по осени цыплят, если не знаешь, сколько их было весной.

– Сытая горлица становится легкой добычей для кошки.

– Пестрая лиса, черная лиса – все равно лиса.

У хорошего охотника и кошка фазана добудет.

Вот говорят: волка ноги кормят, но никогда не уточняют: чьи? Бараньи, козьи, коровьи?..

– Арбу осел тянет, а тень от арбы – пес.

О гостях.

– Первый день гость – золото, второй – серебро, третий – медяшка, четвертый – лягушка.

– Человек, который хвалится, что он наконец-то достроил дом, – умирает, ибо дом никогда нельзя достроить до конца, он постоянно требует присмотра и ремонта.

– Покупай дорогой товар – никогда не прогадаешь.

Когда в доме нет мяса, баклажаны тоже мясо.

О здоровье.

По-сууществу здоровье человека складывается от его питания. Но тут многое зависит от содержимого кошелька.

– Здоровье человека – в руках самого человека. Как человек относится к нему, таково и его здоровье.

Чай пьешь – орлом летаешь, водку пьешь – свиньей лежишь.

КАК ЧИТАЮТСЯ РОМАНЫ

До шавуазского аскиячи Хакимбека-ака по прозвищу «Сушенный персик» начали доходить слухи, что его сын Мадамин, давно живущий в Ташкенте, стал известным писателем и что популярность ему принесли книги, где он тепло рассказал о жизни Шавуаза и сво-

их земляках. Хакимбек-ака, конечно, радовался успехам сына, но в сердце старика уже давненько свила гнездо обида – Мадамин, вроде, начал забывать дорогу в отчий дом, в родной кишлак. Он, как оповестили Хакимбека-ака, все больше колесит по заграницам – то в Турции, то в Иране, то в Египте...

А сейчас, говорят, Мадамин сочиняет такие книжки, которые ни в чем не уступают индийским фильмам. Читатели-мужчины над ними страдают душой, а женщины не могут удержаться от слез.

На людях, при друзьях Хакимбек-ака держится с достоинством. И также с достоинством подчеркивает: «Мадамину есть в кого быть талантливым». Приятели, конечно, соглашаются. Все правильно. Аллах Хакимбеку-ака дал острый ум и язык, а сыну – калям. И не только калям, но и... деньги.

И все-таки однажды Мадамин прикатил в Шавуаз на новеньком «Мерседесе». Белом-белом, как взбитый овечий пух. Навестил родственников, заглянул к соседям. И не с пустыми руками. Почти всем преподнес подарки. А Чоры кроме индийских четок подарил и свою новую книгу. Толстую, в красивом переплете.

– Нелегко, бобо, мне дался этот роман, – признался Мадамин. – Три года я рождал его в муках и бессонницах... Прочтите, оцените.

Старик раз десять раскрывал книгу, но, прочитав страницу, всякий раз... засыпал.

Через месяц Чоры случилось приехать по делам в Ташкент. И надо же! Возле базара нос к носу аксакал столкнулся с Мадамином.

Писатель обрадовался встрече с аксакалом. Пригласил его в красивое кафе, угостил сладким напитком. А когда пришло время расставаться, Мадамин, поинтересовался:

– Ну, как, Чоры-бобо, мой новый роман? Прочитали?

– Э-э, – аксакал почесал затылок и улыбнулся. – Какой же ты скорый, сынок... Сам же говорил, что писал книгу в муках и бессонницах целых три года. Как же я могу ее одолеть за месяц...

ПОЧЕМУ ПОЛЫСЕЛ ЧОРЫ

Однажды бухгалтер Вали решил подшутить в чайхане над шавуазским мудрецом.

– Чоры, – сказал он, шурясь лукаво. – Вот, вроде, мы с тобой одногодки. Так? Так. Прожили в одном кишлаке. Так? Так. Пили одну воду из Шавазая и ели одни лепешки из нашей тиллявской пшеницы. Так? Так. Но почему тогда, скажи, волосы у меня еще целы, только сильно поседели, а у тебя макушка голая, как хандаляк?

– Хошь, – задумался Чоры. И в чайхане сразу все смолкли. Что, интересно, ответит на это старик? И мудрец улыбнулся: – Видишь ли, Вали, я всю жизнь в полный рост ходил через калитку. Потому и стер о косяк свою макушку. А ты всю жизнь, как только нагрят ревизия, старался перемахнуть через дувал и прятался. Поэтому волосы и остались целы. Только от трусости поседели. Вот и вся причина.

философия искусства

Акбар ХАКИМОВ

Доктор искусствovedения, профессор, академик Академии художеств Узбекистана, заведующий отделом изобразительного и прикладного искусства Института искусствознания Академии наук Республики Узбекистан

**ПАМЯТЬ ДАЕТ ЗНАТЬ ВРЕМЕНИ
О ЕГО БЕСПРАВИИ...**

Эти строки известного поэта достаточно выразительно и точно передают пафос и содержание представленного русскоязычному читателю книги «Последнее завешание Рузи Чариева», журнальная версия опубликована в «Звезде Востока», где рассказывается о жизни и творчестве известного узбекского живописца, народного художника Узбекистана, академика Академии художеств Узбекистана Рузи Чариева. Эта книга о Человеке, жизненная и творческая судьба которого была наполнена яркими, замечательными достижениями, но в то же время сопровождалась драматическими, доходящими до трагического звучания, обстоятельствами и событиями. Древние греки говорили: «Все, что не происходит со мной, – похоже на меня». Этот афоризм как нельзя лучше иллюстрирует жизнь Рузи Чариева.

Писать о такой неординарной творческой личности и ярком человеке, как Рузи Чариев, – задача чрезвычайно трудная, хотя, безусловно, Благодарная и Благородная. Трудность заключается в том, что Чариев был человеком харизматическим, его экспрессивная манера жить была столь яркой, что в памяти творческой общественности и сознании массы знавших художника людей нередко заслоняла собой его качества как живописца. Несмотря на то, что профессия художника не предполагает широкой известности, а художник по роду своей деятельности – персона более скромная, чем актеры или певцы, Рузи Чариев поистине был широко популярным и являлся неким символом национальной творческой богемы. Эта фантастическая популярность в народе порой мешала более внимательно отнестись к сути его уникального живописного мастерства. На самом деле картины Р.Чариева – это исключительно пронзительная мелодия в общем симфоническом звучании национального изобразительного искусства нашего времени. Найти золотое сечение в представлении образа Рузи Чариева и отразить многогранность его человеческого и профессионального таланта – задача поистине сложная. В этом случае автору повествования о нем необходимо обладать полифоническим набором качеств – не понаслышке знать его жизнь, быть сведущим в тонкостях творчества, иметь незаурядную литературную пластику изложения. Все это сочетает в себе автор книги, посвященной Рузи Чариеву, его близкий друг и соотечественник, талантливый писатель Нодир Норматов, долгое время профессионально изучающий художественную жизнь Узбекистана.

Книга о Рузи Чариеве была написана на узбекском языке и

издана еще в 2009 году, а переведена на русский и напечатана на страницах журнала «Звезда Востока» № 3-4 2011 и № 1 2012 гг. Это логично. И не только потому, что судьба самого художника во многом была связана с Россией, но и потому, что значимость личности Рузи Чариева давно перешагнула национальные границы и вошла в реестр мирового искусства.

Язык книги, даже в переводном варианте, представляет собой некий симбиоз литературного и искусствоведческого стиля, очень точно воплощающего образ уникального живописца во всех проявлениях его жизненного и творческого кредо.

Мне как искусствоведа, которому была оказана честь написать предисловие к этой книге, было бы непростительно не коснуться своего собственного отношения к Рузи Чариеву. И ценность этой рукописи я ощутил, когда внимательно просматривал ее текст при подготовке вступительного слова. Перелистывая рукопись, знакомясь с не известными мне эпизодами из жизни художника и его глубокими высказываниями об искусстве, я вдруг еще раз обратился к своим оценкам, которые формировались у меня в отношении Рузи Чариева на протяжении моего общения с ним и как с художником, и как с человеком. Я вновь осознал, какая невообразимая сила духа и фанатическая любовь к созиданию вела по жизни этого душевно тонкого и талантливого человека. Мне не приходило писать о его творчестве специально, хотя я и упоминал имя Чариева в общих характеристиках искусства второй половины XX века. Должен признать, что до конца 1980-х годов о Рузи у меня было весьма поверхностное представление, я знал его работы, часто слышал его выступления на открытиях выставок и других мероприятиях, но непосредственного общения с ним не было. И если как художник он вызывал уважительное отношение, то как о человеке к тому времени у меня сложилось несколько странное и большей частью негативное впечатление. Он мне казался несколько поверхностным, играющим на публику, фанфаронствующим, сакраментальная фраза которого «Гениально» вызывала у меня внутреннюю усмешку и иронию. И хотя я ни с кем не делился своими мыслями, все же впоследствии мне перед самим собой было стыдно за эти ошибочные оценки...

Перемена суждений произошла неожиданно для меня самого после творческой командировки во Вьетнам в 1987 году. Такой замечательной поездки, полной фантастических ощущений и ярких эмоций, у меня не было ни до, ни после нее, хотя я объездил достаточно много стран. Во многом этому изумительному впечатлению я обязан компании с Рузи Чариевым. И вправду сказано мудрецами: человек познается в далеких поездках и странствиях. Именно в поездке во Вьетнам я почувствовал те его человеческие качества – щедрость, доброту, заботливость, – которые не проявились в официальных встречах в Ташкенте. Во Вьетнаме он был веселым, фееричным, тонким, умным собеседником. Его выступления перед вьетнамскими художниками, искусствоведами поразили меня точностью и глубиной оценок. Каждый раз после его слов публика просила Рузи вновь и вновь выступить. Он буквально очаровал вьетнамцев. Предо мной предстал совершенно другой человек. Да это был Рузи Чариев, который пел, восторгался, шумно говорил... Здесь же все наносное, внешнее, словно растаяло. Это был глубокий, сложный по логике рассуждений и виртуозно мыслящий художник, тонко чувствующий боль, проблемы и радость окружающих. Его наброски-импровизации буквально искрились, он раздавал их направо и налево, радуя и ошеломляя вьетнамских друзей высоким профессионализмом и точностью наблюдений. В конце концов, он растопил во мне всю прежнюю настороженность и полностью расположил к себе.

В своей книге Н. Норматов пишет, что Рузи Чариев не привез из поездки во Вьетнам ни одной портретной работы. Должен здесь возразить автору и рассказать об одном эпизоде. Как-то вечером во время пребывания в Хайлонге (заливе «тысячи островов» на берегу великого Тихого океана, о котором упоминает Норматов) Рузи устроился за этюдником и стал делать акварельные наброски. Он быстрыми, порывистыми движениями минут за двадцать набросал мой портрет под лампой в вечерних сумерках и показал мне. Портрет потряс меня не только тонкостью лессировочной проработки и великолепной пластикой вибрирующего сине-голубого колорита, но больше – какой-то мистичностью образа. По утонченной тающей цветовой пластике портрет можно было бы сравнить с работами Ренуара, но по силе звучания он напомнил поразившего меня когда-то «Сайробского старика» самого Рузи Чариева. Физиономически это был

я, и в то же время с листа на меня смотрел некий странный персонаж, в котором не психологическая, а сиюминутная экспрессия передавала таинственную неповторимость онемевшего вечера. С трудом сдерживая эмоции, я попросил Рузи подарить мне этот портрет, но он решительно отказался, спрятав лист с моим портретом в папку рисунков. Он не жадничал, потому что подарил мне потом в Ташкенте огромную красивую картину, написанную маслом, – портрет женщины-арабки, который хранится у меня дома, но мой портрет он мне так больше и не показал... Может, он хранил его как талисман или сакральный символ неожиданно озарившего его творческого вдохновения?...

Возвращаясь к содержанию книги Н.Норматова, следует подчеркнуть: ее значение в том, что она раскрывает человеческие качества Рузи Чариева на конкретных примерах и событиях, показывая неординарность характера художника, истоки которого в сложных перипетиях его жизненного пути. В структуре книги, ее содержании чувствуется незримый диалог автора книги и самого художника. Жизнь художника, его работы, в драматическом сплетении событий мастерски описываются Н.Норматовым. Делает он это ненавязчиво, с изысканным литературным мастерством. Пластически точно внимание читателя акцентируется на очень ярких эпизодах из жизни художника. Именно они придают особую выразительность повествованию и показывают причины появления такого феномена как Рузи Чариев.

Судьба национального искусства XX века – тема еще неосмысленная в должной мере художественным сознанием и критикой. На фоне интенсивно проникающих новых тенденций мирового искусства, изменивших облик изобразительного искусства молодого независимого государства на рубеже нового тысячелетия, наследие национальной живописи порой представляется несколько архаизированным, теряющим свою художественную актуальность феноменом. Умная и тонкая книга Нодира Норматова позволяет нам избежать столь поспешных историко-культурных оценок, взглянуть на это духовное наследие более пристально, в контексте важных человеческих и эстетических ценностей. Такие шедевры как «Материнское раздумье» Р.Ахмедова, «Портрет А.Хидоятова» работы А.Абдуллаева, эпические пейзажи У.Тансыкбаева и, конечно же, «Сайробский старик» Рузи Чариева заставляют нас вновь и вновь обратиться к золотому фонду узбекского искусства, увидеть в нем истоки его современного национального возрождения.

Как признается автор книги, ее пафос в стремлении привлечь к раздумьям читателя: «...книга стала результатом двух точек зрения – автора и художника. Самая главная ее цель: появление третьей точки зрения – читателя – на искусство, новый взгляд на жизнь, новые мысли». Читая книгу Нодира Норматова, убеждаешься в том, что эта цель достигнута. Во всяком случае, я с интересом включился в этот неспешный и мудрый разговор о судьбе Художника.

караван истории

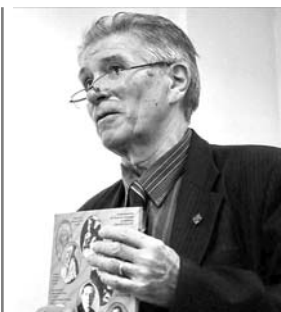
ДОКТОР ЯСЕНЕЦКИЙ-ВОЙНО

В мае 1923 года в Ташкенте тайно от властей был пострижен в монашество человек, получивший имя евангелиста Луки. В Новом Завете сказано: «Приветствует вас Лука, врач возлюбленный». Действительно, новоявленный ташкентский монах по профессии был врачом, как и автор третьего Евангелия. В миру его звали Валентин Феликсович Ясенецкий-Войно. Предки его происходили из старинной шляхетской фамилии и принадлежали к католической вере. Но под влиянием матери Валентин еще в юности выбрал православие.

Он приехал в Ташкент в 1916 году, имея за плечами многолетний опыт работы земским врачом, хирургическую практику на фронте во время русско-японской войны, звания доктора медицины и лауреата очень престижной премии «За лучшее сочинение, пролагающее новые пути в медицине». В столице Туркестанского края ему доверили пост главного врача Первой городской больницы. За прошедшее столетие эта цитадель медицины в Ташкенте не раз меняла свое название. Кто-то знает ее как «Неотложку» – Центр неотложной помощи, кто-то как клинику Главташкентстроя. Но старые ташкентцы до сих пор зовут ее просто «Жуковской больницей», так как она была расположена на бывшей улице В.А.Жуковского (ныне – улица С.Азимова).

Ее обширная территория неоднократно благоустраивалась, помещения реконструировались, но до наших дней, к счастью, сохранился старинный хирургический корпус, где в 1917 году впервые прозвучал негромкий и всегда спокойный голос высокого сорокалетнего мужчины в белом халате. Всем запомнилась его монументальная фигура с невероятной положительной энергетикой. Он имел привычку неуклонно отстаивать свое мнение перед сотрудниками – вплоть до конфликтов. Главный хирург больницы редко смеялся, но так мило улыбался, что мог этим обезоружить любого.

Валентин Феликсович быстро заслужил авторитет среди пациентов и коллег. Больные стали буквально сотнями записываться в очередь на операцию именно к нему. Еще в 1917 году его выбрали председателем Союза врачей. Особенно важным для него было войти в замкнутую корпорацию туркестанских медиков, среди которых тогда были выдающиеся люди. Обаяние личности и высокий профессионализм приезжего сыграли свою роль. Ведь он оказался человеком весьма широких взглядов. Выпускник-отличник медицинского факультета Киевского университета Святого Владимира обладал, к тому же, способностями живописца и даже обучался в художественном училище. Не прошло и года, как доктора В.Ф.Ясенецкого-Войно пригласили преподавать вместе с известными светилами туркестанской врачебной науки – братьями Слоним, Алексеем Дмитриевичем Грековым, Львом Васильевичем Ошаниным – в специальную медицинскую школу, организованную властями в помещении бывшего театра-варьете «Буфф» (на месте нынешнего офиса

Борис ГОЛЕНДЕР

Родился в 1947 г. в городе Ташкенте. В 1972 году окончил химический факультет Ташкентского государственного университета. Автор более 60 научных работ и 5 изобретений в области химии и технологии полимеров. Научный сотрудник литературного музея С.Есенина. Автор более 100 произведений, сценариев шести документальных фильмов, редактор художественных, общественно-политических и учебных изданий.

кампании «Билайн» на углу улиц Амира Темура и Бухоро). Эта школа стала составной частью создаваемого Туркестанского университета и вскоре была преобразована в медицинский факультет, получила для учебных аудиторий и клиник большие здания бывшего Ташкентского кадетского корпуса (это старый ТашМИ, теперь – Медицинская Академия), а В.Ф.Ясенецкий-Войно был избран заведующим кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии. Так он стал профессором университета.

Между тем, в частной жизни профессора все обстояло совсем не гладко. 13 ноября 1919 года неожиданно и быстро – через несколько месяцев болезни (скоротечной чахотки) – умерла его любимая жена. А ведь в Ташкент они переехали полагая, что благодатный сухой среднеазиатский климат поможет победить развивавшийся у жены туберкулез. Однако это не помогло, и на Боткинском кладбище появилось скромное надгробие с надписью «Войно-Ясенецкая Анна Васильевна 1881-1919». Супруги прожили в счастливом браке четырнадцать лет, и на руках безутешного отца осталось четверо малолетних детей: Михаил, Елена, Алексей и Валентин. Следует вспомнить, что это происходило в самый тяжелый период гражданской войны. Известно, что во время «красного террора», объявленного в начале 1919 года после подавления так называемого Осиповского мятежа, ташкентского восстания против диктатуры большевиков, доктор В.Ф.Войно-Ясенецкий был арестован как «чуждый элемент» и мог быть расстрелян в Среднеазиатских железнодорожных мастерских без суда и следствия, если бы случайно не попался на глаза одному из своих бывших пациентов, которого незадолго до этого вылечил от тяжелой болезни. Тот оказался представителем только что выбранных временных властей Туркестана и сумел спасти арестованного врача от неминуемой смерти. В таких условиях врачебная практика и преподавательская деятельность становились весьма проблематичными. Удары судьбы сильно повлияли на Валентина Феликсовича, но он нашел в себе силы победить все несчастья.

Прежде всего, он нашел женщину, которая могла бы быть няней для его детей. На долгие годы ею стала Софья Сергеевна Велецкая. Решив проблему с детьми, он обратил свои помыслы к Создателю.

Надо сказать, что Валентин Феликсович с молодости был особо религиозным человеком. Многие очевидцы свидетельствуют, что он никогда не пропускал ни одной важной церковной службы, и единственно, когда нельзя было застать главного врача больницы дома, так это в дни церковных праздников. Мемуаристы вспоминают, что можно было видеть, как в каждую свободную минуту «он вынимал из кармана маленькую книжечку и погружался в ее чтение. Эта книжка была карманным Евангелием.

В своих воспоминаниях В.Ф.Войно-Ясенецкий пишет: «Я скоро узнал, что в Ташкенте существует церковное братство, и пошел на одно из заседаний его». Интересно, что в кратком сохранившемся обзоре заседаний Второго Туркестанского съезда духовенства и мирян, напечатанном 4 июля 1918 года в газете «Народный университет», докладчиком об учреждении Туркестанского братства «целями религиозно-просветительскими» назван В.Ф.Войно-Ясенецкий! По инициативе Братства 27 сентября 1918 года в Спасо-Преображенском кафедральном соборе доктор медицины В.Ф.Войно-Ясенецкий прочитал лекцию «О смысле жизни», которая легла потом в основу его главного религиозно-философского труда «Дух, душа и тело». Над этой книгой он работал всю свою жизнь. Уже в тот далекий от нас ташкентский период его биографии он сформулировал одну из главных идей, пронизывающих своеобразное завещание, данное им в книге «Дух, душа и тело»:

Вечной материи нет, а только энергия ... является в форме материи. При атомном распаде освобождаются формы энергии все более тонкие, приближающиеся к чему-то нематериальному. Что же мешает нам сделать шаг и признать существование вполне нематериальной, духовной энергии и считать ее первичной формой, родоначальницей и источником всех форм физической энергии?

Кажется, что здесь и кроется краеугольный камень мировоззрения этого уникального человека – крупного ученого XX века, ставшего одновременно активным иерархом Русской Православной Церкви. Ибо в той же книге он пишет:

Бог есть дух. Бог есть любовь, и изливание Духа Его есть изливание любви на все живущее. Любовь творит. Всесозидающим и всепоглощающим бесконечным потоком духовной энергии Божественной любви создана вселенная. Она создана из ничего.

Как у библейского пророка Иова, несчастья только укрепляли веру доктора В.Ф.Войно-Ясенецкого в христианские идеалы.

Его доклад как члена Братства о положении дел в Туркестанской епархии 1920 года привлек всеобщее внимание. По воспоминаниям самого В.Ф.Войно-Ясенецкого тогдашний епископ Ташкентский и Туркестанский Иннокентий, высоко оценив этот доклад, посоветовал доктору стать священником. «У меня не было и мыслей о священстве,

но слова Преосвященного Иннокентия я принял как Божий призыв архиерейскими устами» – пишет Валентин Феликсович.

В 1921 году В.Ф.Войно-Ясенецкий был рукоположен в диаконы, а через неделю, в день Сретения Господня, епископ Иннокентий совершил его рукоположение во иереи. Отец Валентин был определен в собор святого Сергия Радонежского с возложением на него обязанности проповедовать. При этом он продолжал работать главным хирургом в Первой городской больнице и преподавать в университете, не скрывая своих религиозных воззрений.

Тут и возник первый его конфликт с советской властью. Атеистический по самой своей сути большевистский режим, да и многие коллеги никак не хотели согласиться с тем, что работник медицинской науки, известный и уважаемый всеми специалист может быть в то же время и священником, вывешивать иконы в операционной и принимать пациентов в медицинском халате, одетом поверх рясы. Его откровенно и разнузданно травили в местной прессе, устраивали разnosы в различных инстанциях советской власти, идейно давили на его друзей-коллег. Профессор-священник был непреклонен. Дело кончилось тем, что сам Ян Рудзутак, один из пятерки Средазбюро ЦК ВКП(б), руководившего фактически Туркестанской республикой, вынужден был официально запретить, как он выразился, «превращать операционную не то в православную часовню, не то в молельный дом старообрядцев». Но в то же время грозный большевистский чиновник, по свидетельству самого В.Ф.Войно-Ясенецкого, назвал хирурга-священника «самым безвредным для нас человеком».

Но это были только цветочки... Конфликт между советской властью и врачом-священником сильнее всего углубился, когда В.Ф.Войно-Ясенецкий занял твердую позицию на стороне «старой церкви» в спровоцированном большевиками церковном расколе 20-х годов прошлого века. Как известно, это был один из самых трудных периодов в истории православия, как в России, так и в Средней Азии. Слабые духом священники так называемой «новой церкви» поддерживали мероприятия советской власти, реально направленные на конфискацию церковных ценностей, закрытие и уничтожение храмов, насильственное внедрение атеизма в сознание народа. «Староцерковники» во главе с патриархом Тихоном, придерживавшиеся канонов православия, объявлены были контрреволюционерами. В это время епископ Ташкентский и Туркестанский Иннокентий самовольно покинул кафедру, а отец Валентин вместе с протоиереем Михаилом Андреевым вынуждены были взять на себя управление Туркестанской епархией. Профессор В.Ф.Войно-Ясенецкий принял монашеский сан под именем Луки. Весной 1923 года иеромонах Лука тайно отправился в небольшой городок Пенджикент, расположенный недалеко от Самарканда, где тогда находились два ссыльных епископа Русской Православной Церкви, сторонники патриарха Тихона. 30 мая в маленькой пенджикентской городской церкви святого Николая Мирликийского епископ Волховский Даниил и епископ Суздальский Василий хиротонисали во епископы В.Ф.Войно-Ясенецкого. Преосвященный Лука был поставлен епископом Ташкентским и Туркестанским.

Но в этом высоком звании ему пришлось пробыть на свободе – увы – недолго. Уже 10 июня 1923 года он был арестован чекистами как сторонник патриарха Тихона. Нужно учесть, что руководил туркестанскими чекистами в то время кровавый Ян Петерс, правая рука «железного Феликса». Он входил в новый состав пятерки Средазбюро ЦК ВКП(б), сменил мягкотелого Яна Рудзутака и планомерно ужесточал репрессивные меры против любого проявления инакомыслия в Туркестане. Сохранились воспоминания святителя Луки о его встрече с Яном Петерсом в ташкентской тюрьме: «Он допрашивал меня о моих политических взглядах и моем отношении к советской власти. Услышав, что я всегда был демократом, он поставил вопрос ребром: так кто же вы – друг наш или враг наш? Я ответил: «И друг ваш, и враг ваш, если бы я не был христианином, то, вероятно, стал бы коммунистом. Но вы воздвигли гонение на христианство, и потому, конечно, я не друг ваш».

В августе 1923 года арестованный епископ Лука был переведен в Москву, откуда в конце года был отправлен в ссылку на Енисей. Из Сибири его отпустили в Ташкент только после отбытия назначенного ему срока «от звонка до звонка» – в январе 1926 года.

В первый шестилетний отрезок своей жизни в Ташкенте В.Ф.Войно-Ясенецкий как главный врач Первой городской больницы жил в большом шестикомнатном одноэтажном доме на территории клиники. К сожалению, до наших дней этот дом, построенный еще в 1898 году, не сохранился. Сразу же после ареста святителя Луки его дети с няней вынуждены были освободить казенную квартиру и переселиться в маленькую комнатуху недалеко от нынешней улицы Кары-Ниязова (а тогда – улицы Учительской). Это был район расселения ташкентской интеллигенции. До нашего времени он частично сохранил специфический колорит старого патриархального Ташкента.

Когда епископ вернулся из ссылки в Ташкент, он поселился там же, по адресу: улица Долинского, дом М.И.Мальцевой № 8. Маленькая уютная улица, названная в конце XIX века именем генерала П.И.Долинского, председателя Туркестанского окружного военного суда и депутата Государственной Думы, конечно, уже давно сменила свое название. Во времена, когда на ней жил святитель Лука, она носила имя М.В.Фрунзе, а в современном Ташкенте оставшаяся ее часть стала называться улицей Хамиды Саматовой. Дом № 8 в 20-е годы XX века принадлежал уже не М.И.Мальцевой, а некоей мадам Пригорской, но сейчас дома нет – снесен в начале XXI века в ходе реконструкции этой части города.

Во второй период жизни В.Ф.Войно-Ясенецкого в Ташкенте он продолжал служить в находящемся неподалеку соборе святого Сергия Радонежского, преподавать в университете и одновременно заниматься частной медицинской практикой. В месяц он принимал до 400 больных. Желающие попасть на прием каждый день толпились во дворе дома № 8 по улице М.В.Фрунзе с 5 часов утра. В те годы собор святого Сергия на углу Пушкинской и Новой улиц превратился в оплот «староцерковников», ревнителей истинного православия во главе с епископом Ташкентским и Туркестанским Лукой. Это, конечно, тревожило чекистов, и они искали повод для «вразумления» святителя Луки. Такой повод нашелся через несколько лет.

6 мая 1930 года Владыку арестовали по делу о самоубийстве профессора Ивана Петровича Михайловского. Этот случай наделал много шума в Ташкенте. Уже в наше время была опубликована детективная повесть В.Михайлова «Выстрел на Лахтинской», где под вымышленными именами фигурировали все действующие лица трагедии, в том числе и профессор-епископ Лука, но ясности это не прибавило. И.П.Михайловский, коллега святителя Луки по университету, был талантливым экспериментатор, ему удалось вплотную подойти к открытию мирового значения – возможности переливания крови, в то время неизвестной. Но профессор отличался странным поведением, неадекватным состоянием психики, мистическими настроениями и злоупотреблял алкоголем. Ряд проведенных им медицинских опытов не удался, и он, скорее всего, по этой причине неожиданно застрелился в своей квартире на улице Лахтинской (ныне – улица И.Ганди). Недалеко, кстати, жила с мужем дочь В.Ф.Войно-Ясенецкого Елена, а сам Владыка часто встречался с профессором И.П.Михайловским, увещевая коллегу. Обстоятельства самоубийства ученого с европейской известностью так и не раскрытые поныне, чекисты использовали как удобный повод для заключения неугодного властям епископа Ташкентского и Туркестанского на целый год в тюрьму. 15 мая 1931 года без суда и приговора В.Ф.Войно-Ясенецкий опять был репрессирован – выслан на три года в Архангельск.

Вечное блаженство праведников и вечную муку грешников надо понимать так, – писал святитель Лука, – что бессмертный дух первых, просветленный и могущественно усиленный после освобождения от тела, получает возможность беспредельного развития в направлении добра и Божественной любви, в постоянном общении с Богом и всеми бесплотными силами.

В тяжелейших жизненных обстоятельствах доктор-священник не прекращал не только своего пастырского служения, но и продолжал важнейшую научную работу. Еще в ташкентской тюрьме ГПУ он закончил свой, ставший впоследствии знаменитым научный труд «Очерки гнойной хирургии». В Архангельске он заинтересовался так называемыми катаплазмами – самодельными мазями из почвы. Это был прямой путь к открытию неизвестных тогда науке антибиотиков. Но 9 апреля 1935 года газета «Правда Востока» вдруг печатает разгромную статью, подписанную ведущими ташкентскими медиками, под заголовком «Медицина на грани знахарства» против опытов профессора В.Ф.Войно-Ясенецкого с катаплазмами. Дальнейшие исследования в этой области ему были запрещены. В результате эпохальное открытие применения антибиотиков в медицине было совершено другим ученым и в другом месте!

Весной 1934 года епископ после архангельской ссылки в третий раз вернулся в Узбекистан. Он работал сначала в Андижане, а потом в Ташкенте. В декабре 1935 года на гонорар, полученный от издания монографии «Очерки гнойной хирургии», ему удалось приобрести в Ташкенте собственный дом из трех комнат с двухкомнатным флигелем по адресу: проулок Воровского, дом № 23. Современный адрес этого строения – улица Бештерак, дом 42/2, там до недавнего времени жили родственники святителя Луки. Дом был снесен при прокладке новой линии трамвая против комплекса зданий современной Медицинской академии.

Войно-Ясенецкий продолжал работу в своей больнице, которая теперь называлась Институтом неотложной помощи, преподавал в Институте усовершенствования врачей, совершал церковные службы. Однако доверия советской власти к нему не было. Впустую звал к власти святитель Лука, когда он писал в своем заявлении чекистам, будучи арестованным в первый раз:

Зачем вы нарушаете декрет об отделении Церкви от Государства, рубите сук, на котором сидите? Неужели не ясно, что никакое правительство не может существовать, если оно не поддерживает уважения к своим Законам, если ему не верят? Зачем же вы так ясно попираете правду, преследуя меня, не совершившего и не могущего совершить никакого преступления?

13 декабря 1937 года профессор В.Ф.Войно-Ясенецкий опять был арестован в собственном доме на улице Воровского. На этот раз с ним не церемонились. Тринадцать суток он провел без сна, когда его допрашивали конвейером с требованием подписать вздорные обвинения о связях с иностранными разведками, в частности, с расстрелянным незадолго до того ташкентским ксензом Иосифом Савинским, с которым православный епископ Лука вел в свое время ученые богословские споры. Арестованный объявил голодовку (18 суток) и никаких документов не подписал. Строптивного епископа снова выслали в Сибирь.

Дальнейшая жизнь и деятельность В.Ф.Войно-Ясенецкого проходила в России и Украине. Вздорные обвинения и произвол советской власти не сломили великого подвижника веры. Он продолжал свою гуманную работу по сохранению здоровья людей и практическое служение Богу в сане иерарха Русской Православной Церкви. Не следует забывать, что святитель Лука был подлинным виртуозом хирургии. Один из его коллег писал о нем: «... оперировал Войно мастерски, как своеобразный «хирургический маэстро», и притом, будучи уверенным в самом себе, оперировал очень спокойно». Это был необходимейший стране специалист, особенно в годы начавшейся Второй мировой войны. К тому же его книга «Очерки гнойной хирургии» представляла собой практическая основное пособие для военных врачей в полевых лазаретах. Этим и объясняются перемены в положении ссыльного святителя Луки. Ему возвратили право проживания в центре страны, после войны даже наградили медалью «За доблестный труд», а в феврале 1946 года профессору В.Ф.Войно-Ясенецкому была присуждена Сталинская премия первой степени «за научную разработку новых хирургических методов лечения гнойных заболеваний и ранений». Эту премию (200 000 рублей) святитель Лука передал на церковные нужды. Русская Православная Церковь возвела его в сан архиепископа и удостоила чести носить бриллиантовый крест на клобуке.

Христианский пастырь и талантливый врач-хирург успешно лечал и души, и тела людей, оставил массу ценнейших богословских работ и огромное научно-медицинское наследие. Едва ли можно найти в истории другого человека, в ком соединялись бы вполне материалистическое отношение к науке (медицине), живая и гуманная практическая деятельность по сохранению здоровья людей и самая искренняя и глубокая вера в Бога с опять же практическим служением Ему в сане иерарха церкви. Именно в Ташкенте он обрел стержень собственной человеческой основы и принял свой крест, который сознательно пронес через всю свою жизнь, в те труднейшие двадцать лет, когда на долю церкви и всего народа выпали тяжелые испытания.

Может быть, поэтому В.Ф.Войно-Ясенецкий очень любил Ташкент, где его знали и ценили. Тысячам пациентов здесь он спас жизнь как врач, и память об этом неизгладима в сердцах людей. Но после войны он смог посетить Ташкент только один раз, в сентябре 1947 года. Здоровье святителя Луки было подорвано годами тюрьмы и ссылки, он плохо видел, а к концу жизни совершенно ослеп.

Скончался Преосвященный Лука в Симферополе 11 июня 1961 года, а в 2000 году официально был причислен к лику святых. Архиерейский Собор Русской православной Церкви прославил его как святого « в сонме новомученников и исповедников Российских». В.Ф.Войно-Ясенецкий почитается святым и другими христианскими церквями, в частности, Греческой Православной Церковью.

Таир ЭФТИ

У истоков человеческой цивилизации*

*Ко мне на суд,
Как баржи каравана,
Тысячелетия плывут
Из темноты...*

Историю нам преподносят как череду событий – возникновение, развитие и угасание цивилизаций и государств. Историческая хронология обычно рассматривается в рамках последних двух тысячелетий, почти все события, свершившиеся на всех континентах и во всех государствах за это время, давно описаны. Что касается периода времени до нашей эры, то, хотя достаточно хорошо изучены и описаны царствования и древнейшие памятники Египта, культура Древней Греции, существование Римской империи, ряд других великих цивилизаций, многое остается неясным, установленные факты и описанные события фрагментарными. *Чувство истории* человека XXI века остается неполным.

Духовный мир человека и фундамент мировоззрения не могли возникнуть спонтанно, будто бы приуроченные к какому-то периоду, установленному современными историками. Верования человека, его интеллектуальные и культурные достижения складывались на протяжении тысячелетий в недрах древнейших культур человечества и оформлялись в религиях, в космологических и философских воззрениях. Именно к таким древнейшим культурам, колыбелям человеческой цивилизации относится одно из самых первых государств – Шумер. Оно находилось в нижней Месопотамии, равнине между реками Тигр и Евфрат (сейчас на этой территории располагаются земли Турции, Сирии и Ирака). Жителям этого древнейшего государства, возникшего за несколько тысячелетий до нашей эры, приписывается первая письменность, причем, они стали первыми авторами, оформившими в своей письменности *божественные представления о сотворении мира и миссии человека*. Об этом свидетельствуют переводы многочисленных клинописных шумерских табличек, составляющих огромную по объему литературу: эпосы, поэмы, сказания, мифы и т.д.

Расшифровав шумерскую клинопись, ученые открыли дорогу для дальнейших исследований истории государства Шумера и его жителей. Они писали о Шумере с высочайшим уважением, объективно и беспристрастно. В своих исследованиях они называют его жителей *шумерцами – шумерянами*. Многолетние кропотливые исследования привели исследователей к однозначному выводу о тесном родстве шумерского языка с агглютинативным тюркским языком.

Открытие Шумера как древнего государства и возникновение шумерологии произошло в середине и второй половине XIX века. В России начали исследовать историю Шумера, опираясь на труды западных авторов, намного позже. Советские и российские авторы внесли большой вклад в дело ознакомления читателей с культурой и историей этого государства. Однако они не поднимали вопрос об этническом происхождении

* Редакция благодарит кандидата филологических наук С.Мели за материал.

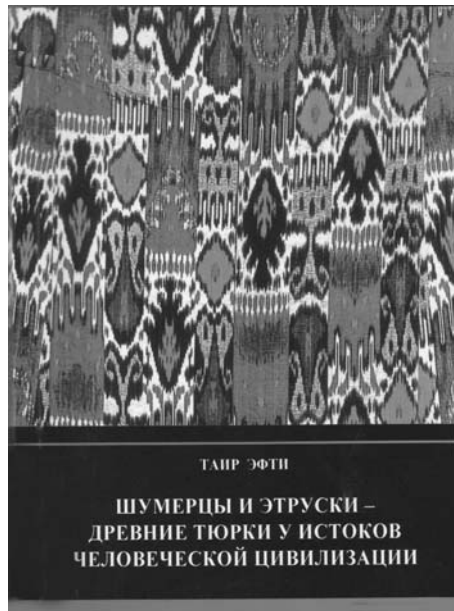
жителей Шумера, о прародине шумерян или шумерцев, хотя к этому времени уже были известны выводы западных исследователей о *родстве шумерского и тюркского языков*.

До последнего времени Шумер и шумерский язык оставались непроясненными для широкого читателя. В данной статье обнаруются давно известные, но искусно замалчиваемые факты, чтоб рассеять сомнения в подлинном происхождении народа, создавшего первую и устойчивую цивилизацию, плодами которой пользуется все человечество. Основные верования людей на Земле своими корнями уходят в литературу и мифологию Шумера. Представляемая нами гипотеза утверждает, что шумерцы не были язычниками или идолопоклонниками. Они верили в *единого космического Бога*, называя его *дин* или *динги*, правителей нарекали титулом «*дингир*» – *посланник Бога*, или *обожествленный правитель*, для молений строили храмы и церкви.

Если представить современную цивилизацию как огромное вселенское дерево со всеми духовными стволами, разнообразными ветвями культуры, то мы убеждены в том, что это дерево проросло и держится на прочных шумеро-тюркских корнях, уходящих в глубину семи-восьми тысячелетий. Но этого факта многие современные историки не хотят признавать только по одной причине – шумерский язык, вопреки ожиданиям, оказался не индоевропейским и не семитским. То же можно сказать об этрусках, которые более чем за тысячу лет до Рима создали культуру, на почве которой зародилась итальянская цивилизация, затем Римская Империя и вся современная европейская цивилизация.

На протяжении веков поколения европейских ученых пытались разгадать *тайну происхождения этрусков*. Этому народу, сыгравшему решающую роль в становлении европейской цивилизации, приписывали то семитское, то славянское, то северно-европейское происхождение. Однако еще в древнем Риме однозначно указывали и на восточные корни этрусков. Но современные ученые категорически отменяют доводы исследователей, основанные на анализе сохранившихся фрагментов письменности и указывающие на идентичность этрусского и тюркского языков. По сей день Российская Википедия называет такое предположение смехотворным.

В 2007 году ученые генетики из пяти ведущих итальянских университетов в сотрудничестве с генетиками Стэнфордского университета в США провели исследование геномов населения Италии с использованием в качестве маркера митохондриального ДНК (мДНК). В число исследуемых были включены жители разных городов и сел Тосканы, которых по произношению (как итальянский диалект) относили к потомкам этрусков. Результаты исследований показали, что одна группа мДНК совпала с данными автохтонного населения Италии, результаты ДНК-анализа южной части населения выявили греческое происхождение. Оказалось, что мДНК потомков этрусков отличались от данных оставшейся части населения Италии. Эти результаты сравнивали с известными данными почти всех этнических групп европейского континента, включая представителей славянских народов, но не обнаружили с ними никакого сходства. При сравнении же этих данных с мДНК населения Турции был получен положительный результат – полное и безоговорочное совпадение! Коллективный вывод итальянских и американских ученых был однозначен: *этруски по про-*

исхождению были древнейшими тюрками и прибыли из Турции или Малой Азии приблизительно между 2000-1500 годами до н.э.

Итальянские ученые проявили себя объективными и беспристрастными, как и должно быть истинным ученым. Они, обнаружив свои результаты о тюркском происхождении этрусков, с гордостью и великодушием называют этрусков своими предками, сотворцами своей культуры. Но многих иностранных исследователей и журналистов эти результаты почему-то не устраивают – с момента опубликования данных генетических исследований неожиданно прекратили демонстрировать передачи об этрусках, о них перестали писать и даже упоминать в школьных учебниках. Наступила долгая тишина... Но научные факты нельзя спрятать в угоду сложившимся на протяжении многих лет стереотипам; обязательно наступит время, когда в европейских странах признают истину об этнической принадлежности этрусков.

Согласно многочисленным данным этруски во многом являются продолжателями культурных и этнических традиций Древнего Шумера – у тех и у других был единый бог, сопровождавший их на протяжении всей истории. Для подтверждения полученных результатов предстоит большая работа и многогранные исследования в разных областях, большой интерес, например, представляет изучение генетического кода останков шумерцев.

Теперь коснемся этнического происхождения фараонов и жрецов Древнего Египта. Ученые Великобритании твердо заявили, что они не были ни семитами, ни европейцами. Существуют данные, свидетельствующие о тесных религиозных и культурных связях Шумера и Древнего Египта, о сходстве в развитии языков этих двух государств. Внешне допустимо предположение о том, что на раннем этапе заселение этих стран осуществлялось родственными народами.

Историки по сей день не решаются определить, куда причалили *караваны исторического груза*, которые несли на своих плечах этруски многие тысячи лет. Перефразировав рассуждения великого поэта Пастернака о столетиях, мы предполагаем, что *«к нам на суд приплыли караваны тысячелетий из темноты»*. Мы осмелились вынести свой вердикт – именно древним народам Шумера мы должны быть благодарны за то, что:

- мы строим школы и учим там детей языку и письменности, математике и другим предметам,
- идем к врачу за рецептом или к нотариусу за подтверждением нашей подписи,
- за возможность защищать права человека на основании законов,
- за создание двухпалатного парламента,
- за изобретение экономики и финансов,
- за дома и дворцы,
- за колесо и кирпич,
- за металлургию и кораблестроение,
- за вино и пиво, которые были изобретены для праздников и хорошего настроения и пр.

За много тысяч лет до нашей эры все это придумали не какие-то пришельцы, а живые люди, народы разных кровей – наши предки, и сейчас все сделанные ими открытия являются наследием всего человечества.

Последнее и самое важное в наших наблюдениях относится к нашему духовному миру. Обычно говорят, что *в начале было слово*. Но было не просто слово, а слово, обожженное огнем и навечно закрепленное в маленьких табличках, предназначенное для всех будущих поколений.

Конец государства Шумер был предопределен нескончаемыми нашествиями варварских племен. Еще в конце третьего тысячелетия до н.э. соседние языческие племена семитов, находившиеся на гораздо более низком уровне развития, напали на шумерский город *Киш*. Гонимые голодом и завистью, они вторглись в Нижнюю Ме-

сопотоамию. Захватив власть, древние семиты грабили, разрушали города, дворцы и храмы, физически уничтожали шумерскую аристократию. За время своего правления, длившееся немногим более ста лет, агрессоры физически истребили десятки тысяч жителей, осуществив первую в истории человечества этническую чистку, стремясь к *семитизации* Шумера.

Однако в скором времени семитской династии был положен конец, и началась эра шумерского возрождения. Коренные жители Шумера не исчезли с лица земли, как это пытаются представить многие авторы. Согласно письменным источникам, спасшиеся, в силу создавшейся со стороны варваров угрозы переместились на соседние территории и страны и на протяжении тысячелетий продолжали свой род, сохранив генофонд, создавая новые государства и империи. Многие современные тюркские народы являются прямыми потомками древних шумерцев.

После кровавых захватнических войн на руинах прежних городов и сел Шумера остались миллионы табличек с неизвестными и замысловатыми знаками и углублениями. Это были таблички с первой в истории письменностью, шумерцы попытались объяснить семитам-аккадцам, что в этих табличках сосредоточены мировые знания и даже послания богов. Это возымело действие, среди захватчиков нашлись разумные люди, которые начали переводить эти тексты на аккадский язык. Эти переводы со временем помогли ученым раскодировать послания шумерцев.

Специалисты, сравнивая законы написания и произношения шумерских и древних семитских слов, пришли к вполне ожидаемому выводу о том, что многие основополагающие положения Библии в ее первой части, начиная от Книги Бытия, полностью заимствованы из шумерских, т.е. древнетюркских поэм и мифологии, эпосов и сказаний. Семиты как эстафету переняли у шумерцев веру в Бога и многое связанное с религией. И мы должны быть безгранично благодарны древнееврейским писцам Библии, сохранившим для нас послания шумерцев и обогатившим их своими последующими воззрениями и опытом.

Позднее были сделаны и другие неожиданные выводы. Специалисты пришли к неопровержимому выводу – библейский Авраам, с которым Бог вел диалог, не был семитом, а происходил из древнейшего шумерского рода. Его отцы и праотцы в нескончаемых поколениях также были шумерцами, говорившими на *агглютинативном* языке народов, живших тогда и проживающих сегодня на землях к югу от Каспия – в Азербайджане, Турции, Туркмении и Узбекистане. Делается очевидный вывод – Адам и Ева как первая семья, откуда ведет начало род Авраама и весь род человеческий, были выходцами из земель древнего Шумера, говорили они на *прототюркском*, или древнетурецком языке. И сыновья Ноевы были и остаются в этой цепочке шумерцев, «двинувшись с востока, они нашли в земле *Сеннаар равнину и поселились там*» (Книга Бытия 11, в английском варианте Шиннаар). Обо всем этом, о Всемирном потопе, о том, кто построил ковчег, и многом другом рассказано в этой небольшой книге.

До настоящего времени не прояснен до конца вопрос о том, когда началась письменная история человеческой цивилизации, какие этносы сыграли ключевую роль в становлении современной материальной и духовной конструкции. Утвердилось мнение, что древнейшие цивилизации Месопотамии, Египта, Рима заложили основы цивилизационного процесса во всем мире. Однако эти провозвестники и предтеча европейской и всеобщей цивилизации не возникли на пустом месте. Империи с их самобытными духовными и материальными достижениями существовали задолго до нашей эры и, возможно, они и являются основой матрицы, по которой сплетен современный мир со всеми его достижениями и недостатками. Так кем же могли быть народы, заложившие основу цивилизации, и по подобию которых пришло в движение все остальное?

Ольга ХЕГАЙ

Родилась в 1955 г. в городе Намангане. Окончила МПГУ (Москва), факультет русского языка и литературы. В 1984 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Своеобразие мировоззрения и творчества В.П.Боткина». Имеет более 80 публикаций в журналах и научных сборниках Узбекистана и России. Живет в Ташкенте.

Художественные координаты времени в рассказах З.Прилепина

Рассказы З.Прилепина выражают «поколенческое» мироощущение, характерное для начала нового столетия. Оно отразилось в произведениях молодых писателей совершенно разных по жизненным интересам, социальному статусу и художественным решениям, консолидирующихся на форуме в Липках. Отсюда стартуют многие молодые, моделирующие собственный образ своего поколения. Это уже известные писатели: С.Шаргунов, З.Прилепин, Д.Гушко, В.Сигарев, Р.Сенчин и др.¹

Предлагаемые для рассмотрения «Рассказы» З.Прилепина были опубликованы в журнале «Новый мир» (2005, № 5). В них, на наш взгляд, обнаружилось редкое качество мировидения еще молодого писателя, его способность в наше непростое время попытаться смоделировать «норму поведения счастливого человека». В современной критике эта особенность поэтики З.Прилепина получила определение как «сентиментальность, слашавая хрупкость».² Однако, как нам кажется, в данном случае сентиментальное приобретает этическое значение и необходимый эффект для раскрытия авторского мироощущения, стремящегося сформировать пусть хоть и «надуманную», но «норму поведения счастливого человека», где ключевым является понятие «счастливого человека», столь актуальное в «не совсем счастливую» эпоху.

Двучастная организация «Рассказов» З.Прилепина, состоящих из двух небольших повествований («Белый квадрат» и «Ничего не будет»), заключена на центризме авторской позиции, являющемся как бы фокусом, регулирующим подвижность временных смещений. В рассказе «Белый квадрат», метафорический смысл названия которого уводит в далекое прошлое рассказчика-героя, в контексте всего произведения он приобретает глубокий символический смысл, связанный с главным персонажем рассказа, соотносится с образом детства и моделирует ретроспекцию времени.

Художественное время в рассказе З.Прилепина «Белый квадрат» отличается легкой подвижностью, допускающей временные смещения, что придает ему многомерный характер, вмещающий прошлое, настоящее в одном контекстуальном художественном пространстве. В сюжетном повествовании устанавливается условное настоящее время повествователя,

¹ Литературное явление, аналогичное представительству "40-летних": А.Ким, В.Маканин, Р.Киреев и др.

² См.: Пустовая В. Человек с ружьем: смертник, бунтарь, писатель. - С. 171.

соотносящееся с повествованием о прошлом героя-рассказчика, в котором формируется образ детства, ассоциативно связанный с фигурой главного героя – Сашки. Композиционно рассказ З.Прилепина организован на чередовании временных планов настоящего и прошлого, где прошлое (образ Детства) носит идиллический характер и передает ощущение реальности, выражающейся через детальное описание подробностей событий и явлений, характерные эмоционально-чувственные признаки, обнаруженные в неповторимых метафорических выражениях («...я честно доносил и улыбку, и нераспескавшееся торжество до белого квадрата на двери», «сердце прыгало...»). А настоящее, выраженное в лирических высказываниях автора-повествователя и устанавливающее условное настоящее время, напротив, как будто отдалено от реальности. Это ощущение отдаленности от действительности усугубляют и диалоговые конструкции, воссоздающие в снах героя-рассказчика мнимые разговоры с персонажем, погибшим и оставшимся в том детском пространстве, вызывающем ассоциации у рассказчика, связанные с игрой «чур меня!», с образом «белого квадрата на стене», вырастающим в контексте произведения в многомерный образ Времени: «Душно, Захарка. Мне душно. – Я едва угадываю по ледяным, почти недвижимым губам сказанное. Голоса нет. – Может, пить? У меня есть в холодильнике... – Нет! – вскрикивает, словно харкает, он. И я боюсь, что от крика хрястнет пополам его лицо – так же, как разламывается тушка замороженной птицы, открывая красное и спутанное нутро» (107).

События, определившие движение сюжетного времени, сосредоточены на образе главного героя произведения Сашки, которому всегда «сердце прыгало навстречу».¹ В структуре художественного времени, которое в эстетической реальности рассказа становится многомерным и обратимым, наблюдается переключение временных регистров, вследствие чего настоящее утрачивает реальные признаки, а ретроспектива, напротив, приобретает реальные черты, моделирующие образ Времени (прошлое, детства), художественно конкретизирующийся в данном контексте в метафоре белого квадрата, который ассоциативно соотносится с образом Сашки. Многомерность времени направлена на раскрытие образа главного героя, оценочная характеристика которого дается с точки зрения автора-повествователя и указывает уже на другой уровень мировосприятия, в котором жизненный опыт позволяет увидеть события прошлого из настоящего времени в оценочном ракурсе: «Он позволял себе смеяться над местными криволицыми и кривоногими хулиганами – братьями Чебряковыми. <...> Чебряковы были близнецами, старше Сашки на год. В детстве это большая разница. По крайней мере у пацанов» (курсив наш – О.Х.) (107). Точка зрения автора-повествователя, вносящая лирическую струю в повествование, свидетельствует о переключении темпорального регистра с прошлого на настоящее, выражением которого выступает лирическое высказывание, в котором одновременно обнаруживается и оценка характера главного героя, и субъективное сожаление о нереализованном качестве в своей жизни: «Я всю жизнь искал повода, чтобы так сказать – как Сашка. Но когда находился повод – у меня не хватало сил это произнести, и я бросался в драку, чтобы не испугаться окончательно. Всю жизнь искал повод, чтобы сказать так, – и не смог найти, а он нашел – в свои девять лет». Невольно сопоставляется «вся жизнь», равная двадцати семи годам автора-повествователя – девяти годам Сашкиной жизни, когда герой уже сумел сделать то, что не по силам другим.

В контексте рассказа выстраивается ассоциативный ряд образов, соотносимых между собой, в совокупности моделирующих хронотоп Прошлого: «белый квадрат» – игра «чур меня!» – детство – Прошлое. Время, неотделимое от пространства, образная конфигурация которого отличается одновременно как многомерностью измерения (открытостью), так и замкнутостью (закрытостью), также выстраивает свой ассоциативный ряд, но в обратном порядке, где конечной инстанцией становится замкнутый образ «белого квадрата» – холодильника, в котором замерз Сашка, куда спрятался во время игры и откуда не смог выйти: деревня – игра «чур меня!» – холодильник – «белый квадрат», в конечном итоге обретающий символическое значение смерти.

¹ Прилепин З. Рассказы. Белый квадрат // Новый мир. - М., 2005. № 5. - С. 107. В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

Не случайно двучастное образование З.Прилепина, озаглавленное нейтрально «Рассказы», что обозначает скорее жанр, заканчивается повествованием «Ничего не будет», название которого можно понимать по-разному. В контексте всего двучастного целого первый рассказ, где доминирует трагическая концепция жизни, задает основной тон всему циклическому повествованию. И начало второго рассказа как бы явно и активно противостоит драматизму первого, заканчивающегося на трагической ноте: «Руками и ногами мертвый мальчик упирался в дверь холодильника. На лице намерзли слезы. Квадратный рот с прокушенным ледяным языком был раскрыт» (109).

Уже первые фразы второго рассказа вводят читателя в идиллическую атмосферу счастливой семейной жизни героя-рассказчика, автобиографическое начало которого ярко выражено в контексте всего повествования: «Два сына растут. Одному четыре месяца. <...> Люблю целовать его, когда проснется. Щеки, молоком моей любимой налитые, трогаю губами, завороженный».¹ Художественное время в рассказе как бы замирает и утрачивает свою способность протекания. Повествование, основанное на описании идиллической картины семейной жизни героя-рассказчика, приобретает статический характер. Темпоральная структура повествования отражает линейные признаки, в которых явно доминантную позицию занимают элементы и пласты настоящего времени, когда констатируется конкретный возраст самого героя-рассказчика, его состояние переполненности счастьем, выраженная в сказовой форме, довольство жизнью: «Мне двадцать лет. И я счастлив. <...> И я глажу милую по спинке, а детей по головам, и еще глажу свои небритые щеки, и ладони мои теплы, а за окном снег и весна, снег и зима, снег и осень. Это моя Родина, и в ней живем мы» (113). В момент, когда герой, кажется, «упивается» своим счастьем, совершенно неожиданно вторгается совершенно новое ощущение, враждебный характер которого передается динамизмом и внутренней напряженностью повествования, как бы предрекающим угрозой розовой идиллии.

В душевный покой и счастье врывается мотив смерти. Он кажется неожиданным, но закономерным, отвечающим авторской интенции, устремленной к завершению целостности художественной концепции жизни, в которой идиллия всегда граничит с трагизмом. С момента сообщения «любимой» о смерти бабушки героя, «бабуки», как он называл ее всегда с любовью, в повествовании обнаруживается трагический динамизм: «Я... расхристанный... выжал педаль сцепления, резко вылетел из гаража, залетел домой...<...> окончательно расколотый рванул по двору в полной темноте, а когда шелкнул выключателем, увидел в ближнем свете бегущую и оглядывающуюся в ужасе собаку... я бешено выкрутил руль...» (114). Как видим, изображаемое время как бы сжимается, сокращается, оно концентрирует последующие события, повествование становится напряженным, передающим нервное состояние героя. Именно переключение темпоральных регистров создает художественный эффект финала, в котором настоящий временной план расширяется, приобретает философское содержание, смысл и значение которого выражены в заключительной фразе: «Дальнобойщик около ста метров ехал по встречной, а потом свернул на свою полосу, так и не остановившись, чтобы сказать мне, что я... Что я смертен» (115).

Образ смерти, вторгшейся в пространство настоящего времени, расширяет его до вечности. Время, таким образом, становится индикатором жизни, в которой Прошлое через память («помнится...») входит в настоящее, способное прерваться в каждый момент («Что я смертен»). Именно это упоминание о том, что человек смертен, актуализирует настоящее, каждого человека, его данное «сейчас» и требует ценностного к себе отношения. Возможно, такой ракурс обуславливает некоторую сентиментальность, которая характерна для начала второго рассказа, и определяет основной пафос произведения. Природа времени, соединяющего прошлое человека с его настоящим, протянутым в будущее, способное прервать его жизненное движение отличает небольшое повествование З.Прилепина и придает ему метафизический смысл, заключенный даже в самом обыденном бытовании каждого человека.

¹ Прилепин З. Рассказы. Ничего не будет // Новый мир. - М., 2005. № 5. - С. 110. В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.